

Уроженец Томани

Варшавля КудРева

ФОРЕ-АЖУРНЫЕ

объемные-мбд

Валентина Андреева

Форс-ажурные обстоятельства

Валентина Андреева

Редкая удача выпала на долю Ирины и Натальи – отправиться в свадебное путешествие вместо молодоженов, да еще и в Скандинавию. И никто не подозревал, чем эта поездка обернется по возвращении. На глазах у Ирины попадает под машину сосед по купе – Шурик. Наезд не был случайным. Забыть это происшествие невозможно – обнаруженный Ириной в своих вещах пиджак Шурика вынуждает искать координаты супругов Кочневых, ибо в карманах пиджака находится крупная сумма денег и железнодорожный билет. И начинается череда сплошных загадок: «Шурик» не Шурик, подозреваемый – жертва, а хакер – герой. А главное, обнаруживается куча претендентов на давно просроченный билет. Пытаясь раскрыть его тайну, героини обнаруживают такое!..

Часть первая. СВАДЕБНЫЙ МАРАФОН

1

Я хорошо помню суетность этого дня: пятница, тринадцатое сентября. Скорый поезд, на который мне любыми путями следовало успеть до 15.05, должен был увезти нас с Наташкой, с позволения сказать, «в свадебное путешествие». С Ленинградского вокзала Москвы прямо в столицу Финляндии Хельсинки.

Еще пару месяцев назад никому и в голову не приходило, чем обернется поездка Лешика в длительную заграничную командировку. Обернулась она свадьбой. Для Лешика с невестой Оленькой – счастливым, заранее спланированным мероприятием, для родных и друзей просто внеплановым счастливым мероприятием, а для нас с Наташкой – стихийным бедствием с последующим «свадебным путешествием». Как выяснилось позднее, все были очень довольны организацией торжественного события, но никто не удосужился сказать нам «спасибо». И тому было весомое оправдание, подразумевалось, что деятельная суматоха отвлекла нас от жизненной рутины и одновременно уберегла от авантюрных выходок. Как бы не так! И кто бы знал, к чему все это приведет!

В середине лета Лешик, прилетев в Москву, привез из Дании самое лучшее, что успел там отыскать за полтора года заграничной командировки – коллегу по работе и будущую подругу жизни Оленьку, родом из Санкт-Петербурга. Половины дня ребятам вполне хватило на то, чтобы подать в ЗАГС заявку о регистрации брака и приобрести туристические путевки на поездку по странам Скандинавии. Правда, весьма оригинальную – только в один конец. Загруженность на работе не позволяла жениху и невесте разгуляться по полной программе, а разгуляться хотелось. Вот и решили вернуться в Копенгаген не прямым рейсом авиакомпании, а окольными путями, через Финляндию и Швецию. Весь фокус заключался в том, что о своих намерениях ребятки никому из нас не сообщили. Ну Наташке – понятное дело: до момента бракосочетания сына она ухитрилась бы поставить на уши столицу нашей Родины, а заодно и Копенгаген, страдая от постоянной непродуманности какой-нибудь мелочи. Но мне-то эту тайну можно было доверить. Я стойко мучилась бы в одиночку. Оленька всем понравилась. Несмотря на то что при первой встрече не прошла Наташкино тестирование, в чем проследивалась прямая вина Лешика. Во-первых, оба свалились родительнице на голову скоростно, без предварительного уведомления. Тогда как Наталье для осмысления факта прибытия сына с

девицей требовалось время. Хотя бы сутки, в течение которых она могла бы, не торопясь, пройти все необходимые стадии: удивление, испуг, критику недостатков подружки сына, независимо от их наличия или отсутствия, затем основанное на выявленных недостатках раздражение и, как следствие, жалость к себе, а заодно и бедняжке девочке. За то, что такая уж она уродилась. Во-вторых, представляя Ольгу матери, Лешик неудачно пошутил. В тот момент, когда мамочка, терроризируемая настырными трелями звонка, не очень приветливо открыла дверь. Да еще с потусторонними (с обратной стороны двери) вопросами, «какой придурок приклеился к кнопке» и «почему его угораздило заявиться именно в тот момент, когда у нее прорвался пакет с мукой». Между прочим, прямо над путавшейся под ногами собакой, с испугу рванувшей отряхиваться в комнату. Предполагалось, что от такого приветствия нежданный гость, если сразу и не развеется по ветру, сквозившему от приоткрытого окна на лестничной клетке, то, по крайней мере, почувствует сильный приступ угрызений совести.

Привыкший не обращать внимания на оригинальные материнские выпады, Лешик в целях достижения наибольшего эффекта от неожиданности своего появления спрятался за дверь. В результате Наташкиному взору предстала насмерть перепуганная хорошенькая шатеночка, напрочь забывшая то, что не обделена даром речи.

Наталья слегка озадачилась. На «придурка» несчастное существо не тянуло. Сопровождая жесты своих белых от муки рук нетрадиционным переводом, подружка попыталась выяснить, каким ветром, откуда, а главное, по какой причине девицу занесло непосредственно к ней.

Несмотря на устрашающие Наташкины пассы, Оленька, возможно, и нашла бы в себе силы развязать язык, но тут из-за двери выскочил Лешик:

– Привет, ма! Мы на минуточку! – И, не обращая внимания на рассыпавшуюся мелкой мучной пылью родительницу, облапил ее, оторвав от любимых тапок и линолеума коридора. Следом, не дав ей опомниться, представил девицу: – Знакомься, это моя Оленька. Ты ее не пытай своими иезуитскими вопросами. Она у меня глухонемая и забитая, из очень далекой провинции.

Шутка Лешика удалась. Девушка окончательно раздружилась с языком и только виновато улыбалась, чувствуя свою ущербность и не зная, как себя вести дальше.

Наташка нашла в себе силы изобразить радость. Только слишком мучительную. Жестом пригласила избранницу сына войти в квартиру, где за закрытой дверью комнаты бесновалась почуявшая Лешика Денька, и,

пропустив девушку вперед, бескомпромиссно и громогласно заявила сыну:

– Похоже, ты и сам глухонемой. Умственно. Поэтому и откопал такое чудо. Только в очень далекой провинции оно и могло явиться миру. Но заметил и оценил его именно ты. Вылитый отец! Всегда смотрите исключительно не туда, куда надо. Надеюсь, это увлечение недостаточно серьезно.

– Ну почему же? Мы решили пожениться, – мило осклабился Лешик и подмигнул обернувшейся в полной растерянности невесте.

– Да все потому же! – Наташка в свою очередь решительно улыбнулась Оленьке. – Я еще как-то могу оправдать твой выбор глухонемой невесты заботой обо мне. По крайней мере, я могу безбоязненно отпускать замечания в ее адрес. Но вот то, что она из глубинки... Масса примеров, когда такие провинциалки, – еще одна широкая улыбка в адрес Оленьки, – выживали из дома коренных москвичей. А я и так практически живу на кухне. Дальше меня некуда выживать!

– Ма, мы собираемся жить отдельно.

Наташка еще не успела осмыслить это заявление сына, как заговорила Оленька. Для начала, хоть и не к месту, поздоровалась, а затем напомнила Лешику, что им надо на вокзал и проявила стремление выскочить за дверь. Лешик сунул мамочке сумку с презентами, обреченно развел руками, чмокнул ее в щечку, поведав, что очень соскучился, но, к сожалению, командировка у него непосредственно в Питер и то, что он ухитрился совместить эту поездку с краткосрочным визитом домой, говорит о высокой степени его привязанности к родителям. Жаль, что отца не застал.

Разговорилась Наташка где-то через полчаса. И все это время под дикие всхлипывания обойденной вниманием собаки присидела в собственном коридоре, с недоверием поглядывая на входную дверь. Вернувшись из магазина, я застала подругу в состоянии душевной невесомости. На все мои вопросы она отвечала односложно и невпопад, пока я предусмотрительно не посторонилась и не выпустила изнывающую от одиночества Деньку. Собака сразу же понеслась к порогу и, обиженно повизгивая, принялась настойчиво обнюхивать коврик у двери.

– Лешика ищет, – грустно сказала Наташка и всплакнула, приведя меня в состояние крайнего замешательства. Кстати сказать, я из него не вышла и после краткого разъяснения ситуации. В какой-то мере мы с Наташкой поменялись ролями. Подруга, вскочив со стула, принялась носиться по квартире, убеждая себя в том, что шутки сына стали заходить слишком далеко. Я, усевшись на освобожденное место, пыталась уяснить, укусила ли Наташку какая-то инфицированная сумасшествием муха или ей просто

приснился дурной сон. В конце концов, Наташка и сама перестала верить в реальность Лешикового явления. А чуть позднее, вдохновленные реакцией мужей, мы пришли к выводу, что ничего страшного не произошло. Во всяком случае, так люди не женятся. Толком даже не поздоровавшись.

Едва почувствовав прилив сил, подруга нашла новый повод для расстройства. Коллега Лешика, которую он притащил с собой, очень симпатичная девица. Жаль только, что не глухонемая. И, если у нее нормальное зрение, она просто обязана разглядеть в Лешике черты лучшего из кандидатов в спутники жизни. Неужели сын и в самом деле пошутил насчет женитьбы? С другой стороны, неизвестно, что эта девица собой представляет. Пусть уж все останется этой дурацкой шуткой.

Шли дни, Лешик, ссылаясь на постоянный лимит свободного времени, отделялся краткосрочными приветствиями и сыновьими отписками по электронной почте без каких-либо намеков на свадьбу, но регулярно передавал приветы от Ольги. Мы окончательно решили, что «приветами» все как-нибудь и обойдется.

Накануне отлета в Москву, извещая о своем прибытии из Копенгагена шестого сентября, между делом, как о чем-то несущественном, Лешик сообщил, что регистрация брака с Оленькой намечена на одиннадцать часов седьмого сентября. Мама Оленьки прилетит вместе с ними. На один день. Очень хочется познакомиться с новой родней. Папа, к сожалению, приболел, приехать не сможет.

Не знаю, как компьютер выдержал Натальино возмущение. Но сам Лешик даже не обиделся. Вежливо намекнул матери о потере памяти – в прошлый свой налет он предупредил ее о грядущем событии. А главное, просил ни о чем не беспокоиться. Никакого пышного мероприятия не планируется. Регистрация брака – простая формальность, которую надлежит тихо отметить в узком семейном кругу. На следующий день мама Оленьки вернется домой в Копенгаген, а они с Олей до тринадцатого сентября, даты начала свадебного путешествия, спокойно поживут на даче. Оленька скучает по российским угожьям.

– Наверное, все инженеры-электронщики бездушно запрограммированы на автоматизм поведения, – сквозь слезы жаловалась мне Наташка, пытаясь составить меню праздничного обеда, до которого оставалось менее двух суток. – Ир, я так понимаю, Копенгаген и есть та очень глухая провинция, где проживает моя неглухонемая невестка?

– По крайней мере, можешь быть спокойна за свою жилплощадь.

Я осторожно пыталась внести исправление в блюдо «гусь лапчатый», переименовав его в «жареный». Подумала и добавила печатными буквами:

«А на фиг он нужен?» С недавних пор с жареными гусями не связываюсь ^[1].

– Лучше бы они с Ленусиком поженились, – вздохнула Наташка. – Я, разумеется, приму любой выбор сына, но хотелось бы, чтобы он совпал и с моим.

– К сожалению, мы с тобой ничего не решаем. Оба «де-факто» считают себя родными людьми, почти братом и сестрой. А браки между родственниками – нонсенс. Хватит отвлекаться! Если мы поторопимся и ночь не поспим, успеем составить список необходимых продуктов.

– У тебя неправильный подход к праздничному столу. Вначале надо определиться с тем, что подавать, а уж потом – что для этого нужно. Слу-у-ушай, а кому вообще все это нужно? Кроме нас с тобой? Блин, купим нарезки, каждому по «кусочку» колбаски, и повеселимся. Эта моя будущая теща, похоже, ни о чем таком не думает. У них в Копенгагене только свистни, сразу скатерть-самобранка накроется. А у нас с такой скатертью можно все просвистеть. Замучаешься подсчитывать, на сколько надули.

– Мне кажется, твоя новоиспеченная родственница как-то по-другому называется. Теща – это для Лешика. А для тебя...

– Для меня она Лилиана Сергеевна из Копенгагена. И давай больше не будем на эту тему! – перебила меня Наташка.

Оставшееся до свадьбы время прошло в каком-то угаре. Абсолютно не имею в виду исходящую чадом духовку моей электроплиты, таким образом среагировавшую на отстреливавшегося каплями жира гуся и все последующие запекания. Просто я разуверилась в том, что только счастливые часов не наблюдают. До счастья нам с Наташкой было далеко. А полтора рабочих дня, снисходительно подаренные мне шефом в порядке компенсации «за вредность», промелькнули, как толпа пассажиров, в часы пик вываливающаяся из автобуса на нашей остановке и мгновенно рассеивающаяся в разные стороны. Суетливо, с толкотней и комментариями по поводу изъянов отдельных мешающихся личностей. Алена со Славиком носились за подарками и просто друг за другом, ухитряясь растеряться в самых невероятных местах. Не помню, видела ли я в этот временной период своего мужа. Впрочем, Наташкиного тоже не помню.

Момент приезда Лилианы Сергеевны из Копенгагена в сопровождении жениха и невесты мы с Наташкой проспали. Да так крепко, что поздравить их с прибытием смогли только утром.

В половине седьмого Лилиана Сергеевна сидела на моей кухне и спокойно пила зеленый чай. Не сразу въехав в ситуацию, я приняла ее за

приятельницу Алены, решившую протянуть нам руку помощи. На мой сонный «привет» и вопрос, почему тут торчит в одиночестве, она ответила таким же «приветом» и пояснением, что на кухне торчать удобнее всего. Развить эту тему дальше мы не успели: в прихожей нарисовалась заспанная Наташка и с порога поинтересовалась, не известно ли нам, куда черти унесли Лилиану Сергеевну из Копенгагена?

– Насколько я поняла, – вежливо ответила «приятельница Алены», – черти в лице Дмитрия и Бориса унесли меня к чертовой матери Славика и Аленки. – Она приветливо мне кивнула. – Мы с Ириной чертовски удобно ночевали в одной кровати и только сейчас познакомились. Дима был настолько любезен, что уступил мне свое спальное место. Честно говоря, я намеревалась остановиться в отеле, но ребята непустили. Сказали, что Наталья Николаевна обидится. Я так понимаю, вы главная чертовка? – Отхлебнув из чашки очередную порцию чая, женщина пытливо уставилась на Наташку.

– Фига себе, – промямлила подруга и протерла ладонями глаза.

– Да ни фиги! – ответила Лилиана Сергеевна, опередив меня на полсекунды. – Будем считать, что знакомство состоялось.

– Будем, – покорно согласилась Наташка. – От чертовки и слышу. Сколько же вам лет?

– Не «вам», а «тебе»! Я ваша ровесница. Поэтому просто Лиля или Ляна, я на все отзываюсь. Коротко о главном: мой муж и отец Оли Евгений Михайлович немного старше. Он художник. И, кстати, очень талантливый. Восемь лет назад мы оставили Санкт-Петербург и переехали в Данию. Так получилось. Что еще? Ах да! Я владелица косметического салона и, так сказать, лицо своей фирмы. Алексей и Оля до окончания его заграникомандировки поживут вместе с нами. У нас в пригороде Копенгагена свой дом. Очень удобный. А дальше будет видно.

Не могу сказать, что родные стены мне помогали. И хотя я в полном смысле на них опиралась, не оставляло ощущение дискомфорта. Может быть, оттого что на мне повисла Наташка. Ну да, стены же сродни мне, а не ей.

– Девушки, давайте я вам свеженького чайку заварю, – вспомнив о правилах гостеприимства, пусть даже и на чужой кухне, встрепенулась Лилиана. – На будущее советую пить только зеленый. А потребление кофе постарайтесь вообще прекратить. Это я вам как специалист говорю. Вот так! – Почти целая банка растворимого кофе ловко угодила в мусорный пакет. Мы с Наташкой в унисон вздрогнули и ужаснулись. – Для здоровья полезней, – продолжала вещать Лилиана. – Вы обе, как я поняла, его

немного подорвали. Дима рассказывал о вашем кулинарном подвиге.

Она неторопливо возилась с чаем и вела себя так, как будто дневала и ночевала на моей кухне.

– Вообще-то, ребята виноваты, – мягко поясняла она. – Следовало доходчиво объяснить, что никаких особых приготовлений к торжеству не надо. Мы заранее согласовали меню и в ресторане «Норд-Вест» оформили заказ на доставку готовых блюд. К двенадцати часам все будет на столе. Ну что же вы? Садитесь.

– А ты говорила, что я могу быть спокойна за свою жилплощадь, – воспользовавшись временным отсутствием сватьи, непривычно тихо прошипела Наташка. – Да эта Лилиана Сергеевна из Копенгагена даже твою кухню оккупировала, хотя ты мне «де-юре» никакая не родственница.

Подруга вытащила из мусорного пакета банку кофе. Старательно отмыв ее под струей горячей воды, подумала и на всякий случай спрятала в СВЧ.

В восемь часов вечера, время, на которое было заказано такси для отправки госпожи Прошиной Лилианы Сергеевны в аэропорт, мы с Наташкой были полностью уверены в том, что обрели еще одного родного и близкого по духу человека, замечательную хохотушку Ляну. Ляна тревожилась за состояние любимого мужа и категорически отказалась отложить возвращение домой даже на один день. Не помогли никакие уговоры.

Следующее утро было посвящено осмыслению минувшего события, чему способствовали кадры видео – и фотосъемки. Наташка откровенно удивлялась тому, что не уехала в ЗАГС прямо в рабочей одежде. Про то, как отправилась туда в домашних тапочках, подруга намеренно умолчала. А я не стала напоминать, сама хороша! Наташка хотя бы успела переобуться. Мне же в своих розовых с помпонами шлепанцах так и пришлось, не вылезая, просидеть в машине. Спрашивается, зачем ездила, если не удалось поддержать подругу на регистрации нового этапа ее жизненного пути?

Мы как раз обсуждали красоту и элегантность наряда невесты, когда она, зареванная, появилась на пороге комнаты. За ее спиной торчала расстроенная физиономия Лешика. Позднее Наташка призналась: первой ее мыслью было предположение о разводе молодых. На деле все оказалось гораздо хуже. Оле позвонила мама и сообщила, что у отца был повторный сердечный приступ, его увезли в больницу и никаких прогнозов на улучшение состояния врачи не делают. Было принято решение о немедленном возвращении молодых супругов Кузнецовых в Данию. Свадебное путешествие оставалось нереализованной мечтой.

Спрятавшись в ванной комнате, Оленька тихо плакала, делая вид, что умывается. Наташка, делая вид, что моет посуду, чуть громче ревела над мойкой. Я дефилировала между обеими, спешно подбирая слова утешения и поддержки. Все они сводились к тому, что, учитывая сложившуюся ситуацию, Олин папа просто обязан скоростижно поправиться. Тогда в полном составе можно будет сыграть еще одну свадьбу с настоящим свадебным путешествием. Наташка слабо сопротивлялась, заявляя, что не собирается всю свою жизнь выдавать сына замуж.

Лешик уже намеревался звонить в туристическую фирму, чтобы отказаться от путевок, когда Борис не очень решительно предложил сделать рокировку – в тур по Скандинавии отправить Наталью и меня. Не терять же значительную часть денег. Причем немалую. Туристические компании не жалуют туристов, отказывающихся от туров накануне отъезда.

Все как-то сразу ухватились за это предложение. У меня даже родилась мысль, что мы своей предсвадебной и, как оказалось, совершенно ненужной суетой изрядно поднадоели окружающим. Тут же возникло чувство обиды, заставившее меня уверенно заявить: «Не надо меня никуда посылать! Я уже была в Скандинавии! И в Хельсинки, и в Стокгольме, и

даже по Норвегии покаталась. Не поеду!» А возможно, это даже не обида прорывалась сквозь мои плотно сжатые зубы. Просто таким способом давала знать о себе интуиция. Предчувствовала, что наша поездка добром не кончится.

Наташка неуверенно сказала, что все равно нам с ней не успеют оформить визы и это даже хорошо, поскольку с работы ее не отпустят: недавно очередной отпуск отгуляла. Борис возразил, что незаменимых людей нет. И тут же, с помощью Димки и все того же Бориса, выяснилось, что такие люди все-таки есть. По крайней мере, их двое: Дмитрий Николаевич и Борис Иванович. По роду и характеру деятельности им никак нельзя покинуть рабочие места даже на один день, а не то что на неделю с лишним.

Мы продолжали посылать друг друга в увлекательное путешествие по Скандинавии, но Лешик сообщил, что уладил с турфирмой «Северная звезда» вопрос о замене личностей туристов. Это не очень отвлекло от перепалки. Я бы даже сказала, усилило наши с Наташкой нападки на незаменимые особи, ибо спор приобрел принципиальный характер. Если согласиться с мнением Бориса Ивановича, активно поддерживаемого Дмитрием Николаевичем, получалось, что наши с Наташкой должностные обязанности не что иное, как чистой воды развлекаловка. Так... Мера умеренной профилактики, дабы не свихнуться от полного безделья на дому. И если бы не эта постоянная угроза ошибочно развитому в процессе эволюции бабьему разуму, женскому сословию вообще надлежало бы сидеть у электроплиты, открывая новые горизонты для кулинарных шедевров. Отрыв от их производства предусматривался, но исключительно в целях воспитания детей, стирки, глажки, далее еще хуже. Настолько оскорбительно, что вспоминать не хочется.

В ответ на это Наталья свернула мужу большую фигу, сославшись на то, что в таком случае мир давно бы уже рухнул в тартарары. Вместе со всеми электроплитами и навороченной бытовой техникой. Раскрасневшаяся от справедливого негодования подруга начинала входить в состояние, от которого ее бытовая техника могла загреметь в тартарары, не дожидаясь глобальной мировой катастрофы.

Мы даже не заметили, как исчезла молодежь. Я первая прекратила бесполезный «перебрех». Попробовала успокоить Наталью – бесполезно, только еще больше сама устала. Ну и ушла к себе. Намеренно накрыв электроплиту крышкой, отправилась в большую комнату молча переживать обидные выпады мужа. О чем вообще можно спорить, когда все очень просто: деньги зарабатывает тот, у кого это лучше получается. Независимо

от половой принадлежности. А если человек – альтруист, флаг ему в руки. Он настоящий уникам, ибо ему удастся сделать то, что рационалистам никогда не осилить.

Спустя какое-то время, позорно бежав с «поля битвы», заявился Димка. Постоянно курсируя между кухней и комнатой и рассчитывая на мой музыкальный слух, он в разной тональности выдавал едкие замечания, подвергая осмеянию все, что в мое отсутствие успела наговорить обоим «незаменимым» Наташка. Одиночный митинг оборвал телефонный звонок, ответив на который, Дмитрий Николаевич подобрел. В тот момент я и подумать не могла, что вопрос со свадебным путешествием уже решен. Пока мы «базарили», детки успели приобрести билеты на авиарейс «Москва – Копенгаген», заехать в турфирму с моим и Натальиным загранпаспортами и переоформить путевки на наши имена.

Димка перешел к дипломатическим методам. Для начала открыл дверь большой комнаты, где я валялась на диване, изучая надоевший потолок, и на полном серьезе причислил меня к лику «незаменимых». Только в другом понимании. Подразумевалось, что я, такая вот, как есть, одна-единственная на белом свете. Да кто бы сомневался! Даже близнецы разнятся между собой. А раз я одна-единственная и другой Дмитрию Николаевичу на фиг не надо, следует вывод: меня обоснованно можно считать незаменимой. Лично для него.

Я презрительно хмыкнула. Димка и не заметил, как окольным путем возвел себя в ранг дважды незаменимого. И по работе, и по жизни, а я так и осталась представительницей бабского сословия, пристегнутой своей незаменимостью к его ноге. Это заставило меня пойти на легкий шантаж. Не вставая с дивана, я соединилась с шефом по мобильнику и сухо заявила, что с тринадцатого сентября мне нужен краткосрочный отпуск сроком на шесть дней, для отдыха. Иначе рискую потерять свою индивидуальность, а следовательно, и незаменимость.

– Ефимова, мой тебе совет, похмелись, а потом плотно закуси и выпишись. Выспишься, хорошенько подумай над тем, что ты сейчас сказала. – Максим Максимович отключился.

Мельком отметив напряженное внимание на лице супруга (надо же, он способен не только говорить, но и слушать! Вернее, подслушивать), я еще раз прозвонилась Максиму и вежливо повторила свою просьбу.

– Та-а-ак! Ефимова, за ту рабочую неделю после отпуска, из которой ты выпросила у меня два дня...

– Полтора!

– С начальством не спорят! Два дня на свадьбу чужого тебе, а мне и

подавно, сына – переутомиться ты не могла. Не считай себя незаменимым человеком. Не хочешь внимать совету доброжелателя-начальника, подавай заявление об увольнении. Но перед этим все-таки prospись! Почему без стука!!! – заорал шеф на не вовремя подвернувшуюся жертву и опять отключился.

Я широко улыбнулась окаменевшему любимому и, зевнув, сообщила:

– Тебе повезло. Я все-таки еду в Скандинавию. Завтра завезешь Макс мое заявление об увольнении. Он клялся, что я отправлюсь в поездку только через его труп. Надо же! Еще совсем молодой. А что делать?! Увы, я действительно незаменима. Ты уж как-нибудь отговори его от суицида. Все равно увольняюсь.

А пару часов спустя, провожая погрузневших Леши-ка с Оленькой в Шереметьево, мы с зареванной Наташкой не только смирились с мыслью о предстоящем туре, но и серьезно опасались за его срыв. До последнего момента сомневались, что туроператор успеет оформить визы, их мы должны были получить прямо у вагона.

Четыре оставшихся до поездки дня я «пахала» в полторы смены. Куча незавизированных проектов договоров, неоплаченных счетов, встречи со строптивыми покупателями и хитрыми поставщиками, технические сбои в работе предприятия вымотали так, что я все больше склонялась к мысли об увольнении. С ней и засыпала, и просыпалась. Максим Максимович, тещу которого Димка положил на обследование к себе в хирургическое отделение (своеобразная форма моего недельного выкупа), был почти счастлив. Еще бы! Получил временную передышку и от взваленной на мои плечи работы, и от назойливого присутствия дома самой дорогой родственницы. Я же возвращалась домой в таком неуравновешенном состоянии, что шатало от усталости.

Утро пятницы тринадцатого сентября началось с надежды на светлое будущее. Алена, выбрав мне в дорогу новую удобную спортивную сумку, порекомендовала не брать с собой кучу шмоток. Всех все равно не перещеголяешь. На этом мое участие в сборах и закончилось. Позвонил Максим Максимович. Тонем, не допускающим возражений, приказал временно забыть о предстоящей поездке и немедленно прибыть на рабочее кресло. Не сговариваясь, на него свалились различные неприятности. Каждая в отдельной оригинальной упаковке: представители санинспекции, ветнадзора и, до кучи, пожарная команда. Пожар случился в жилом доме на соседней, граничащей с предприятием территории, но руководству пожарной инспекции пришло в голову заодно проверить действующую систему противопожарной безопасности и у нас. Так получилось, что в

дорогу меня собирали дочь и Наталья. До вокзала с вещами жену доставили Борис и мой сын, а я, не успев попрощаться с мужем и стряхивая с себя проверочную шелуху отбитых замечаний, принеслась туда за семь минут до отправления поезда. Со строгим макияжем на лице, в темно-синем деловом костюме с белой блузкой и черных туфлях на шпильке – наряде, в котором отбивала атаки комиссий. Поезд, толпа отъезжающих и провожающих, равно как и вся общая вокзальная атмосфера, к этому совсем не подходили. На платформе я выглядела инопланетянкой, народ не желал расступаться, а мои извинения за толчки и тычки, щедро раздаваемые направо и налево со ссылкой на то, что опаздываю на посадку, вызывали нездоровый интерес. И нездоровые эпитеты. Ясное дело, в таком виде, да еще и без вещей, на поездах дальнего следования не раскатывают.

Прикинув, что до десятого вагона бежать далековато, а времени в запасе практически нет, осталось меньше двух минут, я решила экономить силы. Прекратив извиняться и стиснув зубы намертво, ринулась в самую середину толпы, веселящейся у восьмого вагона, рассекая ее на две неравные части. Буквально тут же мне вручили здоровый пластиковый стакан с переливающимся через край шампанским. Какой-то долговязый тип, не помню, во что одетый, схватил меня под руку, застопорив мое стремление бежать дальше, пожурил за опоздание и предложил быстренько выпить за отъезд Шурика и Маечки. Я поняла, что до десятого вагона уже не добегу. Потому что не смогу «быстренько» выпить шампанское. И в лучшие-то дни не жаловала этот шипучий напиток. Но тут пришла в голову спасительная мысль: следует постараться запрыгнуть хотя бы в этот вагон, вслед за собирающимися отъезжать Шуриком и Маечкой. Надо полагать, именно они, радостно отцепляя от себя дружеские руки провожающих, боком пытались пробиться к площадке тамбура, в котором громкими возмущенными криками об отправлении поезда надрывалась проводница. Женщина грозила закрыть дверь вагона. Захватанная серая футболка Шурика приобрела дикие безразмерные очертания. В нее влез бы еще один Шурик, и им вдвоем не было бы в ней тесно. Проводница напрочь заглушила мелодичный, хорошо поставленный голос диктора, впрочем предупреждавший о том же самом, только более длинной и несравненно более вежливой тирадой.

Отхлебнув для храбрости глоток теплого шампанского и стараясь не терять из виду Маечку и Шурика как ориентиры, я прошлась по чьим-то ногам, вызвав отчаянные вопли их обладателей. Впрочем, вопли можно было расценить, как прощальные страдания от разлуки с Маечкой и Шуриком. И в последний момент увидела в дверях вагона Наташку.

Подруга, точно кукушка, выскакивала из-за форменной фигуры проводницы и, бесцеремонно отталкиваемая ею назад, снова скрывалась.

Кончилось тем, что меня под дикие вопли Наташки, обещавшей увольнение всему составу Управления Октябрьской железной дороги, благо у нее в прошлой жизни дядя был начальником этого управления, все-таки втянули в щель, образовавшуюся между дверей вагона и дрогнувшей рукой проводницы. Как раз в тот момент, когда поезд мягко тронулся. Под брызги шампанского. Я так и не выпустила из рук смятый пластиковый стаканчик, на дне которого еще плескался божественный напиток. На кого из друзей молодой пары пролилась основная часть, осталось неизвестно. Впрочем, как и ответ на вопрос, с чего мне взбрело в голову, что у нас билеты в десятый вагон. Следовало поблагодарить шумную тусовку, вовремя остановившую меня от лишнего пробега к десятому вагону и обратно.

Не сразу дошло, что сказочное путешествие началось. Наташка с трудом отняла у меня смятую тару. Добром отдавать стакан я не хотела. Помог железный довод: с друзьями положено делиться. И плохим, и хорошим. И она очень благодарна мне за то, что я и о ней позаботилась.

– Лучше бы, конечно, «хорошим», – сморщилась подруга, допив остатки шампанского. – Тебе надо бы привести себя в порядок. Такое впечатление, что ты, уворачиваясь от грузовиков, перебежала улицу на красный сигнал светофора. В таком виде за границу не очень удобно ехать. Там у людей и своих кошмаров хватает.

Я покорно кивнула и встала, намереваясь выйти и привести себя в порядок, несмотря на Наташкин довод, что до проверки билетов желательно оставаться на местах. Для начала достаточно просто снять пиджак, застегнуть уцелевшие пуговицы на блузке, вернуть ее в юбку, саму юбку привести в нормальное положение. А если еще махнуть расческой по волосам и стереть со щеки отпечаток чужих губ, можно смело подаваться в Голливуд. Только нам не по дороге.

Я стояла и с ужасом таращилась на свое отражение в зеркале.

Красота... Ненаглядная.

– Да ладно тебе! Я-то уже нагляделась. Вот старается, сама себя нахваливает! О людях подумай, сейчас соседи по купе явятся. Зачем им дефект речи, заикание? Стой и не шевелись. У тебя юбка дала крен на сорок пять градусов в сторону. Пойдем проторенным путем, будем из обезьяны человека делать.

В течение несколько минут я обрела вполне сносный вид. Как раз к моменту возвращения молодой пары, при появлении которой мне живо вспомнилась эпопея с посадкой.

– Здравствуйте, – поздоровались они хором, при этом Шурик явно меня не узнал. Хотя, стоя одной ногой в тамбуре, другой – на платформе, я лично пару раз капитально прихватила его за футболку руками в надежде, что она поможет мне освободиться от какого-то слишком активного члена провожающей группировки. Мужичок пьяно уверял, что мне в вагон не надо и настойчиво пытался дополнить мой расплескавшийся стаканчик непонятной дрянью из красочной бутылки с убойным запахом самогона. А вот Маечка меня сразу признала и даже в лице изменилась. Скорее всего, не надеялась, что до конца поездки я буду скромно и молчаливо взывать к ее совести, напоминая ей о безобразном поведении друзей. Девушка даже сделала шаг назад, но наткнулась на проводницу, явившуюся проверить билеты.

– Не стоит так переживать, – заявила я притихшей Маечке сразу после окончания проверки. – В конце концов, я сама виновата. Следовало приехать на вокзал заранее.

Шурик слегка озадачился и вопросительно уставился на свою подругу. Такое впечатление, что шумные проводы с препятствиями для опаздывающих пассажиров считал нормальным явлением. В отличие от меня, молодой человек уже успел привести себя в полный порядок. Никакой лохматости на голове, а бежевая футболка сидела, как влитая, будто ее и не рвали на части все, кто успел. Вот что значит хорошее качество!

У Шурика было очень доброе лицо. Из той категории, что становятся мужественно-красивыми годам к сорока. Пока же его украшала только неуверенная улыбка и молодость. Маечка, симпатичная, коротко стриженная пе-строволосая девушка, отличалась тонкими чертами лица и стройной фигуркой. После проверки билетов она поднялась и заторопилась выйти, потянув Шурика за собой:

– Идем, Сашуня, женщинам надо переодеться.

3

Примерно через час мы с Наташкой стали осознавать себя везунчиками, а не несчастными изгнанницами. Все последние дни слишком активно корчили из себя жертв, принесенных на алтарь денежной политики своих семей. Лешик категорически отказался сводить счеты – принимать назад стоимость путевок, мотивируя тем, что у него слишком мало времени до отлета, кроме того, он достаточно сэкономил на дополнительных расходах, которые неминуемо повлекла бы за собой турпоездка. Свои люди, сочтемся. В более свободное от других забот время.

Пассажиры осмелели. С громкими разговорами курсировали туда-сюда по вагону. Из соседних купе доносились взрывы хохота. За окном проплывало родное Подмосковье. Освобождаемое по мере удаления от эпицентра суматошных сборов пространство души постепенно заполняла тихая радость.

– «Мы едем, едем, едем... В далекие края...», – не очень уверенно пропела Наташка. Оглянувшись на зеркало, вмонтированное в дверь купе, обрела некую уверенность, приветливо кивнула отражению и гаркнула, показывая на него пальцем: – А главное, не бредим, там тоже ты да я!.. Ир, русо туристо и другие вольные граждане гуляют. Прямо тошно смотреть.

– Так мы и не смотрим.

– Зато слышим. Трудно находиться в оппозиции пусть даже незнакомому коллективу. Он, как известно, всегда прав. И потом, заявляться в Хельсинки со своей выпивкой и продуктами...

– Там сухой закон.

– А я что говорю? Зачем дразнить дальних родственников?

– Ты имеешь в виду тот факт, что когда-то мы с финнами жили одной большой государственной семьей? Наверное, они до сих пор по ночам вздрагивают.

– Я имею в виду, что хочешь не хочешь, а надо «уговорить» «Бейлис». Ты-то налегке прискакала, а меня мой Борис только до вокзала подкинул, дальше сама надрывалась. И то, что Славка две сумки с вещами пер, ничего не значит, они твои были. Самым тяжелым оказался пакет с провиантом. Я правильно рассудила: в вагон-ресторан нам путь заказан. Не тащиться же туда с вещами, мало ли какие соседи по купе попадутся? Мне не нравится отдыхать налегке и без денег. – Рука подруги призывно тряхнула бутылкой ликера, извлеченной из недр огромного пластикового пакета с рекламой

какого-то столярно-слесарного оборудования.

Дверь купе открылась, явив нам Маечку.

– Извините, пожалуйста, я вас немного побеспокою, – прощепетала она. – Мы с мужем поменялись местами с этими девушками. – Маечка кивнула куда-то в коридор, сразу же рядом с ее симпатичной головой появились еще две. Довольно хорошенькие. Молодость редко кого не красит.

– Ир, освободи свою посадочную полосу, пересядь ко мне, – довольно резко заявила Наталья. – В первый раз вижу людей, которых не устраивает наша с тобой компания. Можно подумать, именно твоя сумасшедшая толпа провожающих перекрыла им доступ в вагон.

– Вы напрасно обижаетесь, – очаровательно улыбнулась Маечка и тряхнула модно стриженной головкой с волосами, натуральный цвет которых определению не поддавался, сплошные переливы от темно-каштанового до серебристо-белого. – Просто мы к друзьям перебрались.

Сопровождающие ее девицы недоуменно переглянулись и скрылись из поля зрения.

Придерживая одной рукой поднятое сиденье, Маечка попыталась выдернуть из-под него свои вещи, но оно оказалось достаточно тяжелым, и девица с заданием не справилась. Я рванулась было на помощь, но остановило Натальино замечание: «Отдохни! У нее муж есть. Самое время девушке вспомнить о его предназначении. А тебе после этой выемки еще придется полдня постель поправлять».

Маечка ничего не ответила, просто подставила под приподнятое сиденье в качестве опоры свою спину и предприняла новую, более активную попытку выудить вещи. С большим трудом на свет появилась темно-синяя сумка – удачное сочетание комбинации из искусственной кожи с плотной тканью. Следом появилось два черных пластиковых пакета и еще одна спортивная сумка, цвета спелой вишни.

– В первый раз вижу, чтобы на глазах у пассажиров воровали их вещи, – озадаченно прокомментировала действия Маечки Наталья.

Согбенная спина девицы дрогнула. С трудом вернув сиденье на место, она выпрямилась, явив нам красное от натуги лицо.

– Ир, между прочим, синяя сумка твоя. Ефимов расстарался, вместе с Еленой ее выбирал. Ну если тебе не дорог его подарочек, а дорога только одна его любовь, пожалуйста.

Маечка имела очень жалкий и потерянный вид. Наташка продолжала изгаляться на тему исключительной загруженности синей сумки моими личными вещами, которые будут сидеть на девушке совершенно

отвратительно.

– Но у нас сумка тоже синего цвета, – пролепетала она в свое оправдание, тем самым подлив масла в огонь Наташкиного красноречия.

– Железная логика! А к ней – странное разделение труда, Ир, ты не находишь?

Наташкино лицо светилось вдохновением. На всякий случай я кивнула, соглашаясь с ее мнением. Как-никак подруга мои вещи отстаивала. Шурик, очевидно, пакует чемоданы, а Мая, обладательница грубой физической силы, их перетаскивает.

Прислонив меня к стенке, пнув в сторонку мой нечаянно сброшенный с ноги шлепанец, подруга выбралась на середину тесного пространства и вцепилась в синюю сумку.

– Значит так: моя посадка проходила в сложных условиях, и тем не менее я одержала первенство освоения нашего купе. Под этим местом, – указывая направление, Наташка пошлепала меня по голове, – исключительно наши с Ириной вещи. А это значит, что ЭТА новая синяя сумка НАША! Ир, держи свою ручную кладь!

Я довольно ловко поймала плотно набитую сумку.

– Вишневую сумку можете забрать. Вы ее к нам специально подкинули. Вместо того чтобы пристроить с другой стороны, под тем сиденьем, где как раз и валяется ВАША синяя сумка. Мне хотелось обеспечить ей достаточный комфорт. Как и своей. Тем более что ваш муж сказал, что ручной клади у вас практически нет. Я даже догадываюсь, почему! Зачем таскаться со своими шмотками, если можно прихватить чужие?

У Маечки задрожал подбородок и затряслись руки. Наташка поняла, что перегнула палку и широко улыбнулась:

– Не надо обижаться. Вопрос чисто риторический. Вот она, ваша выдавшая виды синяя кладь! – торжественно объявила она и, нагнувшись, ловко вытянула из-под столика просевшую от недостаточного количества вещей сумку темно-синего цвета. В ней что-то звякнуло, брякнуло, но, вроде бы, как испуганно сообщила Наташка, не разбилось. Маечка что-то пробормотала. Кажется, про недостаток свободного времени на сборы. Друзья помогали.

– Надеюсь, они не отправили с вами пустые бутылки, оставшиеся после проводов. Вы знаете, что в Финляндии сухой закон? Сдавать там мешками стеклотару из-под алкогольных напитков не очень удачная идея. Обзавидуются и озвереют. Какой-никакой, а дополнительный источник дохода. Мой совет – оставьте ее на кусочке родной земли, рядом с туалетом.

Окончательно смущенная Маечка выволокла свой багаж в коридор,

освободив место двум давящимся от хохота девчушкам.

В два счета все упорядочилось. Девчонки, порадовавшись нашей усидчивости в купе, быстренько улетели к вновь обретенным подружкам, попросив нас не закрываться на замок. Вернуться обещали к моменту пересечения границы. Мы с Наташкой обрадовались – в нашем распоряжении оказалось практически целое купе – и разгулялись по полной программе. Наконец-то появилась возможность взглянуть на события последней недели с другой «колокольни». Пожалуй, наш хохот перекрыл общий гомон. А ближе к вечеру Наталья уже знала по именам большинство пассажиров вагона. Это имело определенное неудобство: трижды к нам пытались подселиться соседи. Стоило большого труда убедить желающих в том, что предпочитаем одиночество, а посему неосознанно выживаем всех, кто лелеет планы на коммунальный постой именно в нашем купе. Честно сослались на то, что четверых претендентов уже выставили. Двоих с вещами.

Откровенно говоря, при воспоминании о Маечке с Шуриком мне становилось не по себе. Не удивительно. Ребята оказались настолько совестливыми, что переехали к двум пожилым супругам в последнее купе, граничащее с туалетом. Пожилые супруги на роль друзей, ради которых можно переселиться из лучших условий в худшие, не тянули. Ясно, что это была чистой воды отговорка, приведенная в качестве спешно подобранного мотива для переселения. Удивительное в наше время дело – чувствовать себя до такой степени виноватыми за возникшие осложнения с моим восхождением в вагон. Неужели мой внешний вид был настолько кровожадным?

Около восьми часов вечера Наталья насильно притащила упирающуюся Маечку к нам. Как оказалось, девушка, размазывая по щекам слезы, нервно курила в «предбаннике» у туалета. Шурик, воспользовавшись «золотым запасом» – бутылкой водки с примесью якобы золотых хлопьев, выпал в осадок на нижней полке купе, вызвав справедливые, но уж очень длинные нарекания пожилого соседа, которому это место, собственно говоря, и принадлежало. Голодная Маечка не решилась в одиночестве прогуляться в вагон-ресторан, тем более что деньги находились в красной сумке, сумка в багажном отсеке под сиденьем, на котором спал Шурик и на которое заунывно претендовал сосед, сидевший в ногах у дремлющей под его нудное бормотание жены. А Маечке даже присесть было некуда, Шурик слишком вольготно раскинулся на чужом месте. Лезть наверх и слушать его равнодушное похрапывание в сопровождении непрерывного ворчания соседа Семена Александровича не хотелось.

Довольно быстро выяснилось, что Шурик крайне редко позволяет себе злоупотреблять спиртными напитками. И вообще, он самый расчудесный человек в мире. Просто последняя неделя перед отъездом была очень напряженной, вот и расслабился.

В кармане у девушки запел мобильник, и она суетливо вскочила, перевернув на столике пластиковый поддон с Натальиным рулетом. Извиняясь одними глазами, торопливо ответила на звонок. Лицо вмиг похорошело от легкого румянца. Несколько коротких слов о том, что все в порядке, и начались сплошные «дакания». В унисон им Маечка согласно кивала головой.

После разговора что-то в ней неуловимо изменилось. Как будто хватанула эликсира радости. Наталья покосилась на меня и невольно хмыкнула в ответ на делано-рав-нодушное объяснение Маечки: «Мама звонила». Немного позднее, когда девушка ушла, унося с собой весомый багаж почерпнутых жизненных знаний «от Натальи», подруга сообщила мне о выводе, к которому пришла. У Маечки определенно есть «милый друг». С таким счастливым выражением лица, которое она примерила в момент переговоров по телефону, наставлений мамули не слушают. Просто потому, что их вообще надлежит пропускать мимо ушей. О своих выводах я говорить не стала, поскольку они мне не понравились еще больше, чем Наташкины.

Неделю спустя, примерно через полчаса после выгрузки из поезда «Хельсинки – Москва», около того же ничуть не изменившегося Ленинградского вокзала пьяный Шурик буквально на моих глазах попал под машину какого-то тоже явно пьяного водителя. И это было очень страшно. Мы с Натальей изрядно притомились на оживленном пространстве рядом с входом в метро, ожидая прибытия за нами родных людей. Они значительно опаздывали. Словно первый день за рулем. Никому из них и в голову не пришло, что автомобильные пробки в Москве – явление хроническое. Следовало выехать за нами еще с ночи. Договорившись о месте встречи, мы терпеливо простояли под легким дождичком полчаса, успев заметить, что не одни такие. Маечка, стоявшая от нас неподалеку, активно препиралась с Шуриком. Подходить к ним мы не стали. Слишком хорошо простились еще в вагоне, не стоило повторять эту сцену еще раз. Поездка закончилась, началась полоса постепенного отчуждения.

Скорее всего, они тоже ждали машину. Я даже решила, что друзья, недавно провожавшие их в поездку, до сих пор толком не очухались. А посему вовремя и не приехали встречать супругов Кочневых. Оба не

замечали нашего присутствия рядом. После окончания препирательств девушка общалась с кем-то по мобильнику. Шурик с непроницаемым лицом ждал окончания переговоров. Торчать на одном месте было невыносимо, и я, перетащив вещи, отошла к цветочному киоску, ловко уворачиваясь от толпы пассажиров, вывалившихся из прибывших электричек. Наталья решила пережить застойный период, слоняясь с зонтом мимо других палаток, и в конце концов скрылась из виду. Минут через пятнадцать подруга, изучив расписание электричек вдоль и поперек, присоединилась ко мне и выразила желание вернуться пешком на паром «Силья-лайн». Я, разумеется, согласилась, да кто бы возражал! И в этот момент заметила неподалеку у киоска с выпечкой двух ребят лет шестнадцати, может, больше. С немного туповатым выражением лиц они изучали какую-то фотографию и что-то бубнили себе под нос, пытаясь подобрать подходящий одушевленный оригинал. Какой именно, в суетливой толпе определить было сложно. Лично мне показалось, что им нужны Майка с Шуриком. Самим Кочневым так не казалось, впрочем, они снова были заняты общением друг с другом. Кажется, Шурик порывался уйти, а Майка старалась его удержать. Скорее всего, он перестал надеяться на бесшабашных друзей и намеревался поймать такси, тогда как она была готова ждать их хоть весь день.

– Кому-то повезло, встречающие уже прибыли, только приезжие об этом пока не подозревают, – завистливо заметила Наташка, имея в виду подростков. В этот момент я решила поудобнее переложить тяжелый пластиковый пакет с подарками и сувенирами. Все равно нечем заняться. Пластиковые ручки тут же нагло оторвались, Наташка обрадовалась новой возможности поразвлечься и, обозвав меня безрукой, с готовностью кинулась к киоску с выпечкой. При этом решительно потеснила двух тинейджеров, один из которых от неожиданности едва не выронил фотографию. Обменявшись нелюбезностями, стороны разошлись. Причем ребята исчезли почти бегом.

И тут меня отвлекла небольшая сценка. Я взглянула в сторону стоянки супругов Кочневых. Шурик явно не выдержал долгого торчания на одном месте и все-таки отправился ловить такси или сговорчивого частника. Майка недолго оставалась в одиночестве. Когда мы с Наташкой, очередной раз уточнив место встречи с Борисом, заторопились на Красносельскую улицу, девушка бросилась на шею подбежавшему к ней молодому человеку странно знакомого склада. Нет, мы друг другу определенно представлены не были. Либо какая-нибудь мимолетная встреча, либо просто на кого-то похож. Я невольно открыла рот, хотелось вслух удивиться, да помешала

Наташка своим: «Закрой рот! Дождика нахлебаешься. Ну, что я говорила!!! Вот тебе и „милый друг“!» Тут ей пришло в голову, что мы отправляемся не в оговоренное по телефону место. Не дозвонившись до Бориса, подруга, не задумываясь, отправила меня на «большую дорогу». Оставлять на длительное время вместо себя с вещами не решилась, «уж лучше сразу раздать их страждущим, все равно не заметишь, как украдут».

Я терпеливо стояла в уже дважды оговоренной точке, под зонтиком, так как все еще накрапывал дождь, и думала о том, что Димка по случаю моего прибытия мог бы и приехать на вокзал. В первую очередь, ради себя. Учитывая бесконечные «пробки», на обратной дороге оторвался бы с поучениями по полной программе. Я была бы очень благодарной слушательницей: успела отдохнуть. Дети давно уже не слушают его нотаций... Я так и не поняла, откуда взялась эта машина. Она неожиданно резко вильнула буквально перед моим носом и сбила также неожиданно появившегося и шагнувшего на дорогу Шурика. Он успел меня заметить и приветливо улыбнулся. Я решила шутливо посетовать на то, что он невольно мозолит нам глаза, но не успела. Кочнев нетерпеливо взглянул на часы, что-то пробормотав, укоризненно покачал головой. И тут эта машина.

Вначале мне показалось, что водитель решил припарковаться, переупрявив намерения самой машины. Остановить ее «на лету» не смог. Какая-то иномарка шарахнулась влево, а этот, неведь откуда взявшийся «жигуль», необоснованно круто заложил вправо. Шурик даже не вскрикнул. Глухой удар, взлетевшее вверх тело и один ботинок, улетевший очень далеко на проезжую часть. словно по команде, завопили люди. Машина, не останавливаясь и отчаянно лавируя в основном потоке, моментально скрылась. Маечки рядом с погибшим мужем не было. Я вспомнила, что они тихо поссорились еще в поезде, как раз после Твери, и после этого друг с другом не общались, чему в значительной мере способствовало длительное отсутствие Шурика, уснувшего в туалете.

На обратном пути супруги снова оказались в нашем купе, так было заранее спланировано руководителем поездки. Но попыток поменяться своими местами уже не предпринимали. В процессе совместных экскурсионных походов мы с Натальей успели проявить себя исключительно с положительной стороны. Майка старалась держаться к нам поближе. Молодой человек своим постоянным пьянством успел прославиться на всю нашу группу туристов, хотя при этом был достаточно безобидным. Никогда не скандалил и был предельно вежлив. Перебрав, просто ухитрился заснуть по месту приема последней и решающей дозы из своей плоской металлической фляги, находившейся всегда под рукой, в

барсетке. Держал он ее, зажав в правой руке намертво. В последний раз Шурик ухитрился заснуть при всех в кресле председателя шведского сейма. Вход в святое для шведов место в нерабочее время разрешен всем желающим. Впрочем, это не самое удивительное. Шведским парламентариям и не снились те льготы, которые имеются у наших депутатов. Считается, что представители народной власти должны иметь достаточное количество собственных денежных средств, чтобы не выдумывать для себя разного рода привилегий. Если депутат не смог заработать себе на жизнь, значит, не сможет позаботиться и о соотечественниках. В тот раз Наташка впервые не выдержала и сфотографировала «утомленного» туриста Шурика, мирно дрыхнувшего с открытым ртом и запрокинутой на спинку председательского кресла головой. Добудились его, только потянув за барсетку.

Майке муж надоел до такой степени, что она с трудом переносила его присутствие и в трезвом состоянии. Но надо отдать должное, держалась девушка хорошо, не вынося семейные разборки на широкий суд общественности, от которой вообще старалась держаться подальше. В значительной мере этому способствовал опыт, почерпнутый из присутствия супругов на массовом мероприятии, посвященном смене караула у королевского дворца в Стокгольме. Весьма красочное зрелище. Рослые, крепко сбитые шведские ребята в синих мундирах, украшенных сверкающими «прибамбасами» под золото, включая пуговицы. Начищенные до блеска шлемы, оканчивающиеся шишаками, слепили глаза. Прекрасные, как на подбор, холеные лошади, время от времени кивающие головами в такт маршам, исполняемым сидевшими на них оркестрантами. В звучании духовых инструментов звенели серебряные переливы. Четкие, отрывистые команды комсостава, слаженное их выполнение рядовыми, все это завораживало. В самый ответственный момент смены караульных Шурик ухитрился выпасть из очень сплоченных рядов туристов разных стран с вполне мирным желанием – заснуть рядом с будкой часового. Не важно, старого или нового, в составе ответственного сопровождения печатающего шаг ему на смену. Не знаю, чем бы закончилась эта сцена, если бы не братки-американцы. Они ухитрились мгновенно утянуть «выскачку» назад буквально за пятки. Чуть позднее на левой щеке Шурика Майка обнаружила рифленый след подошвы чьего-то ботинка. Шурик только виновато и застенчиво улыбался. Но надо отдать должное и ему – это был его последний сольный номер за границей. Скорее всего, подействовала угроза руководителя группы о немедленной высылке на родину. Но не исключено, что у Шурика просто кончился «золотой запас».

Тем не менее Майка больше не выводила Шурика на массовые мероприятия.

Будучи не в силах сдвинуться с места, я с трудом осмысливала картину произошедшего. Впрочем, центральная ее часть, Шурик, была скрыта от меня толпой любопытных. Ее с трудом удалось пробить милиции и людям в форме «скорой помощи». «Увидеть Стокгольм, и умереть!» – единственная мысль, разгулявшаяся в моей голове, мешала сосредоточиться.

Шурика, на удивление, быстро увезли, любопытные разошлись. Все вокруг, как ни в чем не бывало, заполнилось прежней привокальной суетой. Мизерная капля людского моря испарилась, но это никак не сказалось на общей массе жизненной текучки. Все правильно – мегаполис! «Капля» обретает индивидуальность только на предметном стекле семейно-дружеского микроскопа.

Сильные руки обхватили меня сзади, и я безвольно на них повисла. Почему-то даже не удивилась. Просто подумала, что маньяки в столице совсем оборзели, нападают среди бела дня, при большом скоплении народа. И неожиданно разозлилась, а разозлившись, попыталась яростно лягнуть ногой нападавшего. Никогда не славилась ловкостью! Дмитрий Николаевич отделался легким испугом и обидой – за «все хорошее». В дополнение рассердился еще и на то, что не опознала его родные руки.

– Ефимов, ты не прав! – уже по дороге домой встала на мою защиту Наташка, удивленная моей пришибленностью. – Твой фактор неожиданности сделал из Иришки идиотку. Пробираешься, как тать, чтоб жену свою обнять. О блин! Стихами заговорила. Полуплагият. Короче, в Финляндии и Швеции так исподтишка не поступают.

В следующий раз заходи с фасада и представляйся по полной программе.

Так закончилось для нас это путешествие. И ни я, ни Наташка не думали, что к отдельным его деталям нам придется возвращаться еще не раз.

Мужской кожаный пиджак в своей сумке я обнаружила почти сразу, как только переступила порог дома. Не терпелось заткнуть Димкин обвинительный монолог подарком – обалденными, на мой взгляд, часами. Коробочку с ними я удачно упаковала в сумку, а не в пакет. Жизнь коротка. Пусть муж не тратит ее драгоценные мгновения на пустозвонство. Мне повезло! В том плане, что в момент, когда молния баула услужливо разъехалась, муж учил меня общим правилам поведения счастливой жены. Из ванной комнаты. Хирург Ефимов патологический чистюля. И если бы не его длительное отсутствие на работе, основная доля расходуемой в доме воды непременно прошла бы через его и без того постоянно чистые руки.

Далеко не новый пиджак был с чужого плеча. Я точно знала, с чьего. Шурика. Когда и как несчастный запихал его ко мне, оставалось непознанным. Из дурацкого ступора меня вывела Наташка, заскочившая «на секунду» выяснить, не завалилось ли в нашем холодильнике каких-нибудь котлет недельной давности, которыми в мое отсутствие устали давиться члены моей семьи. Одной секундой не обошлось, но пары их подруге вполне хватило на то, чтобы молниеносным движением выхватить из моей сумки пиджак и небрежно сунуть его под мышку. Как раз к моменту появления сверкающего чистотой Дмитрия Николаевича.

– Прибегай через пятнадцать минут. У меня почти все готово, – гордо заявил Димка и покосился на меня в ожидании соответствующей реакции восхищения. Не знаю, что он там, почесав затылок, прочел на моей физиономии, но ее выражение, все еще относящееся к пиджаку, расценил по-своему: – Да, Иришка, твой муж иногда способен на подвиг.

– Не иначе как с голодухи, – пробормотала Наташка, поправляя выезжающий напоказ пиджак.

– А ты к нам, стало быть, уже с вещами? – не остался в долгу муж.

– Не хотелось идти с пустыми руками. Кстати, это не мой «чужеспинник». В купе вместе с нами ехала девица, с ней вместе ехал муж. Ее собственный. А на нем – этот самый пиджак. Его собственный. Расстались они случайно. Ир, представляешь, Шурик по ошибке сунул пиджак ко мне в сумку! Вот, Ефимов, учись у Бориса! Если бы ты случайно обнаружил поношенную мужскую шмотку, – Наташка красноречиво потрясла пиджаком перед Дим-киным носом, – в личных вещах своей жены, наверняка расценил бы сие событие как измену. Мой Боря –

рационалист. Сразу же пожалел сначала меня, потом себя, а под конец твою машину. Лишнюю тяжесть до дома перли. Теперь и не представляю, как эту шмотку возвращать. Адреса-то супругов Кочневых у нас нет.

О том, что случилось с Шуриком, я рассказала Наташке поздно вечером, когда, свернувшись клубочком, окончательно улеглась суматоха, связанная с нашим возвращением. Уставший от торжественного мероприятия встречи больше, чем от самой сложной операции, Димка заснул на диване с телевизионным пультом в руках. Лицо его светилось умиротворением. Аленка застряла в Интернете в поисках подходящего реферата, а Славка убежал на свидание с прошлым: возобновились прерванные было отношения с Зайчиком.

Наташка насторожилась только тогда, когда я предложила ей выгулять собаку. Обычно такая прогулка – удел Бориса.

На мое печальное сообщение об участии Шурика подруга отреагировала мгновенно:

– Бли-ин! Спокойной ночи, малыши! То-то я смотрю, ты вся из себя на себя никак не тянешь. Ир, ну ты выбрала время. Такое известие и на ночь глядя! Как же ты с ним целый день жила? А обознаться не могла? Вдруг это какого-нибудь другого Шурика сбило? Мама дорогая! Ведь у меня его кожанка. Не думаю, что она ему пригодится там, где он сейчас есть, а вдруг... Заявится после двенадцати. И что мне с ним?... Препираться и доказывать ненужность этого пиджака ни мне, ни ему? Как хочешь, а я пиджак к вам принесу. У вас и места, и народа побольше. Пока Шурик всех обойдет с расспросами, рассветет. Денька, сидеть!!! Я, пожалуй, тоже присяду.

Запоздало взвизгнув, Наташка уселась мимо детской песочницы. Денька расценила этот фортель как ночную забаву. Вскочила и принялась активно помогать хозяйке кувыркатся в попытке увернуться от собачьей радости. «Промах» пошел подруге на пользу. Она прекратила болтовню и, отбиваясь от собаки, только сдавленно мычала.

– Завтра воскресенье, отвезем пиджак Майке. Надо только выяснить ее адрес, – замороженно наблюдая за кульбитами обоих, рассудила я. – Заодно расскажу ей подробности несчастного случая. Впрочем, она уже, наверное, их знает. Не все же свидетели наезда такие тупые, как я. Честное слово, как увидела... Прямо столбняк напал. И чем больше об этом происшествии думаю, тем больше убеждаюсь, что человек, сидевший за рулем «Жигулей», был не просто пьян. Шурик сбит намеренно.

– Ир, ну что ты несешь?! – жалобно возразила Наташка, которой все-таки удалось присесть на песочницу. – Кому и зачем это нужно? Денька,

сидеть!!! Я могу, конечно, допустить, что он осточертел Майке, но вспомни, как она о нем заботилась Каждое утро являлся одетым «с иголки», и, согласись, как-то странно – тащить его с собой в турпоездку, чтобы по возвращении сразу же за это и прикончить. Бедный Шурик. Увидеть Стокгольм, и умереть!

Я невольно поежилась. Наталья начинала повторять мои мысли.

– И потом, откуда мы возьмем Майкины позывные? Если только в турфирме, так едва ли она завтра работает. А в понедельник на работу. И потом, до понедельника мы обе свихнемся. Зря не обменялись с Майкой телефонами! Но кто ж знал...

Тут меня осенило! Мобильный номер девушки должен быть зафиксирован Наташкиным аппаратом. Я сразу вспомнила посадку и размещение нашей группы на пароме «Силья-лайн». Гигантский корабль высотой с тринадцатизэтажный дом за ночь должен был доставить нас из Хельсинки в Стокгольм. Внутреннее убранство корабля произвело настолько сильное впечатление, что вся наша группа невольно притихла. Это был целый город с центральной «улицей», на которой расположились кафе, рестораны, магазины и разные увеселительные заведения. Бесперывно работали прозрачные кабины лифтов, перевозя пассажиров вверх и вниз. Толпы праздно шатающегося народа, как муравьи, сновали по палубам. После увиденного великолепия невозможно было оставаться в приобретенных туристами в целях экономии денежных средств каютах, расположенных едва ли не в трюме. Во всяком случае, я хорошо слышала плеск забортной воды. Иллюминаторов не было. Какие уж там иллюминаторы, ведь за бортом не аквариум. Мы с Наташкой одновременно почувствовали приступ надвигающейся клаустрофобии. Словом, как вошли в каюту, так и вышли, с вещами.

На ресепшен таких, как мы, хватало. В основном немцев, англичан и, не в обиду будь процитировано, «разных там прочих шведов». Наташка быстро заскучала, заявив, что словом перекинуться не с кем, а со мной она всегда успеет наговориться, и отошла с вещами в сторонку. Я успела подготовить проникновенную речь, оправдывающую мольбу о переселении, но она не понадобилась. Едва изложила просьбу поменять «этажность», как последовал вопрос – желаю я каюту с видом на морской пейзаж или меня устраивает вид внутреннего «разгуляя»? Разумеется, выбрала «seaside» – Наташки ведь рядом не стояло. Подруга не умеет плавать и не боится только воды, льющейся из водопроводных кранов. Ванне предпочитает душ. Еще одно исключение из общего правила водобоязни – речные круизы. Наличие берегов и многочисленных мелей

вкупе с двумя спасательными жилетами (один мой) действует на нее успокаивающе. Чуть позднее в ответ на выпад подруги, что я только о себе и думаю, оправдала свой выбор окна в окружающий мир исключительно интересами наших кошельков. Маленькая ложь во спасение.

Доплатив необходимую сумму и получив ключи от новой каюты, я растерялась. Наташка со всем багажом «посторонилась» основательно. Минут пять, не решаясь отойти от ресепшен, я просеивала глазами людской муравейник и тихо кляла себя – следовало мобильник сунуть в карман, а не отправлять вместе с вещами и Наташкой неизвестно куда. Вот тут-то Майка меня и выручила. Как выяснилось, она тоже решила переселиться наверх, обеспечив супругу возможность любоваться исключительно морской гладью. Шурик уже успел выяснить, что на пароме есть громадный универсам беспощинной торговли. И, если весь имеющийся там в наличии ассортимент алкогольных напитков слить в единую емкость, получится глубокий бассейн, в котором и утонуть не грех.

Майкин супруг не соврал. Именно в этом универсаме мы с Наташкой единственный раз видели большие очереди иностранцев. Точно такие же были в винных магазинах нашей многострадальной Родины в период активной борьбы с пьянством и алкоголизмом. Кажется, с тех пор наш народ еще больше запил.

Среди иностранцев преобладали сами шведы и финны. На пароме сухой закон не действовал, и они за одну ночь переправы легко переплюнули пьющую часть россиян. По-видимому, подобного рода поездки у коренного населения в порядке вещей. Приятный способ провести выходные дни. Этакие «пикнички». С собой на берег, к сожалению, прихватить беспощинные остатки было невозможно. Таможня не давала добро. В результате наутро в Стокгольме вид у большинства аборигенов был... Словом, Майкин Шурик выглядел несравнимо лучше.

Мой звонок с Майкиного телефона застал Наташку у табло, где она увлеченно изучала электронную карту маршрута. Обругав меня за то, что не отвечаю на звонки, подруга предложила немедленно присоединиться к ней, чтобы полюбоваться на еле-еле ползущую вперед и светящуюся зеленым линией пройденного паромом пути. А чтобы не заблудиться, не отключаться до момента встречи. Майке и Шурику невольно пришлось пройти со мной.

Наташкин мобильник не подвел, по первому требованию хозяйки показал большую фигуру – пустой экран, но в привычной домашней обстановке, будучи подключен к зарядному устройству, тут же, по первому

требованию, услужливо выдал номер Майкиного телефона. Я не замедлила занести его в память своего и только после этого позвонила девушке, терзаясь мыслями, с чего начинать разговор – с приятной новости, что обнаружился пиджак супруга, или с неприятной. Лично убедилась, эта вещь ему больше не понадобится.

– Алло! – проорала Майка в трубку, а следующими своими словами напрочь вышибла меня из седла благоразумия, в голове вообще не осталось никаких мыслей: – Шурик, убавь громкость магнитофона!.. Ни-че-го не слышу! Леня, «выключи», пожалуйста, и Шурика, и магнитофон!.. Нет, это невозможно! Светка, дай пройти!.. Алло! Одну секундочку, сейчас выскочу в коридор!

По мере «выскакивания» Маечки в коридор, стихал дикий шум гулянки. Поняв, кто с ней разговаривает, девушка откровенно удивилась. Кажется, так же, как и я.

– Ой, привет!.. А мы тут с друзьями возвращение отмечаем. Шурик, ты что выскочил? Это наша соседка по купе, Ирина. Ирочка, тебе привет от Шурика. Ой, а откуда у вас мой номер?

Помнится, я что-то плела про хорошую погоду. Выручила Наташка. Издевательски поджав губы, выхватила из моих рук мобильник и попросила «не обращать на Ирину внимания. Воздух Родины, он особенный. Надышалась еще в поезде, поэтому и прихватила пиджак Майкиного мужа».

– Да у него этих пиджаков!.. Как у меня шарфиков, – весело пояснила Майка. – Но так и быть, как-нибудь созвонимся, заеду заберу. С понедельника у Александра Витальевича Кочнева начинается исключительно трезвая жизнь. Работник фирмы обязан быть в форме. А этим пиджачком я буду его шантажи-и-ировать, – Майка захихикала, – Шурик, не мешай разговаривать, иди к гостям. Оттянулся в поездке на славу. Теперь до следующего раза ни капли спиртного в рот не возьмет. За что и ценю. Что ж, у каждого свои прибабахи. Спасибо вам, девушки, за заботу и терпение, я перезвоню.

– Ну и как тебя после этого обозвать? – В голосе поигрывающей своим мобильником подруги звенел металл. Тугоплавкий. – Хорошо хоть с соболезнованиями не вылезли. Шурик бы точно до срока протрезвел. Пиджак Александра Витальевича я оставляю у себя. Есть опасения, что при подготовке к передаче его Майке нечаянно обознаешься и «обуешь» своего дорогого Ефимова. Например, на зеленый хирургический костюмчик. Слабо? С твоими-то заморочками!..

– Но я была уверена...

– Забудь!

– Не могу.

– А я говорю, забудь! Хорошо знакомый нам Шурик почти вышел на финишную прямую трезвой жизни. Не порть ему кайф от последних часов беспробудного пьянства. Икнет, будучи не тем помянут, и подавится. Как тот немец, который уволок со шведского стола две порции свежей сентябрьской малины. Прямо у нас из-под носа. Ну что ты нахмурила брови? Не помнишь?

– Ну почему, ты же «нагрела» его на три порции копченого угря, зато услужливо пододвинула сосиски.

– Ему эти колбаски роднее! А вообще чему тут удивляться? Он же не англичанин, значит, не джентльмен. Всего-навсего какой-то «херр». Кстати, ты думаешь перебрасывать на компьютер отснятый материал нашей добропорядочности и исключительной заботы о близких?

– Снимки? Завтра. Сейчас Димка проснется, будем смотреть видеоредакторский отчет о поездке.

– Во как ухайдакался! Хорошо, что не каждый день приезжаешь из заморских стран. Но, честно говоря, его мясо в горшочках получилось гораздо лучше, чем у тебя. Может, потому, что там было мало картошки и больше грибов? Спросить не решаюсь, зазнается, по меньшей мере, на полгода. Так долго я его выпендрежа не выдержу.

– Секрет прост – лень-матушка. Дома сметаны не оказалось, тащиться в пятый раз в магазин не захотел. Детки тоже по паре раз там отметились. Вот и заправил тем, что имелось в наличии. Помню только про майонез. Нет, этим словом он назвал то, что у него получилось.

На какое-то время я совершенно забыла утреннее происшествие. Оно напомнило о себе в тот момент, когда в кадр видеосъемки случайно попала супружеская чета Кочневых. Смеясь, Майка поправляла взъерошенные ветром волнистые волосы на голове мучительно-трезвого мужа на фоне прекрасной панорамы Стокгольма, раскинувшегося на отдельных островках, соединенных между собой мостами. Но мое отношение к жуткому событию этого утра несколько изменилось. Не приведи, Господи, увидеть подобные сцены! И они намного ужаснее, если происходят не только на твоих глазах, а еще и со знакомыми тебе людьми. На сей раз я довольно быстро избавилась от неприятных воспоминаний, уговорив себя, что виной всему большое воображение. Еще неизвестно, погиб ли на самом деле неудачник, принятый мной за Шурика. Удар, конечно, был сильный, но ведь не исключено, что хуже всего пришлось ботинку, слетевшему с ноги пострадавшего.

– Ирочка, ты не хочешь заменить «суфлера»? – обратился ко мне Борис. – А то Туля твой комментарий съемок с места событий забивает. Ты не поэтому примолкла? Трудно понять, о чем идет речь. Показываешь поднятый со дна морского «шедевр кораблестроения» «Вазу», а Наталья рассказывает, как вы ползали по российской подводной лодке.

– Какая разница? – возмутилась Наташка. – И то и другое подняли со дна морского. Только подлодка затонула героически, а «Ваза» – по королевской дури. От излишка роскоши. Вообще-то точное название деревянного лайнера «Васа». Триста лет и еще тридцать три года на дне провалялся. Три с лишним века! А выглядит, как новенький. Но все равно уступает парому «Силья-лайн». Представляете? Шесть ресторанов, ночной клуб, где демонстрируется международное шоу. После него сцена превращается в танцплощадку. Пляски до рассвета. Одни магазины занимают площадь в пять тысяч квадратных метров.

– Наталья, помолчи. Пусть Ирина поделится впечатлением от заморской жизни. Ну и как там, «за морем»? – лучась довольством, пришел на помощь Борису Димка. Само собой, ляпнул тоже не в тему момента съемок. Наташка возмущенно фыркнула и уткнулась в карту музея «Скансен», который как раз показался на телеэкране. Целый городок, объединяющий века, отмеченные улицами с постройками, окна которых из разных столетий спокойно смотрели на бесконечные вереницы туристов. В старых, но отлично отреставрированных домах шла своя, соответствующая времени жизнь. «Жители», облаченные в соответствующую одежду, занимались «обычными» делами: кололи дрова, топили печи, готовили обед, ходили по своим «вековым» магазинам, ухаживали за скотом. Иными словами, не замечая сторонних наблюдателей, вели обычную жизнь. Пару лет назад мне уже посчастливилось видеть этот музей. И теперь я с превеликим удовольствием окунулась в атмосферу узнавания.

– За морем? – медленно въезжая в ситуацию, переспросила я. – «За морем житье не худо». Это известно еще со времен царя Салтана. – И умолкла, лихорадочно раздумывая, что добавить к тому, о чем вещала с экрана телевизора. – Живут... назло предсказаниям вождей мирового пролетариата. И прошлым, и настоящим, и будущим. Да сами смотрите, очень хорошо это у людей получается.

– Так вот, значит, ты какой, северный олень! – заорала с экрана Наташка, и я обрадовалась:

– Смотрите, какие олешки хорошенькие, это мы с Натальей нечаянно заблудились в «Скансене» и попали в зоопарк, он граничит с музеем. Слушайте, звери там тоже прекрасно живут, назло вождям мирового

пролетариата. И вообще, лучше всем помолчать. Мне неудобно самой себе рот затыкать.

– Правильно! – активизировалась Наташка. – Зачем, если для этих целей есть мой? Слова сказать не даете. Впрочем, был момент, когда я сама дара речи лишилась. Еще на пароме, по пути в Стокгольм. Мы с Иришкой решили отужинать в кафе. Я сразу глаз положила на одно блюдо. Короче, порция подавалась в тарелке, размером чуть меньше колеса от телеги, что, собственно, меня и соблазнило. Но когда нам его подали, мама дорогая! Этот самый глаз, который я на него мысленно положила, у меня чуть и в самом деле не выпал. Представляете?! Целая тарелка силоса! Стожок листьев салата, горка тертой морковки, сноп шинкованной свежей капусты и куча шампиньонов, сырых, блин! Первый раз в жизни ощутила себя коровой! Ирку тоже. В общем, пучки салата мы с ней так и не осилили, я их тайком с собой в каюту унесла и в пластиковые стаканчики поставила. Смотрелись не хуже ландышей.

Борис вздохнул:

– Давайте перенесем просмотр на завтра. Я первая с ним согласилась.

В пятом часу утра я проснулась от телефонного звонка. Во всяком случае, мне так показалось. Не доверяя собственным ушам, прислушалась в ожидании очередной трели, но ее не было. С запозданием сообразила, что и быть не должно. Городской аппарат отключили еще с вечера, а мобильники не трезвонят, поют. Каждый свою собственную партию.

Терпеть не могу эти недосыпы! Лежишь и не знаешь, что делать. Вставать – рано, а заснуть снова невозможно. Да еще этот невыносимо тяжкий груз Димкиных ног, вольготно уложенных на мои. Муж имеет стойкую привычку спать по диагонали кровати. Попыталась осторожно высвободиться, но вызвала грозное кошачье шипение. Элька довеском улеглась поверх Димкиных ног. Скорее всего, достаточно удобно, чтобы добровольно уйти с «лежбища». Хватанет когтистой лапой по моей неприкрытой одеялом коленке, точно сыграю общий подъем. Когти у нее без ограничителей. Зачем только забрали ее с дачи? Пусть бы жила со своим стадом. Аленка виновата, «лишний рот бабуле ни к чему!». Довод, прикрывающий желание дочери видеть свою любимицу рядом. С каждой секундой вес Димкиных ног увеличивался. Нарастало желание сбросить непомерный гнет хотя и родных, но, по большому счету, чуждых мне конечностей. С шумом, а может быть, даже и с пылью – едва ли Димка успел вчера пропылесосить палас.

– Мамуль? – раздался от двери тихий шепот дочери, и я мигом забыла про свои неудобства. – Ты чего креха-ешь? Бессонница?

– Вроде того. А тебе что не спится?

– Фига себе! Да я еще и не ложилась. Смотрела твой отснятый диск. Отличные съемки! Если бы заснувший Славка с дивана не упал, я до конца бы дошла. От его падения даже будильник внеурочно зазвенел. Вылезай, позавтракаем.

– До каких пор шимонаться будете?! – раздался глухой глас сонного мужа, и кошка мигом слетела на пол. Следом «отпали» Димкины ноги. С чувством большого облегчения я выбралась на волю.

Чаевничали мы с дочерью в гордом одиночестве. Упавший с дивана сын, во сне запамятававший, что тот не разложен, как у бабушки, кое-как вернулся на место, но, грохнувшись на ковер вторично, решил не морочить себе голову новым подъемом. Просто стянул с дивана подушку и подложил ее себе под голову.

Сидя на кухне, я тихо делилась с Аленой вчерашним трагическим происшествием. Не давала покоя мысль о человеке, скорее всего умышленно сбитом водителем «Жигулей». Его личность вновь обрела реальные черты Шурика. Та же одежда, те же светлые волнистые волосы и хорошо знакомое, совсем не испуганное, скорее, удивленное лицо. Неужели глюк? От передозировки впечатлений.

– Надо снять это наваждение, – заявила Алена, за обе щеки наворачивая морошку, приобретенную мной перед отъездом из Хельсинки. – Нет ничего проще. Скорее всего, пострадавшего увезли в Склиф. Он недалеко от Комсомольской площади. Завтра прозвонюсь и уточню. Как фамилия вашего Шурика? Ой, подожди, я ручку возьму. Только сразу предупреждаю, раньше двенадцати не встану. Это в лучшем случае.

У меня на душе сразу же потеплело. У Алены, наоборот. Слетав за ручкой и блокнотом в свою комнату, дочь обнаружила там мирно спящего на ее кровати брата, успевшего отлежать на полу бока и перебраться из большой комнаты в комнату Аленки.

– Представляешь! Он мне залепил, что «свято место пусто не бывает!». Как думаешь, это комплимент мне или моей кровати? Впрочем, не принципиально. Кстати, ваш Шурик вполне мог угодить под машину и отделаться легкими царапинами. История медицины знает достаточное количество таких примеров. О! Папик нарисовался! Иногда мне кажется, что у него на твое отсутствие таймер срабатывает. – Дочь поджала губы и тихо сквозь зубы процедила: – Всю неделю в одиночестве по ночам гулял. Из спальни до кухни и обратно. Три дня боялся, что ты за время поездки обзаведешься шведской семьей, потом добавилась забота о том, как организовать твою встречу. Под лозунгом «В гостях хорошо, а дома лучше!». Вот его-то мы сейчас и задействуем по поводу вчерашнего наезда. Он утром раньше меня встанет – завтракать.

Плохо соображающий со сна Димка никак не мог понять, зачем мне нужен посторонний мужчина, да к тому же еще побывавший под колесами автомашины. А когда понял, велел тут же оставить чужого человека в покое. Помогла Аленкина ссылка на профессиональный интерес. И тут началась такая «латынь», что я удрала в спальню, где со спокойной душой и заснула. Да так, что предпринятые позднее мужем меры насильственного пробуждения (громко учил кошку жить) прошли стороной, шведской. Мне снился зоопарк. В одном вольере с северными оленями сидел Шурик, украшенный ветвистыми рогами, и Дим-киным голосом предлагал Элькиной дочери Плюшке драть не кресло, а мой нос за то, что в свое время пошла на поводу у Аленки, не путив Элькиных котят по миру.

Отметив мое нежелание проснуться и достойно ответить на его выпад, Димка избрал новую тактику.

– Интересное дело, Исабель Балбесовна, – еще громче обратился он к кошке, послушно внимающей его выступлению, – бытует мнение, кто рано встает, тому Бог подает. Оно ошибочное. Я встал достаточно рано, даже успел выяснить судьбу человека, на глазах жены попавшего под машину, но завтрак мне не подали. Честно говоря, надеялся, что мысль о нем будет внушена Ирине Александровне. О, Иришка, ты уже проснулась? Чего ж так рано? Еще и двенадцати нет. Ну что ты на меня так смотришь? Не узнала?

Димка сидел у меня в ногах и приветливо скалился. Секундное дело – сгрести его шевелюру в кулак и «макнуть» головой в одеяло.

– Фейс-контроль! – бодро пояснила я. – Твоя мор... физиономия идентифицирована как личина, принадлежащая зануде Ефимову Д. Н. по кличке Хирург. – И, на всякий случай, вылетела из комнаты. Расспрашивать мужа о результатах его звонка в данный момент не стоило. Будет выпендриваться и набивать себе цену. В семейной жизни всегда есть место подвигу. Блинчики, соответствующие по уровню прозрачности папиросной бумаге, – прекрасный повод развязать язык Хирургу.

Так оно и вышло. Объядаясь не очень полезными, как ему кажется исключительно после еды, кругляшками.

Димка поведал, что прозвонился своему приятелю из Института Склифосовского и через полчаса выяснил – с моей головой все в порядке. В том плане, что вчерашний несчастный случай мне не померещился. И это радует. Опять же в том плане, что у финнов и шведов нет ничего такого, от чего бедной женщине за короткий срок можно свихнуться. Впрочем, у россиян услуга подобного рода предоставляется «на дому». Достаточно ежедневного просмотра определенного рода телепередач «с места событий». Например, заседаний Государственной думы.

Информация была сжатой, но вполне достаточной: вчера, в восемь часов пятьдесят восемь минут утра, в реанимационное отделение клиники бригадой скорой помощи был доставлен Лузгин Павел Константинович 1973 года рождения. Предварительный диагноз: легкая черепно-мозговая травма, перелом трех ребер и правого предплечья, осколочный перелом правой голени, а для полного ассортимента – многочисленные ушибы, полученные в результате наезда на пострадавшего автомашины марки «Москвич», пикап. Место происхождения – Комсомольская площадь со стороны Ленинградского вокзала. Состояние уроженца Московской области Лузгина удовлетворительное, личность определена со слов знакомой пострадавшего.

Мало того что я ошиблась, приняв Лузгина Павла Константиновича за Кочнева Александра Витальевича, так еще и неправильно определила марку совершившей наезд автомашины. Всего-то неделю отсутствовала, а уже плохо различаю российские автомобили.

– Он умрет? – Руки с очередным блином, который намеревалась подкинуть Димке, слегка дрожали.

– Иди сюда. – Загребущая длань мужа перехватила меня вместе с блином и усадила на колени. Блин удачно шлепнулся прямо в тарелку. – Он не умрет, – оглушительно чмокая меня в ухо, уверенно объявил муж. – Ему сделали трепанацию черепа, удалили все лишнее, наболевшее, и теперь Павел Константинович спокойно спит в реанимационном отделении. Шучу. Обошлось даже без операции. Но вечный покой ему точно не снится. Все замечательно. У тебя сковородка горит!

«Ну вот и все! – подумала я, торопясь к посту у электроплиты. – Можно окончательно успокоиться. Остается только вернуть „подкидыша“, Шуриков пиджак, по принадлежности и можно забыть о „ложке дегтя“, подпортившей бочку меда нашего с Наташкой путешествия».

А через пару часов позвонила Майка и, забыв о вчерашней легкомысленной отмашке от пиджака мужа, настоятельно попросила придержать кожаную шмотку Шурика до лучшего времени, приходящегося на понедельник. Обязательно заедет и заберет. Странная просьба. Вроде еще вчера сообщила, что пиджак много места не занимает. Совершенно не беспокоясь, я пообещала не использовать пиджак в целях наживы, то есть не продавать его и не сдавать в аренду. Майка торопливо поблагодарила. Девушка явно не вслушивалась в мои слова. И это было оправданно. Выяснилось, что на работе у Александра Витальевича жуткое ЧП. Только сегодня работники фирмы узнали, что случайно погиб их руководитель. На прошлой неделе, когда Кочневы развлекались за границей, шеф уехал на рыбалку с одним-единственным желанием: посидеть на берегу озера с удочкой и отвлечься от всех неприятных моментов, связанных с работой. Так получилось, что отвлекся он навечно, утопив в холодной озерной воде все горести, заботы, а заодно и радости. В деревне у дома знакомого егеря осталась его машина, а в лесу, на берегу озера, палатка с вещами, неполная бутылка спиртного и, кажется, рыболовные снасти. Тело утонувшего шефа не обнаружили. Только на середине озера кружилась в водовороте перевернутая резиновая лодка.

– Да что же это такое! – ахнула я. – Сплошные несчастные случаи! – и коротко поведала Майке о вчерашнем наезде на Лузгина Павла Константиновича, которого я нечаянно приняла за Шурика.

Майка пришла в ужас, что стало понятно по ее изменившемуся голосу.

– Ир, лучше бы ты мне этого не говорила. Боже мой, как же так? Теперь буду постоянно трястись за мужа. Вдруг твоя ошибка – какой-то предупреждающий знак свыше? Поневоле будешь суеверной.

– Не бери в голову. – Я уже успела пожалеть о сказанном. – При чем тут какие-то суеверия?

– При том! Впрочем, возможно, ты и права. Скажи-ка мне свой адрес.

– Записывай!

– Не надо, я запомню. Извини, очень тороплюсь.

Майка отключилась, а я поплелась к Наташке делиться новостью. Сошлись на том, что рыбалка, настоящая на водке, разбавленной одиночеством, не лучший способ ухода от проблем на работе и в семейной жизни. Да и вообще от всех проблем.

О супругах Кочневых я не вспоминала с понедельника и вплоть до четверга. Им явно было не до пиджака. В четверг, в первой половине дня, Майка прислала мне на мобильник сообщение с настоятельной просьбой встретиться с девушкой по имени Ксения. Девица должна была заскочить к нам за пиджаком в пятницу в районе восьми вечера. В ответном сообщении о согласии я, на всякий случай, указала номер и Натальино мобильного телефона. Все бы ничего, да только вот запаматовала, что у нас с Наташкой на вечер пятницы были свои планы, плавно вытекающие из дня рождения Анастас Ивановича, соседки по лестничной клетке. Короткая торжественная часть мероприятия ежегодно намечалась на семь часов. По сложившейся практике за стол усаживались около восьми. После поздравлений оторвать кого-либо из нас от разносолов Анастас Ивановича возможным не представлялось. Всего было понемножку, но из категории «пальчики оближешь». Именно поэтому я решила перезвонить Майке, попросив перенести прием-передачу пиджака Александра Витальевича на другой день. Увы, ее мобильник был уже отключен. Все последующие попытки связаться с ней также успеха не принесли. Ограничилась эсэмэской.

В конце концов, грядущий визит девушки Ксении совершенно вылетел из моей головы. «Клином», способствующим этой задаче, послужил Наташкин звонок с работы, в панике сообщившей, что предназначавшаяся для нашей кокетки-гренадерши подарочная пижама нечаянно «пообедала». Не в добрую, хотя и обеденную минуту, подруге приспичило похвалиться перед коллективом шедевром одного из российских производителей. Показ пижамы, не в полный объем развернутой на спешно освобожденном для этих целей рабочем столе, вызвал бурное одобрение присутствующих. Но

Наташке оно показалось недостаточно искренним. В целях всеобщего и радикального «отпада» коллег она напялила на себя широкие пижамные штаны шестьдесят последнего размера и с грацией манекенщицы продефилировала по кабинету, дважды обернув их вокруг своей «оси» и аккуратно придерживая у подмышек. Жаль, что никто не додумался закрыть дверь на ключ. Вернее, жаль, что именно в этот момент в кабинет заявился главврач и, слегка испугавшись, поинтересовался «что это?». «Это», именуемое замаскированной в пижамные штаны насыщенного цвета молодой весенней зелени Наташкой, шарахнулось в сторону и непроизвольно обмякло. Штаны, проникнувшись серьезностью момента, слетели с нее добровольно. Подхватив их буквально «с лету», Наташка едва успела через них перешагнуть. Заведующая отделением кардиологии со словами «я слушаю вас, Сергей Александрович» молниеносным движением руки подхватила швейное изделие и отшвырнула его куда-то за себя. Куда именно, выяснилось чуть позднее – в кастрюлю с остывающим супчиком, сваренным «дежурной по кухне» Полинкой на два дня, четверг и пятницу.

Спешно собираясь после работы домой с намерением заскочить за новым подарком в магазин, именуемый то ли «Три медведя», то ли «Три великана» – хорошо запомнила только цифру, я прихватила с собой трубку рабочего телефона, взамен оставив мобильник. Подмену обнаружила только в магазине. Несколько неприятных минут, и я довольно успешно убедилась в том, что ничего страшного не произошло. Девушка Ксения наверняка постарается предварительно позвонить. Значит, ее номер останется на мобильнике. Завтра приду на работу, расшаркаюсь за причиненные ей пустые хлопоты, и все дела.

«Расшаркаться» утром в пятницу не получилось. Просто потому, что пять звонков, зафиксированных моим телефоном за время моего отсутствия, поступили с номера, так и не засветившегося откровенностью, следовательно, оставшегося неизвестным. Майкин же мобильник по-прежнему был отключен. К концу рабочего дня меня стали одолевать сомнения в собственной порядочности. Я поладила со своей совестью только по прибытии домой – в момент выхода из лифта. Вначале просто потому, что забыла обо всем на свете. На площадке от души веселились две души, Наталья и Алена. Наташка, успев отстирать и высушить подарочные штаны, приняла решение все-таки преподнести пижаму Анастас Ивановичу, дабы добро зря не пропадало. А приобретенный мной «на замену» подарок может годочек и подождать.

Судя по размеру, «добра» с лихвой хватило бы на двух десантников

очень крупного телосложения и одного худенького вьетнамца. Продемонстрировать конечный результат волшебного действия обыкновенного хозяйственного мыла и своих умелых рук подруга решила на Алене. Получилось довольно миленько: не известное науке существо отряда головоногих. Рук не было. Сорок пять набранных дочерью килограмм тоже не наблюдалось. Все скрылось за многочисленными складками штанов. Собранный воедино верх зеленого шедевра крепился вокруг изящной шейки с помощью желтенького шарфика, заканчивающегося элегантным бантом. Такой же бант красовался на голове у Наташки.

– Наконец-то! – обрадованно пискнула Аленка. – А то нас папик из дома вытурил.

– Отправились бы к Наталье Николаевне, – через силу улыбаясь, посоветовала я, пребывая в состоянии слишком хорошо выжатого лимона. Сказывался наспигованный мелкими служебными неприятностями рабочий день.

– Так там вообще на порог не пустили. Денька с перепуга даже пару раз гавкнула. Правда, заикаясь. Мамуль, твоего возвращения папик, в отличие от нас, ждет с нетерпением, жаловаться будет. Ты в большой комнате пакетик с кресла прихвати, на выход. Нас дальше прихожей не пустят. А в пакетике – пижамный верх. Влезете в курточку вместе с Натальей Николаевной, и понесем друг друга к кому-нибудь «на брудершафт».

– Ирина! – донесся из коридора рассерженный голос мужа.

– Подслушивал! – шепнула мне Наташка и слегка подтолкнула меня вперед. – Иди, мы тебя сзади прикроем.

– По-твоему, это нормально?

Пропустив всю нашу компанию в прихожую, Димка принялся взывать именно к моей совести. Наверное, считал, что у остальных она уже окончательно потеряна. Это лишило меня возможности продолжить самобичевание, связанное с несостоявшимся по моей вине визитом девушки Ксении. В конце концов нельзя же быть виноватой во всем! Тогда как обличительно-воспитательная речь мужа неминуемо вела к неутешительному выводу: какая я, такие у меня и дети. А заодно соседи, коллеги по работе и даже государственная политика.

– Мне нужен телефон турфирмы! – громко заявила я, заставив мужа споткнуться на словах: «До каких пор».

– Фига себе! – прогудела Наташка. – Лично я так радикально вопрос своего дальнейшего существования на нашем этаже не ставила. Ефимов, ты все-таки достал жену своими нравами! Несчастливая готова сунуться

из огня да в полымя. В смысле, из заграницы, да опять в заграницу.

– Мне просто надоело присутствие в моем доме чужого пиджака, который Наталья опять намеренно перетащила ко мне! – рывкнула я, раздраженно срывая его с вешалки и бросая на пол. – Он на меня давит! И не надо ждать милости от Кочневых! Сначала целую неделю не могут выбрать время его забрать, потом звонят и не удосуживаются поинтересоваться, удобно ли мне в назначенное время быть дома, мало того, посылают за пиджаком какую-то свистушку с закодированным номером!

– О! Как чувствовала! У этой шмотки плохая аура, – шмыгнула носом Наташка и стянула с головы безумный бант. – Ленусик, стаскивай подарок. Не склалось! Подожди, сейчас только ошейник тебе сниму. Не дергайся. Видишь, мама нервничает? Ее твой папа довел. Вот она на чужой пиджак и срывается. Как бы на ленточки не покромсала.

Я презрительно фыркнула и, не прицеливаясь, отправила на кресло в холл свою сумку. На мое счастье, она оказалась закрыта. Димка оторопел, но машинально успел увернуться, довольно ловко перехватив сумку почти у собственного носа.

– Полет гигантского шмеля. Мутанта. Озверела, – тихо проронила Алена. – Ужинать не будем. Разгрузочный вечер. Какая жалость, что Анастас Иванович силовым методом отменила свой день рождения!

– То есть как отменила? – я машинально пригладила волосы.

– Очень просто. Попросив преподнести положенный ей подарок в любое другое, удобное для нее время. У Анастас Ивановича сестра заболела. Вызвала ее в срочном порядке делить свой загородный дом.

– Ленусик, если хочешь, могу обеспечить тебе с папи-ком «тайную вечерю» за моим столом. Ир, ты что, не с той ноги рабочий кабинет покинула? – Наташка начинала приходить в себя. – Дим, закрой рот и открой сумку жены! В ней должен быть мобильник. Сейчас я сама прозвоню Майке и потребую аудиенции. Пусть забирают свою шмотку.

Не обращая внимания на тихую суету вокруг моего телефона, я скинула туфли и, прошлепав в спальню, демонстративно закрыла за собой дверь. Десяти минут одиночества с лихвой хватило, чтобы обрести прежнее равновесие и удивиться, с чего это меня так понесло. Какое-то время сидела и раздумывала, как лучше обставить свой выход. Выручила Наташка. Осторожно просунув голову в дверь, мгновенно оценила мое состояние как удовлетворительное и, подмигнув правым глазом, громко объявила:

– Ир, нам очень повезло с твоим мужем. Представляешь? Пары минут

ему достаточно на то, на что мне не хватит и пяти. Ефимов заставил туроператора расколоться и выдать адрес Кочневых, а заодно и номер их городского телефона. Только по нему никто не желает отвечать. Как и по мобильному. Операторша сама убедилась.

– И чем он ее пытал? Конституцией Российской Федерации?

– Скажешь тоже! Этой тоненькой книжечкой даже по голове доходчиво не настучишь. Дмитрий Николаевич лихо соврал, сославшись на то, что в подданом нам кожаном пиджаке обнаружены два авиабилета в Лиссабон на завтра. Разумеется, на имя супругов Кочневых.

– Мой муж никогда не врет.

– В его возрасте и при его профессии это скорее недостаток.

– Надеюсь, по карманам пиджака вы не лазили?

– Обижаетесь. С помощью твоего «закидона» они сами вывернулись наизнанку. Из внутреннего кармана выпал аккуратненький такой конверт с тысячью у. е. в ассортименте и железнодорожный билет до Тамбова. Уже не нужный. Тот поезд, так сказать, ушел. Как раз в день нашего возвращения в столицу. Без какого-то Ельцова Михаила Петровича. Напрашивается только одно разумное объяснение: этот кожаный пиджак отличается весьма «легким» поведением. Одним словом, гулящий. В чьих только руках не побывал!

– Интересно, переходной кожаный пиджак. Нет, я прекрасно помню, что Шурик относился к нему как к родному. Швырял где ни попадя, например в автобусе, в кафе.

– Это не довод. Ты эту шмотку тоже швырнула. И, на мой взгляд, сделала это очень бездушно. А у Шурика душевно получалось. И несколько небрежно. Как у человека, которому есть чем швыряться, не пробросается. Странно, что Кочневы об этом билете и не вспомнили. Может, Шурик его где-то нашел? – Подруга посмотрела на меня с надеждой.

– В поезде «Хельсинки – Москва»? Или в Стокгольме? Кто-то ехал оттуда с пересадками? «Мальчик хочет в Тамбов».

– Не умничай. Это версия твоего Ефимова. Он предположил, что в общей массе туристов был некий господин Ельцов М.П. из Тамбова. Он этот билет и потерял. Разумно? Разумно. А Шурик спяну подобрал. Какой-никакой, а документ. Мы, россияне, народ бдительный. Кстати, твоя незабвенно-выдуманная покойная тетушка именно из Тамбова. Надо бы помянуть, да некогда. Одевайся. Дмитрий Николаевич поддержал твое стремление избавиться от этого неудобного «портмоне» из натуральной кожи.

Мне совершенно не хотелось снова переодеваться и куда-то нестись.

Мысленно я, как предостерегала Наташка, кромсала пиджак забывчивого Шурика вдоль и поперек, посыпая сверху клочками выпавших из него у. е.

– А на завтра нельзя эту поездку перенести? Суббота. Как выспимся, так и поедем.

– Что-то похожее твой Димка сказал. Только с другим смыслом, передадим шмотку со всем содержимым по назначению и завтра будем спать спокойно. Одевайся, говорю. Твой Ефимов носом чует исходящую от пиджака неприятность и предпочитает немедленно от него избавиться. Сколько угодно случаев, когда мошенники подкидывают растяпе кошелек, а потом требуют с него сумму, которая там и не залеживалась.

Пересиливая новую волну раздражения, на сей раз против себя, растяпы, я принялась собираться. В тот момент еще не осознавала, что это раздражение, вызванное нежеланием ехать к Кочневым, не что иное, как интуитивное стремление избежать грядущих стрессов. Впрочем, колесо этой истории уже закрутилось, они все равно бы о себе напомнили. Независимо от этой поездки. Разве что позднее.

6

До Тульской добрались быстро. Варшавка была забита только в обратном направлении. Нужный нам дом тоже отыскали сразу, Дмитрий Николаевич ориентировался так, как будто всю жизнь жил в этом районе. Кодовый замок в подъезде не работал, домофон тоже. Зато лифт порадовал рабочим гудением. Пару раз вздрогнув, он все-таки доставил нас на девятый этаж. Я невольно подумала, что все как-то слишком гладко идет. И зря, сглазила дальнейший ход событий.

Лестничная клетка освещалась одним противно моргающим и потрескивающим плафоном лампы дневного света. По обе стороны имелись две металлические двери с табличками номеров квартир.

– Коридорная система, – глубокомысленно заметил Димка. – Нам направо. – И решительно нажал на кнопку звонка шестьдесят седьмой квартиры. Потом он еще пять раз повторял свою попытку, не желая отказаться от намеченного плана во что бы то ни стало вернуть пиджак хозяину. На шестой инициативу перехватила Наташка и позвонила в соседнюю квартиру. С таким же результатом.

– Вымерли здесь все, что ли? – громко возмутилась подруга и нажала на кнопку. Очередной раз. В этот момент открылась кабина вновь прибывшего трудяги лифта и на нас с подозрением воззрится пожилой мужчина и одна морда собачьей национальности, помесь овчарки с вольной дворнягой. Одновременно открылся и «железный занавес», явив нашему взору сразу двух представительниц прекрасного пола. Одной было лет шестьдесят, другой – в десять с лишним раз меньше. Очаровательная девчушка с льняными кудряшками, огромными, в половину лица, любопытными глазами. И губки бантиком. Чудо, похожее на пушистый цветок.

– Ну че открываете кому попало, не спрашивая? – сердито поинтересовался мужчина, сдерживая стремление собаки рвануть к родным людям. – Надеетесь на встречу с «Тайдом»? Вы к кому? – буравя нас маленькими глазками из-под насупленных бровей и окончательно останавливая их на Димке, строго поинтересовался он.

– Мы к вашим соседям, в шестьдесят седьмую квартиру, – четко отрапортовала Наташка, – и это не ваше собачье дело, – закончила она, сюсюкая с псиной.

Женщина непроизвольно охнула и попятилась, оттаскивая за собой серьезную девчушку, бесконтрольно пытавшуюся отодрать кусочек

внутренней обивки двери. Уж очень заманчиво торчал этот клок, у меня и самой чесались руки до него добраться. До нас донесся звук захлопнувшейся двери.

– Опоздали! – с удовольствием доложил мужичок, дернув за поводок собаку, решившую лизнуть Наташке руку. Собачья признательность за добрые слова. – Надо было раньше приходить.

– Простите, не понял. – Димка был сама вежливость.

– Идем, Герда, домой, – вредный мужик, не отвечая, направился к двери.

Как бы не так. Наташка мигом перегородила ему доступ в коридор. Собака от неожиданности озадаченно гавкнула и присела, подруга не выдержала и поощрительно погладила ее по голове.

– У вас что, молодой человек, уши заложило? «Молодой человек» и сам озадачился. Даже оглянулся назад, после чего приосанился и запоздало буркнул:

– Герда, сидеть!.. – Собака ухитрилась приветливо помахать «слепому» хозяину хвостом. – Откуда же вы такие незнающие объявились? Соседа с женой бандюки порешили. Вроде за какие-то долги. Не знаю, не ведаю и знать не хочу. А вам-то они зачем?

– Да вот, хотели пиджак Александру вернуть, – Димка продемонстрировал чистоту своих намерений, тряхнув пиджаком у носа мужчины.

– Поздновато спохватились. Нет там никакого Александра.

– И что, в квартире никто не живет?

Наташка пыталась найти во мне опору. Я очень удачно впала в ступор.

– Родиона племяннице, Ксении, квартира досталась, только она здесь всего одну ночь ночевала и опять в свою однушку перебралась. Я думаю, выжили ее убиенные. Мы почти рядом живем, иногда такое слышится!.. – Мужичок обреченно махнул рукой. – А покойницу однажды я сам лично среди бела дня в кухонном окне видел. Лицом и руками к стеклу прилипла и вроде как помощи просит. Жалко Горшковых. Еще молодые совсем. Жить бы да жить на пенсию. Вспомнить страшно, что было! – Мужчина вдруг осекся, крикнул и отрешенно посмотрел на пиджак. – А что ж вы так с этой курткой подзадержались?

Димка призадумался. Гмыкнул и как-то неуверенно произнес:

– Да, действительно. Да...

И тут я поняла, что следует найти в себе силы на умный ответ. С трудом преодолевая собственную окаменелость, взбрыкнула ногой и выровняла повисшую на мне Наташку.

– Мы в Москве проездом. Из Тамбова, в Тамбов. А пиджак Александру просил завезти его тамбовский друг. Сейчас, он у нас на обратном билете записан.

Вытянуть из внутреннего нагрудного кармана билет Димка мне не позволил, отчеканив:

– Друга зовут Ельцов Михаил Петрович.

– Они вместе в армии... О блин!

Хорошо, что Наташка не успела договорить. Решив окончательно распрямиться, задействовала мою ногу. Кому приятно, когда шляются каблук по ноге? Я и отшвырнула подругу к стенке.

– Какой такой Александр? Хозяина квартиры Родионом Тимофеевичем зовут, и в армии он никогда не был. У него плоскостопие. – Глаза собеседника стали подозрительно суживаться. – Ельцов, говорите? Михал Петрович?...

– Разумеется. – Наташка мигом «вывернулась». -Они вместе в армии не служили, зато отдыхать рядышком довелось. С тех пор иногда и перезванивались. Михаил сначала в деревне жил. Потом в Тамбов перебрался. Узнал, что мы в Москву за товаром едем, у Дмитрия Николаевича, – подруга отлепилась от стенки и хлопала по спине моего мужа, – в Тамбове своя лавочка, вот и попросил закинуть вещичку.

– Простите, пожалуйста, – промямлила я, теребя в руках бумажный платочек. – А вы случайно не знаете адреса родственницы Кочневых? Ну, той, которой досталась квартира? Мы бы этот пиджак ей отвезли.

Решительным жестом руки мужичок дал понять, что ничего не знает, а если и знает, то не скажет. И проявил стремление продвинуться внутрь коридора. Собака, уже успевшая прилечь, нервно вскочила и, глядя на хозяина преданными глазами, опять услужливо завертела хвостом. Задерживать обоих не имело смысла.

В полном молчании мы спустились вниз, но садиться в машину муж не торопился.

– И что теперь будем делать? – зябко поежившись, спросила Наташка. – А все ты, Ефимов, виноват! Лавочник тамбовский. «Отвезем пиджак и будем спать спокойно».

– Тебе не все равно, какую ночь не спать, сегодняшнюю или следующую?

– Не все равно. К следующей у меня целый день на подготовку. И Борис в командировку уезжает. Уж как-нибудь сама с собой поладила бы. Фига себе! Ир, получается, что мы в одном купе с покойниками ехали. Они наверстывали упущенное в этой жизни. То-то Шурик не просыхал. Но вот

при чем тут какой-то Родион Тимофеевич?... Может, этот сосед с собакой перегулял? Пока из дурдома пешком шел.

– В первый раз чувствую себя полным идиотом, – пробормотал Димка, открывая машину.

– Дай бог, не последний! Самокритика – самый лучший метод воспитания. Трудно обижаться на самого себя. Дим, встряхни жену, а то она совсем в отстой ушла. Надо же что-то решать. Ты в идиотах ходишь, а я готова составить тебе компанию.

– Ирина, не стой на месте, садись в машину. Вот что, милые мои, завтра я свяжусь с Виктором, обрисую ситуацию и...

– Правильно! – подпрыгнула на заднем сиденьи Наташка. – Пиджак арестуют, билет потеряют, деньги украдут, и не такие мелочи из следственных сейфов пропадали, а «покойнички» Кочневы из нас за все это душу вытрясут.

– Я просто проконсультируюсь с Листратовым! Ирина, слышишь меня? Я запрещаю тебе предпринимать какие-либо шаги без моего ведома.

Не ответить было нельзя:

– Слышу, слышу! Дальше просто некуда шагать. Нам всем. Мне кажется, надо немного выждать. Майка, или кто там за нее, обязательно должна позвонить. Мы не можем наобум принимать какое-либо решение. Как бы не навредить.

– Самим себе! – многозначительно добавила Наташка. – Компенсации за вредность не будет!

– Ну хватит разговоров. – Димка плавно, но решительно тронулся с места. И тут же притормозил. В кармане его ветровки запел мобильник. Моей мелодией.

Оставалось поражаться спокойствию мужа. Он неторопливо полез в карман, неторопливо вытащил мобильник, взглянул на светящийся экран и протянул мне. Я бы уже за это время двадцать раз уронила аппарат, если бы трясущимися руками вообще удалось его выудить. Номер был Майкин.

– А вот и Ксения объявилась! – замогильным голосом выдала свое предположение Наташка. – Я так понимаю, это та самая племянница, которая не выдержала ночной пытки бессонницей в квартире Кочневых.

– Верни мне мобильник! – тут же потребовал Димка, и я, с трудом отбиваясь от настойчивых рук мужа, была вынуждена вылететь из машины, получив небольшой запас времени для переговоров с Майкой. Именно поэтому мне пришлось быть краткой. Я сразу оборвала легкомысленные сожаления собеседницы по поводу несостоявшейся встречи.

– Ты хорошо помнишь, что было в карманах пиджака? – заорала я в

трубку, отступая назад, ибо выскочивший следом за мной из машины Димка уже успел стряхнуть с себя повисшую на нем из самых лучших побуждений Наташку – скромный вклад подруги в мое правое дело. Подруга как-то сразу обмякла и с ужасом уставилась на меня. Я сразу не поняла, почему Димка замер на месте, предупреждающе выставил вперед руку, и ласково потребовал, чтобы я последовала его примеру, – в свою очередь замерла.

– А в чем дело? – голос Майки приобрел какие-то новые, жесткие нотки.

– Ответь, пожалуйста, на мой вопрос!

– Не могу, потому что не знаю.

– Возможно, Шурик знает?

– Его нет. Он в командировке.

– Случайно не в Тамбове?

Ответа я не дождалась. Видимо, Майка лихорадочно соображала, что сказать. Я решила пойти ей навстречу и приготовилась сделать еще шаг назад. Мало ли как отреагирует на мое высказывание Димка. И в следующую секунду поняла – правая нога уходит куда-то вниз, откуда раздается отборный мат. Валяясь с ободранными коленками рядом с открытым люком канализационного колодца, я никак не могла понять, кем в данную минуту являюсь: «безмозглой коровой», едва не севшей на голову квалифицированному рабочему аварийной бригады, или просто «родной ласточкой», которой, благодаря мужу, не удалось так низко пасть. К тому же рядом надрывалась Наташка, уверявшая квалифицированного рабочего, что он упустил свое счастье, такие женщины, как я, могут осчастливить только избранные головы. Причем ее пламенная речь перемежалась отдельными нецензурными выражениями, почерпнутыми из матерного лексикона самого квалифицированного рабочего. Подруга с легкостью возвращала их обратно. А по мобильнику, который я судорожно сжимала в руке, испуганно алекала Майка, время от времени требуя разъяснения ситуации. Да еще хор непонятно откуда появившихся любопытствующих зрителей между делом клеймил позором коммунальщиков, очередной раз повышающих плату за водоснабжение.

Димка ругнулся не хуже квалифицированного рабочего, который под словесным натиском Наташки вжал в плечи свою так и неосчастливленную мной голову в каске (теперь понимаю, для чего эта пластиковая шляпа нужна) и застыл, не зная, что ему делать дальше. Впрочем, я на его месте тоже бы задумалась, ибо подруга решила перейти от слов к делу, весьма решительно схватив какую-то железную треногу, украшенную красными

тряпочками. Как быстро выяснилось, эта железяка играла роль предупреждающего знака об открытом люке без расчета на, мягко говоря, обалдуек, шляющихся по улицам задом наперед.

Сильным рывком Димка поднял меня на ноги, буркнув, что лежать в присутствии посторонних мужчин без серьезных на то оснований, например переломов нижних конечностей, неприлично. И попытался отнять телефон. Но рука не разжималась. Мой хватательный рефлекс был сильнее всех доводов. Не только его, но и моих собственных. В результате Димка просто приложил мою руку с мобильником к своему уху и прокричал:

– Майя, из-за вас мы попали в большие неприятности. Вынуждены передать пиджак вашего мужа в прокуратуру.

Майка ему что-то говорила. Он отвечал короткими фразами:

– «Мы у вашего дома», «Думаю, нужно», «Нужно, я думаю» и «Хорошо. Надеюсь в дальнейшем никогда с вами не увидеться».

Рука у меня разжалась непроизвольно. Просто время пришло.

– Ох, ё, – Димка чуть не ругнулся и ловко подхватил мобильник почти у самой земли.

– Надо же! Один квалифицированный рабочий аварийной бригады за короткое время и личным примером сподвиг моего мужа на матерный сленг. Впрочем, наверное, это у мужиков на генном уровне. А у женщин просто результат эмансипации. Иногда помогает.

– Быстро в машину! – Муж осторожно толкнул меня в сторону нашей многострадальной «Нивы». Пожелала бы ее создателям век ездить с такой коробкой скоростей, которую сами для нее придумали. – Наталья, брось железяку, она нам на фиг не нужна!

Донесшееся до меня звяканье металла доказывало, что подруга едва ли не в первый раз беспрекословно выполнила Димкино требование. В тот момент я уже нырнула на переднее сиденье.

– Извините мою жену, товарищ, – крикнул муж в глубину люка, откуда раздавалось ворчливое пожелание... Впрочем, не стоит о нем. Ничего нового! Димка удовлетворенно кивнул и вежливо сказал всем зрителям: – Ну вот, все в порядке. До свидания, господа! Будьте здоровы!

Три «господина» и две необъятных «леди» милостиво кивнули и продолжили тему о зарвавшихся коммунальщиках.

– Ирина, зачем ты стянула свою ветровку? Окна открыты, тебя продует, – заботливо заметил муж, включая зажигание.

– Не волнуйся, родной, – надеюсь, это прозвучало естественно, – мне просто необходимо проветриться.

– Димочка, о чем ты с Майкой договорился? Наташка задала вопрос таким сладким голоском, что у меня даже челюсти свело.

«Димочка» выдержал небольшую паузу, достаточную для того, чтобы Наташкино терпение дошло до точки кипения, и едва из нее вырвался первый пар недовольства, быстро сообщил:

– Я положу пиджак в камеру хранения не скажу какого вокзала, ваша девица мне перезвонит и узнает номер ячейки. После этого верну мобильник Ирине с новой сим-картой.

– Ефимов, ты сбрендил! Твоя жена только вчера проплатила на свой счет баснословную сумму – пятьсот российских рублей. Это тебе не доллары!

– Покой моей семьи дороже! – отрезал муж. Увы, он не знал, что Майке известен Наташкин номер. Я не стала его разочаровывать, в конце концов он прав. Ну, насчет покоя.

Вплоть до самого дома Димка благодушно насвистывал, ощущая себя в роли спасателя, удачно разругавшего опасную ситуацию. Я первой выскочила из машины, поскольку в кофточке с короткими рукавами очень замерзла. Уж слишком бодрящим был холодный сквознячок. Не лето все-таки.

Мы с Наташкой уже направлялись к подъезду, когда громкий окрик мужа «Ирина, а где кожаный пиджак?!» заставил меня споткнуться. Я небрежно всучила свою ветровку, в которую, собственно, этот пиджак и был спрятан, Наташке с наказом не выпускать из рук: ткань ветровки маркая, не приведи господь, уронит, и вернулась к машине. Подруга успела подняться в квартиру, вытащить на прогулку только что отгулявшую свое с Борисом Деньку, а мы с Димкой все еще обшаривали машину в поисках «пропажи».

– Почему ты не надела ветровку? Что за дикое упрямство? – ругался муж, заметив, что я трясусь от холода, в сотый раз заглядывая в пустой пакет, куда он «лично положил свернутый пиджак». – Не могли же его украсть? – Он резко выпрямился и задумался. – Неужели...

Из канализационного люка торчала только каска с головой. Совершенно без рук. Это я точно помню, – придерживая рвущуюся в нашу с Димкой компанию Деньку, подсказала Наташка. – Руки загребущие могли распустить только те, кто рядышком распустил языки. Ну точно! Для усыпления нашей бдительности болтали про повышение коммунальных тарифов.

– Если это кража, – не слушая, рассуждал Димка, – то достаточно странная. Почему бы не украсть пиджак в упаковке с ручками?

– Спроси это у тех, кто выкрал шмотку. Дим, твоей жене срочно требуется перекись водорода очистить от грязи коленки, которыми она благодаря тебе пошла на абордаж.

– Да-да, Иришка, беги домой. Алена тебе поможет. Что за чертовщина? – муж продолжал обследовать машину. Даже капот открыл.

Испытывая легкие угрызения совести, я поплелась домой вместе с Наташкой и псиной, как мне показалось, крепко озадачившейся на тему: а зачем ее, собственно, вытащили на улицу?

– С какой стати ты обокрала Ефимова? – поинтересовалась Наташка, едва мы вошли в подъезд.

– С такой, что он собрался сдать пиджак в прокуратуру!

– Самое верное в данной ситуации решение. Иногда Дмитрий Николаевич бывает исключительно прав. Коч-невы – самозванцы. Я просто не могу на ночь глядя думать о них, как об оживших покойниках. А если они самозванцы, значит, добыли документы Кочневых преступным путем. Фактически они – Родион Тимофеевич с супругой. Или племянницей.

От возмущения я даже забыла отпустить кнопку вызова лифта, хотя он уже гостеприимно открыл двери.

– Прошу вас!.. – Свободной рукой подруга помогла мне выбрать правильное направление дальнейших действий. Я влетела в кабину и, экономя безнадзорное время, затараторила:

– А тебе не приходило в голову, что Горшковы просто зарегистрированы вместе с Кочневыми на одной жилплощади? Только вместе не живут. Этот их сосед, право слово, чудной какой-то. Может, и бандитов никаких не было? Или Горшковы могли спастись. И во избежание рецидива расправы поселиться где-нибудь в другом месте. Наивное объяснение, согласна, но кто его знает! В любом случае, Димка необдуманно спугнул Кочневых. Если они рядовые мошенники, постараются скрыться. Если люди порядочные, не знаю, как себя поведут. А вот если они соучастники какого-то преступления... Словом, твой телефон у Майки есть. Непуганый Димка собирается осуществить свою угрозу завтра. В запасе у самозванцев есть ночь, чтобы этого не допустить.

Наташка слабо охнула. На сей раз уже мне пришлось выпроваживать ее из лифта. Она потеряла ориентацию.

– О блин! Заблудилась. Может, нам на сегодняшнюю ночь в коридоре дежурство установить? Если что, пусть дежурный сразу звонит в набатный колокол. У меня на балконе медный таз для варки варенья залежался. Десять лет собираюсь обогатиться, сдать его в пункт приемки металлолома. Пусть послужит общему делу нашей безопасности. Он многофункциональный. В умелых руках так загудит! Особенно если не промахнуться и шарахнуть им злоумышленника по башке. Ох, как не вовремя Борис в командировку собрался!

– Не стоит паниковать. Говорю же, у Майки есть номер твоего

телефона. Мне кажется, она попробует с тобой договориться, прежде чем принимать какое-либо решение. Твоя задача – убедить девушку в том, что мы против Димкиного намерения.

Звонок на мобильник подруги раздался в тот момент, когда она собиралась открыть входную дверь в коридор.

– Алло? – севшим от волнения голосом настороженно спросила Наташка и, не отвечая, сунула телефон мне. – Кажется, убеждать в чем-нибудь Майку – исключительно твоя задача. Номер телефона не высветился.

– Майка!!! – заорала я в трубку, перевернув ее не тем концом. – Чем мы можем тебе помочь?!

– Сейчас весь дом придет нам на помощь! – прошипела Наташка и перевернула мобильник в нормальное положение.

Снизу кто-то вызвал лифт. Скорее всего, Дмитрий Николаевич. Подъемник ровно загудел, и я, не слушая Майку и захлебываясь словами, принялась отдавать приказы:

– Связь сегодня через этот номер телефона. Желательно перезвонить в двенадцать ночи, тогда все и обсудим.

Последними Майкиными словами, дошедшими до моего сознания, были: «...если найдете деньги, возьмите себе, все остальное спрячьте подальше, обязательно спрячьте!» Дальше я отключилась и сунула мобильник Наташке.

Появление на лестничной площадке Дмитрия Николаевича мы встретили широкими улыбками и коллективным возгласом: «Ключи забыли!» Против обыкновения он совершенно не обрадовался лишнему поводу упрекнуть меня в непредусмотрительности. Просто потряс Наташкиной правой рукой, в которой брякала связка ключей, и кривовато усмехнулся:

– Надо же!.. Не стоило обо мне так волноваться.

– Димуль, хочешь жареной картошечки? – брякнула я, намереваясь перевести разговор в другое русло.

– Да кто ж не хочет! – обрадовалась Наташка. – Только сейчас для нее поздно.

До часа ночи мы с Наташкой просидели на моем диване в ожидании Майкиного звонка. Без конца зевая, но упорно делая вид, что увлечены телевизионной передачей на тему иерархии власти в клане человекообразных обезьян. Иногда приходилось вздрагивать. Димка слишком резко открывал дверь в комнату, и мы, убаюканные теплым голосом диктора, невольно просыпались, добросовестно тараща на него

круглые от удивления глаза. Муж подозрительно и возмущенно фыркнул, что-то бормотал про «зов предков» и на какое-то время скрывался. Наташка слабо возмущалась моей самодеятельностью, в результате которой она маятся в чужом месте, а я молчала – надоело оправдываться. С таким же успехом подруга могла маяться и на своем диване. Просто боялась отвечать на Майкин звонок. А она так и не позвонила. Я пыталась вспомнить, о чем девушка не своим голосом собиралась мне сказать, но так и не вспомнила. Хотя про осторожность она что-то кричала.

Субботнее утро лично для меня началось со скандала. Дмитрий Николаевич, не поленившись встать пораньше, тайно от меня договорился с другом Листратовым о скоропостижной встрече. Как известно, все тайное рано или поздно становится явным. На сей раз оно объявилось рано. Выглядевший на все сто мужчина моей мечты хирург Ефимов, стоя в прихожей в одной ботинке и возмущенно потрясая другим, орал благим матом. Не тем, которым пользовался квалифицированный рабочий из люка. Я подумала, что ранее лежавшая у меня в ногах Элька весьма своевременно сделала для себя нелестные выводы и мигом сиганула под кровать. На всякий случай я осталась в постели и прикрыла глаза, может, Димка решит, что еще не проснулась.

Голос мужа активно набирал силу. Мне и Алене предлагалось сделать немедленный выбор – либо рецидивистка-кошка, либо самый положительный человек на свете, исключительный семьянин, уважаемая душа всего рабочего коллектива Ефимов Дмитрий Николаевич. Я сразу решила выбрать его. Не впервой! Сейчас окончательно разуется, разденется, помоеет ноги, оденется, обуется в другие ботинки, поток злословия иссякнет, он и подберет. Главное, кошке из-под кровати досрочно не высовываться.

– Папик, ну ты, прежде чем Эльку топить, вешать и с балкона вышвыривать, хотя бы ботинок понюхал! – вклинилась в монолог отца Аленка.

Очевидно, Димка последовал рекомендациям. На пару секунд установилась тишина, после чего моих ушей достиг полный сомнения голос мужа. Вполне нормальный по громкости вещания:

– Что т-такое?... Ребята, кажется, мои усилия сделать из кошки человека не прошли даром! Элька на полпути к совершенству. Успешно прошла стадию трансформации в самогонный биоаппарат. Дуется самогоном высокой степени очистки!

Я тихонько спустилась с кровати, высунулась в коридор – не каждый раз такие открытия. Аленка зевнула, потянулась и мигом повернула науку

вспять:

– Папик! Это дело случая. У нас перекись кончилась, йод и зеленка тоже. Вчера мамины коленки разбавленным спиртом обрабатывала. А потом Славка позвонил и меня отвлек. Флакончик под вешалкой остался. Я его закрыть забыла. Он с утра взял да навернулся. Значит, сам и виноват. Ничего страшного. Теперь, после санобработки, из твоего левого ботинка можно шампанское пить. Как в старину из женских туфелек.

– Его туда вообще не наливали, – проворчал Димка, обдумывая новую речь. – В туфельку ставили бокал с шампанским и пили, как из подстаканника. Ирина, где мои осенние ботинки?

Я бодро вышла в холл и только собралась потянуться, как запиликала трубка городского телефона. Не подозревая ничего плохого, сразу поприветствовала абонента: «Доброе утро!»

– Это квартира Ефимовых? Доброе утро!

– Да.

Почему-то я подумала, что мы вовремя не оплатили телефон.

– Это Светлана из турфирмы «Северная звезда». Вчера со мной разговаривал, минутку, да, Дмитрий Николаевич. Можно его к телефону?

Мельком взглянув на насторожившегося Димку, я как можно благодушнее поддакнула и тут же сказала «нет».

– Скажите, он собирался передать Кочневу Александру Витальевичу забытый им пиджак с билетами?

– Да-а-а, все передали. Еще вчера вечером.

– В таком случае почему Кочнева Майя Сергеевна спрашивает у меня ваш домашний адрес, ссылаясь на необходимость получения этого же пиджака? Не далее как две минуты назад звонила.

– Понятия не имею. Странно. Да. Это какая-то ошибка. Надеюсь, вы наш адрес даме не сообщили? Зачем ей мужской пиджак? – Я с трудом сдерживала стремление мужа перехватить инициативу переговоров в свои руки.

– Нет, конечно. Я предложила ей созвониться с вами. И, честно говоря, жалею, что дала адрес Кочневых Дмитрию Николаевичу. Убедительно прошу вас как-нибудь разобраться между собой. Он меня очень подвел.

– Обязательно! – Я положила трубку на место и от избытка чувств даже притопнула ногой. – Интересное дело! Майка должна знать наш адрес. Я же ей лично его диктовала.

Настороженный Димка, неосознанно вращая на шнурке свой левый ботинок, молча ждал объяснений. Я собралась с духом, легкомысленно пожала плечами и попыталась пройти на кухню. Мешал ботинок, по воле

хозяина изменивший порядок вращения вокруг своей оси. Теперь этот черный ходунок свободно гулял из стороны в сторону, как маятник. Я невольно следила за ним глазами. Куда-то их надо было девать, чтобы не смотреть на мужа.

– Похоже, ваша мнимая госпожа Кочнева презрела нашу с ней договоренность, – задушевно поделился со мной Димка. – Это обстоятельство только укрепило мою уверенность в том, что я на правильном пути, к помощнику прокурора Листратову. Не хочешь чем-либо дополнить мои откровения Виктору?... Понятно. Молчание не всегда окончательный знак согласия. Может, передумаешь?... Ну, что ж, лично я считаю, что Майя, или кем там она на самом деле является, пиджак вместе со всем приложением уже получила. Причем в тот момент, когда общалась со мной по телефону. В это время ее муж и соратник незаметно стащил шмотку из открытой машины. Это я виноват, лопухнулся! Теперь, надо думать, лжесупруги Кочневы собираются нас шантажировать на предмет отсутствия пиджака и находившихся в нем евродолларов.

Я непроизвольно дернула головой. Такая версия в мою голову не приходила.

– Спасибо за поддержку. Остаюсь при своем мнении и требую ни с кем по этому вопросу не общаться. Хотя тебя все равно не остановить. В общем, если что, сваливай все на меня. Со своей стороны обещаю держать тебя в курсе всех возможных вымогательств. Надеюсь, Виктор прояснит эту темную историю с нападением на семью Горшковых.

На сей раз я осознанно кивнула головой в знак солидарности с Димкой. Пугать его не хотелось. Уж лучше напугаю Листратова. А он после Димкиного визита, скорее всего, мне позвонит. Если разложить все по полочкам, примерно так, как разложены вещи в Наташкином шкафу, картина получалась безрадостная: за пиджаком (хорошо, если только за ним) охотятся совершенно разные люди. Причем не координируя своих действий.

Выпроводив Димку, я вернулась на кухню. Рассуждать можно и между делом. А я еще вчера пообещала ему фирменной жареной картошечки. Фирменной она стала давно и исключительно по недоразумению. Просто в один момент, крепко о чем-то задумавшись, не заметила, как выдавила целую головку очищенного чеснока в почти готовую жареную картошку. Чуть ранее чеснок предназначался для курицы.

За чисткой картошки было очень удобно думать. Начала все с того же, на чем споткнулась: Майе Сергеевне не было необходимости названивать в турбюро с намерением выяснить мой адрес. Хорошо помню, как

продиктовала его ей по телефону. Уж это точно не глюк. Допустим, Димка ее напугал. Но у нее была возможность связаться со мной по мобильнику Натальи, и она ей воспользовалась. Наговорила мне черт знает что, а про адрес ни слова. Кстати, после двенадцати ночи так и не позвонила. И еще один настораживающий момент: Майкин телефон заблокирован. Хотя именно с этого номера послано мне сообщение с просьбой передать пиджак какой-то Ксюше. Вчера Майка звонила Наталье не по своему мобильнику. Скорее всего, из телефона-автомата. Зачем ей засекречивать свой номер? А если это не она звонила? И кто такая Ксюша? Допустим, что племянница Горшковых. Тогда как она связана с Кочневыми? Родственница? Друг семьи? В таком случае едва ли стала бы действовать в обход. И почему в турбюро местом регистрации Шурика значится адрес покойных Горшковых? Вот она, явная несогласованность действий родственников!

Не сумев подобрать подходящие ответы на эти вопросы, я переключилась на другие: не исключено, что супруги Кочневы и в самом деле не те, за кого себя выдают. А вдруг они мошенники «высшей лиги»? И в свои молодые годы успели побывать и Ивановыми, и Петровыми, и Сидоровыми. Но верилось в это с трудом. Точнее, совсем не верилось. Ребят провожала в поездку толпа друзей, судя по всему, знавших их достаточно долгое время. Нет, надо любыми путями отыскать племянницу Горшковых Ксению. Значит, придется снова наведаться к соседям. Впрочем, Кочневы вполне могли приобрести квартиру Горшковых на законных основаниях, не поставив об этом в известность других жильцов. А если бывших собственников сразу после сделки с жилплощадью убили? Например, с целью ограбления.

– Ма-ам?!

Я невольно поморщилась – так хорошо думалось! Ну обязательно помешают!

– Это что, новый способ борьбы с лишним весом или просто развлекаешься? – Лицо дочери светилось искренним любопытством.

– Что ты имеешь в виду?

– Конечный результат. – Аленка кивнула в сторону мусорного ведра, где, сверкая обнаженностью, валялась кучка начищенной мною картошки. Надо сказать, она очень оживила общую отстойную картину отбросов.

Я молча вглядывалась в дело рук своих и жалела себя до невозможности.

– Фига себе! – бодро воскликнула Наташка, угодившая к очередному моменту моего «триумфа». – Картошка в полиэтиленовом мусорном

мундире! – от восхищения она поцокала языком. – А это что? – ткнула она пальцем в плавающие в миске с водой очистки. – Замечательно! Самая полезная часть, которую и врагу не жалко. А кто у нас сегодня во врагах бегают?

Алена огляделась по сторонам и беспомощно развела руками:

– Я, наверное.

– Я сама себе враг! – пришлось спешно вносить ясность. – С утра все из рук валится. Теперь новую оптовую партию чистить.

– Доверься дочери. Я, собственно, за тобой пришла. Не хочешь в сбербанк прогуляться? Развлечемся.

– Да я и у себя на кухне прекрасно развлекаюсь.

– Не надо чуждаться людей. В очереди постоим, побазарим, тряхнем стариной, неоплаченными счетами за квартиру, например. У тебя есть неоплаченные счета?

– Нет.

– Уверена? Лично мне надо техосмотр проплатить. Ленусик, не хочешь с нами?

– Не люблю сводить счета. Лучше картошку чистить.

Возможно, я бы и отказалась, но решила, что сама судьба преподносит мне шанс навеститься в гости к соседям Кочневых. Не одним, так другим. Очищенная партия картошки не пропала даром, дала определенную встряску, и мне стало ясно – Майка больше не позвонит. За тысячу условных единиц она предложила нам спрятать лежавший в кармане пиджака билет на имя Ельцова Михаила Петровича. Цена нашего молчания.

– Тащусь с условием, что после сбербанка скатаешь со мной, надо отдать в распечатку пленку.

Наташка метнула на меня удивленный взгляд и собралась ехидно напомнить, что в турпоездке я занималась исключительно видеосъемкой. Фотокамерой пользовалась она сама, значит, ей и решать с распечаткой. Но, заметив резкое противоречие между моей ласковой улыбкой и кулаком, который мне пришлось исподтишка продемонстрировать, тут же согласилась, пробормотав что-то про метод «кнута и пряника».

Моя идея насчет поездки к соседям Кочневых подруге не понравилась. Понравилась Майкина просьба спрятать за тысячу у.е. железнодорожный билет Ельцова. Радость длилась всего пару минут, в течение которых Наташка уяснила, что в нагрузку к деньгам идет обет молчания. Дураку ясно, если по какому-либо поводу надо молчать, значит, существует реальная возможность определенного интереса к этому совсем не простому

«поводу» посторонних лиц. Скорее всего, не джентльменов. А ее вполне устраивало привычное хорошо знакомое окружение. Особенно мое лицо. Позднее, стоя в очереди добросовестных плательщиков, подруга перебрала несколько альтернативных вариантов поведения, в том числе уничтожение вместе с билетом и денежных единиц, и самого кожаного пиджака. Дальше больше. Начались фантазии на тему пластических операций, бегства за границу... Лучше всего в Копенгаген. Вот тут-то Наталья и поняла, что зашла слишком далеко. Легче съездить к соседям Горшковых-Кочневых и вооружиться знаниями. Отнюдь не лишними.

В целях экономии нерабочего времени, суббота все-таки, решили отправиться на Наташкиной «Ставриде». При этом бездарно потеряли минут сорок. Всего не предусмотрешь. Подруга открыла машину именно в тот момент, когда из дверей нашего подъезда бодрым спортивным шагом выскочил Борис. И, узрев собственную жену, обрадовался ей так, словно век не видывал. Более того, прищурил глаза: то ли с утра запаматовал, как она выглядит, то ли оценивал правильность своего выбора, дела давно минувших дней. Оказалось, ни то ни другое.

– Натуля, ты решила протаранить сбербанк? Опять безразмерные очереди?

– Нет, – мгновенно нашлась Наташка, – поеду в ГАИ уточнять реквизиты. Платежки не прошли.

– Замечательно! – обрадовался Борис. – Мне тоже в ту сторону, подбросишь меня до Анино. У меня там рабочая встреча. Ненадолго, минут на десять. А потом я вместе с вами и вернусь. Через ГАИ. Торопиться некуда, все равно поезд только вечером.

Наташка задумалась. Я – нет. Знала, чем подруга от-болтается.

– Десять минут, говоришь? Ладно. Только на обратном пути на рынок заедем. Где-то у меня был список. Ир, поройся, пожалуйста, в бардачке.

– Знаете, девушки, пожалуй, вам меня ждать не стоит. Просто доведите до метро. А оттуда я уж как-нибудь сам.

В результате мы сначала отправились в Анино и, разумеется, застряли в пробке на Варшавском шоссе. Несмотря на то что раннее утро давно миновало, народ продолжал двигаться в загородном направлении. Ну и мы вместе с ним, хотя нам с Наташкой следовало ехать в обратную сторону. Борис нервничал, поскольку опаздывал, и, призывая меня в свидетели, активно критиковал манеру езды жены. Наташка в свободное от нападков на других водителей время предлагала ему всю жизнь ходить пешком и, в свою очередь, обращалась ко мне за поддержкой. Я поддакивала обоим, иногда невпопад. Голова была забита другим – Димка приедет, а меня и

след простыл.

– Мужик с сиденья, машине легче, – отрезала Наташка, послав доставленному к метро Борису обольстительную улыбку и воздушный поцелуй. Среагировал на них не только Борис. Еще два случайных прохожих на короткое время забыли, куда идут. К одному, особо навязчивому, подруга даже проявила скромный интерес: – Ну чё тебе, родной?

«Родной» сразу озадачился, сделал вид, что задумался и не туда улыбнулся. Тон Наташкиного вопроса совершенно не сочетался с ангельской внешностью госпожи Кузнецовой.

Обратно «Ставрида», наверстывая потерянное время, летела почти как стрела. Машину, а заодно и меня, вполне устраивала Наталья манера вождения.

У подъезда дома Горшковых стоял знакомый нам со вчерашнего вечера пожилой мужчина и, отчаянно жестикулируя, убеждал в чем-то молодую женщину в джинсовом костюме, отделанном стразами. Время от времени она строптиво встряхивала головой и тоже махала ручонками – возмущалась. Рядом трудилась Гер-да, бесконтрольно выкапывая из земли то ли свою, то ли чужую заначку, нечаянную радость, не раз занюханную косточку.

Наталья уже собралась припарковаться, когда я интуитивно насторожилась. С кем такого не бывало? Что-то буквально извне толкает вас на определенные поступки или, наоборот, удерживает от них? На сей раз я, совершенно не раздумывая, да не сочтут меня сумасшедшей, невольно удержала Наташку от парковки, весомо толкнув ее же сумочкой в бок и приказав остановиться у следующего подъезда.

Изрядно испугавшаяся Наташка газанула так, что все трое, и мужчина, и девица, и собака, мгновенно отвлеклись и внимательно проводили глазами нашу «иномарку».

– Заворачиваем за угол дома! – пользуясь временным замешательством подруги, скорректировала я дальнейшие действия, надеясь, что фонтан ее красноречия забьет именно там, в недоступном для чужих ушей месте.

Так и получилось. Стратег из меня еще тот! Наташка орала яростно, но недолго. В основном жалела свой бок, свою нервную систему, окружающую среду и меня, бестолочь, за то, что действую без толка, пользы и расстановки.

– Иду на разведку! – не препираясь, пояснила я и выскочила из машины. Уверенно пересекла проезжую часть и, развернувшись в небольшом скверике, заторопилась назад, стараясь не выпускать из виду

нужный подъезд. Это было достаточно трудно, поскольку под ногами путались детские мячи, их обладатели, не желавшие сидеть в песочнице, и парочка меньших братьев.

Удачно стряхнув с ноги маленького щенка, которого по невнимательности приняла за очередной мячик, я остановилась и замаскировалась под молодое дерево за тремя раскидистыми кустами, не помню какого растения. Как раз напротив вернувшейся к оживленному разговору парочки. Герды рядом с ними уже не было, очевидно, перепрятывала «клад», не собираясь делиться с хозяином. Девушка что-то записывала на газете, изъятой из рук мужчины. Скорее всего, номер телефона. Затем порылась в сумочке и выудила кошелек. Почерпнутые из него купюры, достоинство которых определить не представилось возможным, вместе со свернутой в трубочку газетой перекочевали в руки пенсионера. Я предположила, что ее интересует наш вчерашний визит. В случае повторного появления мужичок за энную сумму обязался предоставить девушке более подробные о нас сведения.

Не торопясь, пенсионер сунул деньги в карман, развернул газету, неслышно шевеля губами, прочитал запись и сунул газету под мышку. Затем, удовлетворенно кивнув девушке, поправил на голове легкую кепочку и проводил девушку до красной иномарки, припаркованной у соседнего подъезда. Там они снова разговорились, но уже спокойно.

Когда на мое плечо легла чужая рука, я даже не пошевелилась, была готова к тому, что Наташка отыграется – не вся выговорилась. И тут подруга заговорила, душевно, с надломом, вот только не своим голосом:

– Дай тридцатку на пиво.

Я медленно развернулась к обладателю дрожащего баритона. Завораживающий голос! Молодой парень, лет двадцати семи-тридцати, не больше, довольно симпатичный, но с достаточно «уставшим» от ненормальной жизни лицом. Запущенная светлая щетина, темные, с каштановым отливом волосы под спортивной кепкой. Странная личность. Я вгляделась в него внимательней. Даже прищурилась, напрягая память. Нет, определенно, к числу моих знакомых он не принадлежал. Кажется, похож на какого-то киноактера. Может, это розыгрыш? Съемка скрытой камерой. На всякий случай я приветливо улыбнулась.

– Ну чё рот открыла? Тридцатку давай, а то сейчас крикну ишаку, что ты за ним следишь. – Жесткие пальцы сильнее сдавили мое плечо. Парня колотила крупная дрожь. Вместе с ним в свободной левой руке ходуном ходила барсетка из коричневой кожи. Разом забыв про скрытую камеру, я закрыла рот и деловито кивнула:

– «Ишак» – это тот крокодил, что рядом с красной иномаркой разговаривает? А почему он «ишак»?

– Потому что сволочь!

– Понятно. Слушай, у меня только полтинник, да и то в машине. Не разменяешь?

– Я разменяю! – непонятно откуда выскочила Наташка. – Ты что себя лапать позволяешь, а? – накинулась она на меня. – Гони полтинник, а то все мужу скажу. Он из твоего хахаля нарезку сделает. В вакуумной упаковке. Слушай, щетинообразное, у нее муж Хирург. Слыхал такую кликуху?

– Чё орешь? Больная, что ли? – попробовал идти в наступление вымогатель, но руку с моего плеча снял. Я оглянулась назад, но ни «ишака», ни девицы у дома уже не было. Однако красная иномарка по-прежнему стояла, пустая. Парень, очевидно, это тоже заметил и мигом поблек. В голосе прорывалось истинное страдание: – Ну хоть пятнадцать рублей дайте, люди вы, в конце концов, или нет. Плохо мне.

– Мы люди, – не раздумывая, согласилась Наташка, вставая рядом со мной плечом к плечу. – Только совершенно тебе чужие.

Незаметно для «страждущего» я слегка дернула подругу за ветровку.

– А раз так, то родные тебе люди нас не осудят, – сделала резкий поворот в своем выступлении Наташка, – поскольку тоже нас не знают. Так и быть, купим тебе пива за свой счет. – Парень скривился. – Но пить его будешь под мою проповедь о необходимости вести трезвый образ жизни. Может, подавишься и завяжешь. Мать спасибо скажет. Где тут у вас ближайшая палатка?

Спустя какое-то время мы сидели на лавочке у соседнего дома и пили из горлышка бутылок всяк свое. Я просто за компанию – минеральную воду, Наташка – «Колокольчик», а Антоша, как он нам представился, – пиво. Причем, вначале пил его, буквально захлебываясь, потом перешел на лениво-интеллигентные глотки, смаковал, что ли.

– Алкоголик? – деловито поинтересовалась Наташка.

– Не-а. Наркоман! – Он с вызовом посмотрел на нас, но, не заметив явной реакции брезгливости или осуждения, изобразил носком ботинка замысловатую петлю и пробормотал: – Пытаюсь с наркотой завязать. Сам. – Затем сделал очередной глоток и решительно тряхнул лохматой головой. – Выберусь. Мне Юльку с дочерью вернуть надо. А вчера так получилось, что ужрался. Деньги то ли потерял, то ли вытащили. – Он издал какой-то звук, похожий на сдавленный смех. – В любом случае, потерял. Хотелось от самого себя сбежать. Надо же! – он криво усмехнулся. – Все думал, что уж со мной такого никогда не случится. – Парень откинулся на лавочку и зажмурился, подставив физиономию не осеннему горячему солнцу. – Пока всему этому могу радоваться, – процедил он сквозь зубы, – надежда на то, что воспряну, есть. Главное, не сломаться.

– Так у тебя сейчас просто похмельный синдром, – обрадовалась Наташка. – Люди без ног живут, а без наркотиков да спиртного и подавно жить можно. – И выразительно на меня посмотрела.

Молодой человек не ответил, продолжал жмуриться от солнца. Мы с Наташкой понимающе перемигнулись и решили помолчать. Так и сидели, таращась на мир вокруг нас.

Осень еще старательно заботилась о своем внешнем виде. Несмотря на то что донашивала зеленые летние одежды, она умело вносила в них свои яркие аксессуары. Жаль, ненадолго. Еще немного времени, и она превратится в типичную неряшливую бомжиху, вызывающую своим замызганным, слякотным видом чувство раздражения и брезгливости. Весь этот кошмар под унылую музыку дождя усугубится отвратительным стриптизом оборванки. До тех пор пока зима не придет ей на помощь и не скроет все сброшенные на землю грязные обноски под белыми одеждами, не забыв заодно приукрасить деревья, кусты, дома, да все, что под руку подвернется, лишь бы стереть из памяти людской расхлябанность

приятельницы.

Мимо с гиканьем на большой скорости пронеслись двое тинейджеро-велосипедистов. Мы невольно проводили их глазами.

– Антон, а все-таки, почему ты того пенсионера ишаком обозвал? И сволочью.

– Потому что он и на самом деле сволочь. По фамилии Ишаченко. Тесть мой. Раньше директором одной шарашкиной конторы работал, почти все акции у работников скупил, а затем больше миллиона зеленых огреб при продаже предприятия частной фирме. Но все ходит, ноет, всю жизнь, мол, ишачил, как проклятый, а теперь нет ни копейки сбережений на старость. Даже субсидии на оплату жилья пытался оформить. Кто его по работе знал, ухахатываются. Юльке нашу дочь не отдает. Ну я, понятное дело, из доверия вышел. Наркоман! А то, что наркоманом из-за него стал, не в счет. Кто-то его из бывших коллег подставил, вот к нему братки и заявились, раскулачивать в свою пользу. Какой-то долг у этого гада висел. А чтобы доводы убедительнее показались, они Юльку с ребенком похитили. Вместо них я подставился. Пообещал браткам, что жена скорее уговорит отца рассчитаться. Ну, там со мной особо не церемонились, через день лупить стали, через три дня на иглу посадили. А через неделю моей ломке радовались. Веселись, глядя, как я у них в ногах ползаю, дозу выпрашивая. Чуть не сдох. Только спустя месяц омоновцы освободили. Если бы не Юлька... А сейчас эта мразь, ее папаша, требует, чтобы она со мной окончательно развелась, ребенком шантажирует. Ждет, когда покажет свидетельство о разводе. Вчера Юлька разревелась, говорит, не могу так больше жить. Она в больнице. Психиатрической. Маниакально-депрессивный психоз. – Антон шмыгнул носом и выпрямился. – Вот, катаюсь то к ней, то сюда, на Машку посмотреть. Украсть ее опять, что ли?

– А что, уже крал?

– Было дело. Только тесть ее назад увез. С милицией заявился. Есть решение суда об установлении опеки. Так обставил дело, как будто дочь и жену не из-за него похищали, а за мои долги. Юлька после той истории с похищением головными болями мучается. Они у нее постоянные. А я... Ладно, вы меня извините за деньги. Такое вдруг накатило, как его рожу увидел! Не думайте, докладывать ему ничего бы не стал. – Он скрипнул зубами и, с отвращением посмотрев на пластиковую бутылку с пивом, сунул ее в урну. – Все, хватит!

Мы с Наташкой переглянулись – ситуация.

– А ведь сейчас все действительно зависит только от тебя. – Мне хотелось казаться убедительной. – Не ты первый, не ты последний в

невидимой очереди на освобождение от наркотической дури. И мужества здесь ни у кого не займешь. Надеюсь, ты уже определился, для кого живешь: исключительно для себя, любимого, или для...

Наверное, проповеди подобного рода Антону уже осточертели, сплошное пустозвонство.

– А зачем вы следили за неуважаемым тестем? – переключился он на другую тему. – Или вам была нужна Ксюшка? – Взгляд Антона стал неприятно колючим. Точно таким же, как щетина на его щеках.

– Ты имеешь в виду племянницу Кочневых? – Мысленно я похвалила свою интуицию, благодаря которой мы с Наташкой избежали прямого столкновения с Ксенией. Ошибочно фамилию погибших соседей Ишаченко назвала ненамеренно, само вырвалось.

– Каких Кочневых? – вопрос прозвучал мягко и вкрадчиво.

Ответа Антон, разумеется, не дождался и с подозрением буравил меня глазами. Я усиленно развлекалась, бултыхая водой в бутылке.

– Ксения сама всю жизнь до замужества Горшковой была, да и дядька ее эту же фамилию носил. Это я точно знаю. Горшковы являлись соседями моего тестя. – Антон нахмурился, выдержал паузу и заявил: – Собираюсь свой бизнес организовать. – Я кивнула в знак полной солидарности. И тут он без всякого перехода спросил: – А кто такие Кочневы? Ваши родственники? Или знакомые?

Я старалась не смотреть на Антона. Чувствовала себя очень неудобно. Понятно, что вопрос не праздный, Антоном движет не простое любопытство. Забыв, что недавно сунул почти полную бутылку пива в урну, он старательно искал ее рядом с собой. Ответила я достаточно равнодушно:

– Кочневы – случайные знакомые. Точнее сказать, просто попутчики. Даже не знаю, как на язык подвернулись. А Ксения что, тоже жила здесь?

– Ксюшку маленькую часто привозили к Анастасии Андреевне, она не работала, своих детей не было, любила девчонку до беспамьтства. Моя Юлька с ней с детства дружила. Потом Ксения замуж выскочила, но быстро развелась. Давненько ее не видывал.

В последних словах Антона сквозила ирония, и я, выполнив носком своей туфли почти такую же мертвую петлю, как он, беспечно поинтересовалась, за что молодой человек так не любит подругу жены.

– За то, что она подруга! – ответила за Антона Наташка. – Обычное явление – ревность мужиков к подругам жены. А у этой Ксюхи фамилия по мужу случайно не Кочнева?

– Не знаю, – ответ был слишком резок. – А чем вызван ваш интерес к

Ксении?

Я нервно поерзала на лавочке:

– Долго рассказывать. Да и сама история достаточно странная, не уверены, что вообще имеем право заикаться на эту тему. Для начала хотелось бы немного разобраться.

– Ну, напустили тумана! Наташка неожиданно разозлилась:

– А тебе не все равно? Допустим, она залила мою квартиру и смылась, не хочет платить за ремонт.

– Веселая байка!

– Ну и дурак! Нет повести печальнее на свете, чем повесть о протечке в туалете! Ир, пойдем к «ишаку», пусть проиакает нам телефон этой Ксюхи.

Я с трудом подавила желание треснуть Наташку своей полупустой бутылкой с водой по дружескому плечу, но отвлек вопрос Антона, адресованный сквозь зубы в никуда:

– Интересно, зачем Ксюха к тестю прикатила?

– Так она, скорее всего, не к нему, а в свою квартиру прикатила, – не замедлила я с ответом. – А с твоим тестем случайно встретилась.

– Да нет, я здесь давно торчу. Она даже в подъезд не заходила, на улице его ждала. Кроме того, ключей от дядькиной квартиры у нее нет. Ин-те-ре-сно.

Наташка, передернув дружескими плечами, предположила:

– Может, она захала узнать о здоровье своей подруги Юли?

– Для этого существует телефонная связь! – Я краем глаза отметила, как насторожился Антон. – И девица, по всей видимости, записала на газете свой телефон и передала деньги. Что-то мне подсказывает – не на посещение его больной дочери.

– Ничего удивительного! Племянница боится жить в квартире убиенного дяди и просит присмотреть за ней соседа. – Наташка даже фыркнула: какие, мол, недогадливые.

Антон на Натальин довод и внимания не обратил. Парня явно мучило другое:

– Я как-то упустил из виду этот момент. А вы точно видели, что именно Ксюшка передавала тестю деньги, а не он ей?

– Ну где ж тебе было видеть! Ты в это время нас грабил!

Подруга явно шла на обострение отношений. И с чего бы вдруг такая агрессия? Неужели с «Колокольчика»?

– Я не успел извиниться. Извините.

– Не за что, – у меня это вырвалось машинально, и Наташка раздраженно хохотнула. – А ты решил, что тесть приплатил Ксюхе за то,

чтобы она внесла и свое яблочко раздора в твои отношения с Юлей? Девушка тебя недолюбливала?

– Взаимно. Я не буду обсуждать эту тему. Кстати, Ксюшка ничего не боится. И если не хочет жить в квартире дядьки, значит, у нее есть лучшие условия для проживания. Это она только с виду беспомощная.

– Антон, – я замялась, не зная, как помягче выразить свою просьбу. – Нам очень нужен телефон Ксении. Он наверняка есть у твоей жены. Мы готовы заплатить. В разумных, конечно, пределах.

Парень полез в барсетку, вытащил оттуда пятьдесят рублей и, сунув мне в руку, заявил:

– Возьмите долг. С процентами! Извините, приврал немного насчет того, что деньги украли. Когда заметил вас, решил – следите за тестем. Опять какие-нибудь кредиторы подослали. Сами понимаете, больше сидеть в заложниках как-то не хочется. А если учесть, что за чужие грехи... За Машку боюсь. Теперь насчет Ксении. Вам и не снилось, насколько ее недолюбливаю, но если не скажете, зачем вам номер ее телефона, я его не дам.

Он ловко отбил ногой подкатившийся к игровой площадке мяч и пытливо уставился на Наташку, она, разумеется, на меня, а я – на Антона. Какое-то время мы глазели друг на друга в направлении против часовой стрелки, пока я сдавленно не промычала:

– Ну хорошо.

– Да ничего хорошего! – поправила меня подруга. – Все началось с того, что мы отправились в свадебное путешествие. Вообще-то оно предназначалось для моего сына и его жены, но так уж получилось. Короче, вовремя подсуетились с рокировкой. Кстати сказать, даже получили удовольствие от того, как нас встретили в Стокгольме. По прибытии в отель обнаружили бутылку шампанского, фрукты и шикарный букет цветов, поздравления от администрации молодоженам. Шведы – народ выдержанный и спокойный. Наш с Ириной «супружеский» вид их почти не шокировал. Боюсь, правда, что они испытывали определенные затруднения с определением того, кто из нас выступает под кличкой Алекс. А лично нам было все равно.

Наташка тянула время, полностью полагаясь на меня. Я воспользовалась передышкой и, определившись с рассказом, встряла в воспоминания подруги, коротко поведав Антону историю с пиджаком: шмотку забыли соседи по купе, просили передать Ксюше, но она не появилась, а сами Кочневы пропали. В турбюро нам сообщили этот адрес. Вчера мы приезжали сюда с пиджаком, но нам никто не открыл. А

господин Ишаченко отказался говорить о соседях. Решили навестись сегодня, да наткнулись на него с девицей. Общаться с ним снова не хотелось. И в самом деле, очень неприятный человек. Вот и ждали, когда он скроется. Возможно, девица и есть та Ксюша, которой следует передать пиджак. Если бы знать раньше! Скорее всего, она сдала квартиру покойных дяди и тети этим Кочневым. В турбюро указали именно этот адрес как место их временной регистрации. Все бы ничего, да не знаем, что делать со шмоткой. Хотелось бы вернуть по назначению.

Антон слушал мой рассказ со все возрастающим напряжением и неожиданно спросил:

– А с чего вы взяли, что Горшковы покойные?

– Так ведь вчера ваш тесть сказал, что их бандиты убили. Его предок, случайно, не Шерлок Холмс?

– Возможно, он прав. Во всяком случае, квартира Горшковых пустует.

– Ты что-то об этом знаешь. – Наташка заявила это с уверенностью. – Тогда сразу скажи. Мы этот пиджак твоему тестю по почте перешлем. За свой счет. А пусть порадует.

– Дело ваше. Но лучше передать этот пиджак мне. Я сам верну его Ксении.

Я постаралась отболтаться тем, что неудобно озадачивать его нашими проблемами. У него и своих хватает. И чем горячее Антон настаивал, тем активнее я сопротивлялась. Молодой человек устал первым:

– Я вам ближе к вечеру позвоню, когда Ксюшкины позывные у Юли выясню. Сами понимаете, мне-то они без надобности. И ни в коем случае больше не обращайтесь к тестю. Проведет и выведет!

Он встал, намекая на то, что пора прощаться, полез в барсетку и выудил ручку и бумажник. Из бумажника достал какой-то листок.

– Номера ваших телефонов, пожалуйста. Лучше домашние. А то у меня мобильного нет.

– А у нас нет домашних, выключили за неуплату. – Наташка так и искрилась правдивостью. – Даю цифры мобильного! Он у нас один на двоих. Записывай.

И продиктовала совершенно безумный номер из разряда «тройка, семерка, туз». Но тут же спохватилась. С досадой шлепнув себя ладонью по лбу, вытащила свой мобильник и, глядя на его экранчик, старательно продиктовала новые данные. Но тоже «от фонаря». Мою попытку вмешаться подруга категорически присекла:

– А ты вообще сиди! Твой телефон на прослушке у мужа-бандита. И вообще, долго тут сидеть собираешься? Я тебя за долгое отсутствие на

кухне отмазывать не буду.

Я попробовала выяснить номер домашнего телефона Антона, но он сослался на то, что дома практически не бывает. Будет лучше, если сам с нами свяжется.

Прощание вышло скомканным. Едва я встала, как Наташка, рефлекторно поймав в руки мастерски запущенный кем-то из детворы мяч, села.

– О как! – восхитилась она своей ловкости. – Меня бы на ворота нашей сборной по футболу, озолотила бы свою лестничную площадку.

– Ну я, пожалуй, пойду. До вечера! – бодро попрощался Антон и, не дожидаясь напутственных слов, быстро ретировался.

– Ты в своем уме?! – рывкнули мы с Наташкой одновременно и одновременно задумались над ответом на интересующий обеих вопрос.

– Тетя, отдайте мой мячик, я больше не буду, – прогундосило над ухом дитя лет четырнадцати.

– Я в своем уме!!! Ясно?! – заявила она подростку и протянула мне мяч.

– Я тоже! – мягко пояснила я ему же и, не глядя, обеспечила лихую подачу мяча прямо в детскую песочницу, где за неимением песка дети отсутствовали, зато присутствовала парочка мужиков явно распивочного уклона.

– Хорошо. Мы обе в здравом уме, но не очень твердой памяти, – согласилась Наташка. – Иначе, помнили бы, чем обычно кончаются такие «передачи». Я даже знаю ответ на рекламный вопрос, кому бежать за «Клинским» или какое там было у них пиво. Ты напрочь вышибла у левого крайнего нападающего бутылку этого пойла. Ну что стоишь? Пора бежать! Он уже нападает!

На счастье, бежать пришлось недалеко. Вслед неслись сомнительные комплименты, перемешанные с обвинениями в терроризме, и пожелания встретиться с нами в другом месте на узенькой дорожке.

– Это не там, где стояли три сосны? – запыхавшаяся Наташка лихорадочно нажимала на несуществующую кнопку брелка с ключами, пытаясь открыть дверь «Ставриды». Перепутала ее со своей «Шкодой».

– Не там, – нервно оглядываясь назад в поисках преследователей, я форсированно старалась вломиться в закрытую дверь машины с другой стороны. Всей России известно, что три сосны стояли на Муромской дорожке.

– Те давно уже спилили. Бли-ин! Мститель на горизонте! Не оборачивайся! Похоже, сегодня не наш день.

Я с отчаянием еще пару раз дернула ручку двери и застыла. Сзади

послышалось чье-то грозное сопение.

– Значит так, господа! Кто тут у вас в желтой майке лидера? – деловито проговорила Наташка. – Ир, выдай призеру пятьдесят рублей за причиненный материальный и моральный ущерб. Зря мы с тобой за деньгами в машину бежали. Я случайно вспомнила, как тебе Антон милостыню подал.

Сопение над ухом усилилось. Мне захотелось прикрыться руками, но они у меня были заняты. Одной, на всякий случай, продолжала держаться за ручку двери, второй лихорадочно искала полтинник.

– Чё, не открывается тачка? – поинтересовался сзади меня голос с хрипотцой. – Может, чужая?

– Чужая, – охотно согласилась я, так и не решившись оглянуться. В этот момент с чем угодно согласилась бы.

– Витька, ну их к лешему, угонщиц! Бери деньги, и шмонаем отсюда.

Вытащенная из кармана моей куртки купюра оставила о себе память в виде оторванного уголка. Не следовало столь судорожно ее удерживать.

Сопение за ухом стихло.

– Отомри! – облегченно вздохнула Наташка. – Сами по себе мужики не страшные были, но один в руках бульдога держал. Как раз на уровне твоих ушей. Мама дорогая, совсем очумела! Забыла, что машина ключом открывается.

– Простите, пожалуйста, не довезете до рынка? – У машины стояла очень полная женщина лет пятидесяти и застенчиво улыбалась. – Уж очень тяжело идти.

Наташка выпрямилась и пожала плечами:

– Да кто бы возражал! Только не знаю, уместитесь ли на заднем сиденьи.

Женщина засмеялась. Смех прозвучал легко и дробно, так, как будто по полу рассыпались горошины. – Не волнуйтесь, я аккуратно. Мне только до рынка.

– А обратно как же? С продуктами еще тяжелее, – засомневалась я.

– Так мне не за продуктами. Я там на тридцать девятый трамвайчик сяду и прямиком до больницы доеду. Мне на госпитализацию. Сердечные отеки замучили.

Наташка поскучилась. Стало ясно, что домой мы поедем через улицу Вавилова, где располагалась 64-я городская клиническая больница. Проезжая мимо знакомого подъезда, мы едва не попали на глаза тестю Антона. К счастью, он был очень сосредоточен на своих мыслях и куда-то торопился, не обратив внимания даже на то, что наша пассажирка

приветливо помахала ему на прощание рукой.

– Не заметил, – немного конфузливо оправдалась она.

– Ваш сосед? – сразу активизировалась я.

– Да, моя квартира двумя этажами выше. Очень хороший человек. Общественник. И жена у него такая же хорошая. И дочка умница, и внучка.

– А зять?

– Какой зять? Ах, зя-а-ать! Да нету его, зятя этого, и в помине не было. Юленька дочку без мужа родила. Посмотрела, что вокруг либо одни приспособленцы крутятся, либо шибко бизнесом озадаченные, не до семьи, да и плюнула на всех. Теперь ведь сами знаете, какое время. Отца Машеньке она по картотеке подобрала, потом ей искусственное оплодотворение сделали. Зато отцовство никто оспаривать не будет. Юленька на хорошей должности работает, большие деньги получает, без конца за границей бывает. Сейчас вот во Франции находится. А Машенька с бабушкой и дедушкой живет. Четыре годика девчужке, а уже на двух иностранных языках лопочет. Ой, девушки, да мы трамвайную остановку проехали!

– А нам как раз в сторону вашей больницы, – пояснила Наташка и принялась учить женщину правильно относиться к своему здоровью. Я сидела и думала, как поинтересоваться историей с погибшими соседями Ишаченко. Еще разволнуется. Так ничего и не надумала, но зато появилась одна идея.

На обратном пути, по дороге к дому Горшковых, мы с Наташкой отчаянно спорили: кто из нас умнее, наблюдательней и предусмотрительней. Пока не сошлись на том, что обе вполне достойны этих эпитетов, только лично я – с небольшой оговоркой, дура доверчивая.

Как выяснилось, и я, и Наталья сразу отметили некоторые странности в личности Антона. Только подруга, которой повезло увидеть парня сзади, отметила, что его спортивная кепка сидела на голове поверх парика. Надо сказать, очень удачного. Я, в свою очередь, удивилась несоответствию темных волос слишком светлой щетине, застрявшей на стадии формирования бороды и усов, старательно им отращиваемых. Но удивление продолжалось не долго. После объяснений Антона меня осенило: парень просто вынужден маскироваться. И еще: это странное чувство... тревоги, что ли.

– Наталья, а ведь молодой человек нам соврал! Ради того чтобы увидеть дочь, не надо менять внешность. Достаточно умыться, побриться, словом, привести себя в порядок. Скорее всего, он занимался слезкой. И интересовали его те же личности, что и нас.

– Ты знаешь, меня тоже не оставляет это ощущение. Антон вызывал у меня подозрения. Неудержимо хотелось стянуть с него парик. Только ты, растяпа доверчивая, была готова сообщить ему наши правдивые номера телефонов! Блин! Лучше бы не ездили. Все еще больше запуталось!

– Но кое-что и прояснилось! Во-первых, сошло затмение с моей головы, и вот что я надумала. Для начала мы с тобой используем базу данных Московской городской телефонной сети. Адрес Ишаченко у нас имеется, раздобыть его телефон – минутное дело. Ты случайно не заметила, у нашего дома телефон-автомат починили?

– А он был сломан?

– Здра-а-ассте!!! Еще три дня назад. Возвращаюсь с работы, а дворничиха с трубкой от таксофона бегает и расспрашивает у ребят, кто видел отморозка, оторвавшего ее от основной части.

– И где она эту трубку откопала?

– Отняла у пятилетнего малыша. Мама его из садика тащила, да заболталась с подругой под монотонное нытье скучавшего ребенка. Потом он примолк, а следом начал алекать, обещая всем садовским друзьям крутые разборки. Слова не иначе как из лексикона папы позаимствовал. Еле забрали у него трубку, ребенок вопил, что это его личный мобильник, ему какой-то дядя подарил.

– Повезло малышу. Кстати, ты сказала «во-первых». А что во-вторых?

– Во-вторых – разворачивайся. Едем домой.

Чуть не проехав нужный поворот направо, Наталья заложила крутой вираж и обругала водителей встречных машин, которые «раскорячились и не желают подвинуться». До дома оставалось рукой подать, когда подруга приняла решение остановиться, чтобы продолжить беседу.

– Ты хочешь предупредить мнимого тестя мнимого зятя о том, что за ним следят?

– Нет. Честно говоря, я уже сама плохо понимаю, кто за кем и для какой цели следит. Хотя склоняюсь к тому, что объектом наблюдения является Ксюха. Мне надо получить номер ее телефона. Возможно, она знает, кто такой Антон или как там его зовут.

– Так Ишаченко его тебе и сообщит! Блин! Опять спидометр не работает! – Наташка постучала указательным пальцем по прибору.

– Входите, не заперто! – довольно хмыкнула я. – Твой спидометр сообразительнее тебя. Еще ни разу не видела, чтобы машина стояла со скоростью сто километров в час. Можно меньше или больше. Не принципиально.

– Действительно, Ир, а не оставить ли нам всю эту историю в покое.

Будем считать, что она стороной прошла. Как гроза. Эх, зря ты пиджак с деньгами из-под носа своего Ефимова увела! А что если нам этот пиджак ему назад в машину подкинуть?

– Он слишком умный. Не хочется горя от его ума. Мне легче найти эту Ксюху и сбагрить пиджак ей. Вот только не могу отделаться от ощущения, что она и супруги Коч-невы находятся по разные стороны каких-то баррикад. Этакie конкурирующие граждане. И знаешь, что настораживает?

– Поведай, узнаю.

– Почему Майка сменила номер своего мобильного.

– С чего ты это взяла?

– Начнем с того, что просьбу передать пиджак Ксении она изложила в эсэмэске. Сообщение было отправлено с ее номера. Почему бы в таком случае ей просто не перезвонить?

– Ну времени не было, не знаю. И потом она же позднее звонила.

– Да и попала на моего Димку. А чуть позднее был звонок тебе. И в этот раз ее номер не определился.

– Ну и что? Взяла да заблокировала его.

– Какой смысл, если он нам известен?! А главное, она ни словом не обмолвилась о просьбе передать пиджак Ксюшке. И по логике вещей должна была сообщить номера наших мобильных этой девице. Вместо этого Майка занялась благотворительностью, подарила нам с тобой тысячу у.е. За что?

– За то, что перли до дома пиджак ее Шурика, за его хранение, в конце концов, – Наташка побарабанила пальцами по рулевому колесу и призадумалась. – Да-а-а. Нет! И потом, ты же сама говорила, что Майка еще просила уничтожить железнодорожный билет на имя Ельцова Михаила Петровича!

– Не уничтожить, а спрятать. И, кажется, не конкретно билет, а «все, что мы найдем в пиджаке». Помимо денег.

– Мама дорогая! Может, поедem домой и пообедаем? Я вздохнула и кивнула головой:

– Верное решение. Еще же и Димка вернется с новостями. Соберем все в кучу и попробуем разобраться.

Часть вторая. ПИДЖАК ОСОБОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

1

Дмитрий Николаевич прибыл домой около шести вечера. Не могу сказать, что расстроенный, но сильно озадаченный. За ужином несколько раз лез с ножом и вилкой в Славкину тарелку. Вроде как за своей котлетой, которая в это время лаптем лежала на столе, нечаянно скинутая хозяином-передвижником. Слишком необдуманно муж возил картошку с одной стороны тарелки на другую. Предусмотрительный сын успел уберечь свою порцию от незаконных посягательств. Подцепив котлетину на вилку, старательно обгрызал ее прямо на весу. С видом великомученика.

– Это что, теперь положено так подавать еду в нашем доме? – устав обкусывать пустые зубчики вилки и наконец удостоив взглядом свой «лапоть», обиженно поинтересовался Димка.

– Папик, мы думали у тебя раздельное питание, – хихикнула Аленка.

– Котлеты отдельно, вилки и тарелки отдельно! – радостно воскликнул сын. – Ма, можно добавки?

Кажется, муж ничего не понял, хотя очень сосредоточенно хмурил лоб.

– Можно! – ответил он вместо меня и шлепнул на тарелку сына свою завалявшуюся котлету. – Где моя минеральная вода?

– В водопроводе, – спокойно пояснила я.

– Будь другом, налей стаканчик.

С мужем определенно творилось что-то неладное. Даже не «въехал» в смысл моего ответа.

– Готова стать тебе не только другом. Даже подругой, родной матерью, сестрой, братом, сватом. Кем еще? Да кем угодно, только объясни, что случилось?

Мы выжидательно уставились на Дмитрия Николаевича, и он, наконец, вынырнул из омота своих тяжких раздумий.

– Мы ужинать будем?

– Будем, – мгновенно согласился сын, подчищая остатки на своей тарелке. – Скорее всего, завтра. Приятно сознавать, что впереди много хорошего! Ма, что бабуле на дачу захватить?

– Три дня назад я ей завез мешок продуктов, – уныло сообщил Димка. – Постарайся не оставить бабулин холодильник пустым.

– Свято место пусто не бывает!

– Похоже, это изречение становится у сына крылатым.

– Интересно, бабушкина подруга с семьей надолго нас с дачи выжила?

– Вячеслав, иногда полезно побывать в чужой шкуре! – Димка сел на излюбленного конька нравочений.

– Папик, ты не прав! – возразила дочь. – В последнее время участились случаи, когда с тех, кто рядится в верхнюю одежду из чужой шкуры, срывают заодно и три своих. Славка, я с тобой!

– Ждать, пока накраسيшься, не буду! Ну, если в этом доме кроме нотаций угощать больше нечем, мы, пожалуй, пойдем. Па, где ключи от машины? – раздалось уже из прихожей.

Димка медленно обернулся на зов, лицо приняло мучительное выражение:

– А разве их нет на положенном месте? – Получив отрицательный ответ, муж укоризненно покачал головой: – Посмотри в кармане куртки. Кажется, я забыл их вынуть.

– Мы уехали! – донеслось через пару секунд и сразу стало тихо.

Я намеренно забрякала посудой в мойке, стараясь избавиться от назойливого молчания Димки. Надо же! До этого момента считала, что назойливыми бывают только его поучения и мухи. Наверняка ему стали известны кое-какие интересные подробности истории с чужим пиджаком, нечаянно привезенным из Скандинавии. Листратов не мог не расстараться для друга. Разбирало здоровое любопытство, но расспрашивать мужа не стоило, хотя всем своим видом он на это набивался. Да только начни! Такой выпендрож проявится. Подожду, пока начнется утечка полученных знаний из переполненной копилки. Димкиной головы.

– Иришка, твой мобильник на зарядке. Не забудь его убрать. – В голосе мужа слышалось страдание.

– Ты сменил симкарту? Надеюсь, новый номер достаточно легкий?

– Я ничего не менял. Листратов посоветовал дождаться новых звонков или сообщений от Кочневых или других, связанных с ними лиц. Дело не такое простое. В той квартире, куда мы с тобой вчера ездили, но не попали, произошли странные события. Кстати, она двухкомнатная, дом принадлежит жилищному кооперативу «Весенний».

Димка встал и подошел к окну. Постоял, посмотрел на панораму города, открывающуюся с тринадцатого этажа, что-то его не устроило, но отвлечься на замечания, к моей радости, он не стал. Рассказ был захватывающий. Я сидела, смотрела любимому в спину и, затаив дыхание, слушала.

Квартира на правах частной собственности принадлежала Горшкову Родиону Тимофеевичу, проживавшему в ней вместе с женой Горшковой Анастасией Андреевной с момента сдачи дома в эксплуатацию, двадцать с

лишним лет. За пару недель до исчезновения Горшковых хозяином было изменено завещание. Согласно первоначальному варианту квартира со всем движимым и недвижимым имуществом после смерти супругов переходила племяннице, Горшковой Ксении Львовне. В настоящее время единственным наследником Горшковых является Кочнев Александр Витальевич.

– Но ведь Анастасия Андреевна Горшкова наверняка пенсионерка, следовательно, должна иметь обязательную долю в наследстве! – вмешалась я.

– Помолчи, не перебивай. Это не суть важно. – Димка нахмурился и замолчал, предоставив мне возможность раскаться в незаконном вторжении в его рассказ. И, выждав положенное для этого время, спокойно продолжил: – Кочневу же завещана дача Горшковых в дачном кооперативе «Голубые ели». По словам Листратова, больших денег стоит. Участок в двадцати пяти километрах от кольцевой автодороги, в чудом сохранившемся лесном массиве, рядом озеро или большой пруд, не помню. Дело не в этом. Самое интересное, что супруги Горшковы исчезли почти сразу же после того, как в паспортный стол были сданы документы на прописку в их квартиру вашего Шурика. Он же Александр Витальевич Кочнев.

Племянницу Ксению Львовну Горшкову отсутствие дяди и тети насторожило не сразу, они хотели поехать на дачу. Дядя предупредил, что собирается немного отдохнуть от работы. Она решила, что дядюшка просто приболел, а на звонки отвечать не хочет. Так уже бывало. Неотложных дел, требующих его присутствия в кресле генерального не было, следовательно, отсутствовал и повод для беспокойства.

Загородный дом Горшковых со всеми удобствами, отапливаемый, магистральный газ, до Москвы рукой подать. Всерьез Ксения Львовна обеспокоилась только через три дня, в день своего рождения. Как правило, дядя и тетя не скупались на дорогие подарки, а тут от них даже поздравления не было. Девушка сразу вспомнила и об отсутствии постоянных звонков, которыми ее изрядно доставала тетушка, и о том, что она жаловалась на какие-то неприятности у дяди. Кстати, связанные с денежными вопросами. Словом, девица смоталась на дачу в «Голубые ели» и окончательно перепугалась. Супруги Горшковы не появлялись там длительное по летним дачным меркам время – недели полторы. Соседи по квартире ничего определенного сказать не могли. Ксения Львовна обратилась в милицию. По факту исчезновения супругов возбудили уголовное дело, установили, что в квартире Горшковых никаких трупов не

обнаружено, имеется лишь легкий беспорядок, на том и успокоились.

Через какое-то время племянница бесплатно, но достойно похоронив в душе и дядю, и тетю, решила заняться наследственными вопросами. И сделала для себя много открытий. Все наследственные вопросы решаются после получения официального свидетельства о смерти. Супругов Горшковых можно признать умершими только в судебном порядке и не ранее чем через год с момента их исчезновения. Только при наличии обстоятельств, дающих основания предполагать, что момент гибели совпадает с моментом исчезновения человека, сокращает этот срок до шести месяцев.

В скором времени у соседа Горшковых, господина Ишаченко, благополучно засыпался глубокий провал в памяти, и он вспомнил, что в ночь исчезновения в квартире Горшковых был жуткий шум и крики. Это его удивило, поскольку супруги отличались редкой привязанностью друг к другу и при выяснении отношений руководствовались исключительно чувством юмора, никогда не допуская резких выражений. Прислушавшись, он понял, что голоса принадлежат посторонним людям. К счастью, шум продолжался недолго. Вскоре он переместился в общий коридор, но рассмотреть, что там происходило, Ишаченко не смог: дверной глазок был заклеен жвачкой. Так появилось «обстоятельство», которое можно было «притянуть за уши» к основанию, свидетельствующему о том, что Горшковы погибли от рук бандитов. На законный вопрос следователя, почему Ишаченко сразу не заявил о случившемся в милицию, он ответил коротко: боялся за жизнь членов своей семьи.

Розыск супругов немного активизировался. Ксения с удивлением узнала, что была главной подозреваемой по делу, ибо не думала скрывать, что является их единственной наследницей. И тут девушку ожидало новое открытие: она не только не единственная, но и вообще не наследница. В этом плане ее лихо обскакал некий Кочнев Александр Витальевич, личность, абсолютно ей не родственная. И тем не менее зарегистрированная в квартире Горшковых как месте постоянного проживания.

Ксения впала в состояние, близкое к помешательству, и решила самовольно занять завещанную ей прежде квартиру и дачу, несмотря на то что выявленные факты породили у следствия склонность считать основной версией похищения Горшковых сведение материальных счетов с ними озверевших от ожидания часа расплаты кредиторов. Они столь радикальным способом полностью или частично решили свои финансовые вопросы, ибо в наше нелегкое время государство тут не помощник. Ему не

до спасения отдельных мелких личностей.

Самодеятельность девицы ни к чему хорошему не привела. Ночь, проведенная в квартире Горшковых, едва окончательно не свела ее с ума. Девушка на полном серьезе уверяла следователя, что ее родная и во всех отношениях положительная тетя, ряженая в белый саван, в третьем часу ночи выплясывала прямо перед диваном, на котором племянница спала, лихой канкан. В темноте, без музыкального сопровождения, но активно поскрипывая собственными костями. И неизвестно, как долго. Ксения почти сразу от страха потеряла сознание...

– Иришка, налей мне, пожалуйста, чайку. – Димка прервал свой рассказ, и я не сразу вспомнила, что такое «чаек». Прекрасно понимаю Ксению.

– Димуль, а почему Ксюша решила, что перед ней именно тетя? А не дядя там или другая тетя. Ночью все родственники одинаковые. Тем более в саванах.

– Ну не знаю. Девушка заявила, что она в своем уме и спутать свою родственницу ни с кем не могла. Якобы хорошо видела белую шапку волос Анастасии Андреевны. Ее отличительный признак. Тетка в молодости была брюнеткой, а к сорока пяти годам поседела до цвета благородного металла – серебра. При этом отличалась редкой молоджавостью. Даже после выхода на пенсию. Кроме того, тетка, задрапированная в саван, шепотом спела ей хорошо знакомую с детства колыбельную страшилку. Ту, в которой не рекомендовано ложиться на краю, поскольку «придет серенький волчок и укусит за бочок». Ирина, я просил чаю.

Я перестала заворачивать пачку печенья в кухонное полотенце, удивилась, зачем мне вообще это было нужно, и сообразила, что в последнее время муж и дочь потребляют только зеленый чай.

– Ты стал лучше выглядеть, после того как сменил заварку, – на всякий случай решила сделать Димке комплимент. – Наверное, стоит прислушаться к твоим рекомендациям.

– Для начала хотелось бы, чтобы ты прислушалась к моей просьбе. В третий раз прошу чашку чая! И советую тебе завязывать с кофе. Или хотя бы ограничить его количество. Банки на неделю не хватает.

– Так я не одна пью. Наталья помогает.

– Положим, в этом деле у вас взаимовыручка. Она помогает тебе, ты – ей. Наталье с ее цветом лица можно потреблять его бочками. Чай, Ирина! Дело принципа! Я вполне мог бы налить его сам, но ты...

– Димулечка, когда ты сердисься, у тебя такой дурацкий вид! Сколько можно долдонить одно и то же? Сказал один раз, и хватит. Видишь, нажала на кнопку, чайник подогреваю.

Муж посмотрел на меня с сожалением, вздохнул и сам налил себе чаю из вновь приобретенного заварочного чайника, размером едва ли не с ту самую бочку, из которой Наташке разрешалось дуть кофе в неограниченных количествах. Я быстро поняла, что на интересующие меня вопросы он едва ли будет отвечать, а посему пошла «в обход»:

– Надо же, как удобно! Один раз заварил – неделю пить можно, если не протухнет.

Димка молча отхлебывал чай.

– Нет, наверное, протухнет. Сено-солома все-таки.

– Ирина, ну что ты несешь!!!

Брешь в стене молчания мужа была пробита. Прихлебывая чай, он вдохновенно распинаясь о полезных свойствах, видах, сортах, а также способах сбора, заварки и потребления крайне полезного, судя по историческим примерам, напитка. Я не очень вслушивалась, сделав лишь один единственный вывод: человечеству стоило выжить только ради того, чтобы попробовать этот божественный нектар. Честно говоря, не хотелось отрываться от человечества. С непривычки меня от одного глотка зеленого зелья сразу перекосило. Но ко всему привыкают. Со временем, минуты через три, привыкла и я.

Мы с Димкой мирно сидели за столом, я мужественно глотала вторую чашку «зеленки» и постепенно вытягивала из мужа интересные сведения, одновременно поражаясь тому, как он грамотно может улавливать главные вопросы и толково на них отвечать. Не преминула похвалить очередной раз и себя – в свое время хватило ума полюбить достойного человека и выскочить за него замуж. А ведь могла нарваться на бестолочь, бабника, алкаша и прочее. Козла, в конце концов! Любовь, как говорится, очень зла.

Я нервно хихикнула, и Димка, сбившись с пути талантливого рассказчика, с недоумением на меня посмотрел. Ох, не следовало мне отвлекаться и мысленно петь ему дифирамбы!

– Ты находишь смешным тот факт, что Листратов попросил тебя назначить по телефону встречу Кочневым? Или откликнуться на подобное предложение, от кого бы оно ни поступило? Или таким образом хочешь посмеяться надо мной за то, что вчера непродуманно отнял твой мобильник?

Я молча хлопала глазами, пытаюсь найти безобидный ответ. Ссылаться на то, что в памяти случайно всплыл старый анекдот, глупо. Получается, вообще не слушаю мужа. Согласиться с его предположением – еще хуже. Я отчаянно помотала головой, демонстрируя полное с ним несогласие. Но Димка, тоже как умный человек, сам придумал объяснение:

– Значит, это у тебя с испуга. Иришка, уверяю тебя, бояться нечего. По телефону физического вреда не причиняют. Твоя задача – уговорить Кочневых или того, кто позвонит вместо них, явиться на встречу в назначенное место за пиджаком Александра.

– Ты забыл, что пиджака у нас нет.

– Ирина, не корчи из себя идиотку. Сделаешь вид, что он есть. Это не трудно. Достаточно вспомнить, сколько раз ты меня обманывала.

– Хорошо. Совершенно незачем ворошить прошлое. – Я сосредоточилась на остатках бледно-зеленого напитка, и его созерцание пошло на пользу. – Если правильно поняла, следствие не может разыскать наследника Горшковых – Шурика? Напрашивается несколько выводов. Первый: молодой человек – непосредственный участник операции похищения. Второй, но в него не очень верится: Кочнев – близкий Горшковым человек, которого они просто решили облагодетельствовать. Он осведомлен о том, что случилось. В обоих случаях ему

предпочтительнее находиться подальше от эпицентра разбирательств. Иными словами, Кочнев на днях слинял, и следствие не может его найти. Я должна сыграть роль подсадной утки, выманить Майю или Шурика на свидание, где их успешно задержат оперативные работники. Но мне кажется, оба не будут рисковать из-за пятисот долларов и пятисот евро, а равно чужого просроченного билета на поезд в Тамбов.

– Ирина! Надеюсь, ты не думаешь, что я тебя подставляю?

– Ни в коем разе! Кто ж тебе в таком случае стал бы подавать зеленый чай?

– Иришка, мне не до шуток! Всегда был противником разного рода авантюр, но сейчас тебе ничто не грозит. Если Кочневы все же объявятся и вы договоритесь о встрече, ты на нее даже не пойдешь. Остальное, не твое дело. Тебе достаточно позвонить вот по этому телефону. – Димка взял со стола мой мобильник, пощелкал кнопками и продемонстрировал мне высветившиеся на экране цифры. – Как видишь, номер я уже ввел в твою записную книжку под буквой «И». Запомнишь. Других имен, начинающихся с нее, у тебя нет.

– «И» – Иуда! Иуда Искарот. Христопродавец продешевил. Мне предлагается сдать бывшую попутчицу за более высокую цену, тысячу у.е.

– Не кощунствуй, пожалуйста. Эти люди – возможные соучастники преступника. Тебе не приходило в голову, что Горшковых похитили не для того, чтобы насильно увезти в санаторий? Отдохнуть, развеяться. Скорее всего, их убили.

Как же меня перекосило!

– Иришка, ну что ты, маленькая, это я просто так сказал. Зачем кому-то убивать супругов, если они уже расплатились со своими долгами. Не добровольно, конечно, но тем не менее. Хочешь еще чайку? У тебя сейчас такое лицо.

Я с трудом заставила себя улыбнуться, но, кажется, еще больше напугала Димку. Интересно, какое бы лицо было у него, доведись ему отведать остатков из моей чашки? И когда это я успела положить в нее убойную дозу сахара? И зачем мне эти глупые уверения в хэппи энде?

– Знаешь, что мы сделаем? Я попрошу Листратова передать твой мобильник толковой оперативнице. Пусть они сами решают свои задачи.

– Не надо, – прошелестела я липкими от передозы сахара губами и постаралась улыбнуться еще бодрее. – У меня на мобильнике необходимые контакты. Догадываюсь, что по прежнему месту жительства, откуда был снят с регистрации Кочнев, он тоже не проживает.

Димка что-то промышчал и с радостью ушел в сторону от темы отдыха и

развеивания убиенных, но таинственным образом выживших супругов Горшковых.

– Ранее Шурик был зарегистрирован в пятнадцатиметровой комнате трехкомнатной коммунальной квартиры, но фактически там не проживал. За месяц до инцидента с похищением Горшковых продал комнату постороннему человеку, знакомому с ним только по этой сделке. Соседи говорили, что Шурика не видели примерно полгода, а то и больше. Скорее всего, он со своей женой, она у него из Московской области, где-нибудь снимали квартиру. Где именно, пока выяснить не удалось. Вообще, очень много непонятного. В том числе относительно взаимоотношений, существовавших между Ксенией и Кочневыми, а так же места его работы.

– Ну да, – вяло кивнула я. – Если он официально числится на работе, это можно выяснить через налоговую службу или пенсионный фонд. Только он, скорее всего, уже уволился и сбежал в тундру. Чтобы не досаждали. Там народу меньше. И никаких налоговых.

Димка вздохнул:

– Ладно, так и быть, открою тебе секрет: следствие давно установило, что Кочнев до момента отъезда в тур-поезку работал в фирме Горшкова. Но не по трудовой книжке. Скорее всего, тот самый вариант, когда работодатели не хотят платить налоги и другие отчисления от прибыли. Племянница Горшкова работает там же. Но следователю почему-то об этом не сказала. С понедельника Кочнев на работе не появлялся.

– Есть еще один секрет. Немножко на другую тему, – вздохнула я. – Кочневы не те, за кого себя выдают. Они «на авось» воспользовались документами настоящих Кочневых.

Не очень веря в сказанное, даже не предполагала, что ровно наполовину оказалась права.

– Кстати! – хлопнул себя по лбу Димка. – Вам с Натальей возможно придется наведаться в следственный отдел для оказания помощи в установлении их личностей. Заодно поделитесь впечатлениями, произведенными супругами. Если вас, конечно, пригласят.

«Ну, – подумала, – началось», – пожалела я себя и разом махнула все приторные остатки чая из чашки. Знала, на что шла! Хуже не стало. Лучше – тем более. Молча поднялась, намешала себе бадью кофе и с вызовом посмотрела на мужа. А он мне сейчас не указ! Димка, заметив мой настрой на небольшой скандал, тут же покинул кухню и отправился в большую комнату, сославшись на какую-то телепередачу, которая без его просмотра явно не могла обойтись.

Честно говоря, я была довольна этим бегством. Новые версии

случившегося чередовались с воспоминаниями о некоторых моментах нашего с Наташкой недавнего «свадебного путешествия». Я стала отмечать определенные странности в поведении Кочневых, которые сразу не очень обращали на себя внимания. Ну подумаешь, пару раз заметила чрезмерно брезгливый Майкин взгляд на совершенно трезвого мужа. Мы как раз гуляли по главной пешеходной улице Стокгольма, Дротнингатан, улице Королевы. Свободное от туристических забегов время дало возможность неспешно наслаждаться ее неповторимой атмосферой. Всего каких-то пятнадцать минут до исторического центра, который успели облазить вдоль и поперек. Королевский дворец, шведский парламент, здание оперы, старая ратуша. Я с удовольствием отмечала уже знакомые по прежней поездке места. И эту особенную во всех отношениях улицу, уютную и радостную, с ее маленькими кафе, сувенирными и иными магазинчиками, уличными музыкантами и толпами разноязычного народа, которые, как ни странно, совершенно не мешали, более того, удачно вписывались в общую уличную гамму. Наташка оправдала это мировоззрением россиян. Нас никакие толпы не испугают, с детства воспитаны на очередях, такое не забывается. Современная часть улицы Королевы плавно перетекала в историческое прошлое Стокгольма.

Мы с Наташкой как раз вышли на мост, когда увидели чету Кочневых. Шурик торчал на смотровой площадке и заворуженно обозревал открывающуюся оттуда панораму города. Особенно ему нравился вид на Риддер-холмен, Холм Рыцарей. Он даже восхищенно цокал. Майка стояла неподалеку и вслух, но очень тихо ненавидела мужа, пользуясь отсутствием поблизости русскоязычного населения. Мягко говоря, желала дорогому супругу качественно навернуться с моста. Так, чтобы поумнел. Не иначе как в новой жизни и новом облике.

Нас с Наташкой Майка не заметила. Просто не могла предположить, что мир настолько тесен (значит, Стокгольм тем более) и друзья по турпоездке постоянно будут мозолить глаза. «Господи! Когда же кончится эта каторга? – со стоном проронила она. – Вот придурок! Осточертел! Не-на-ви-жу!» В это время у нее зазвонил мобильник. Она радостно откликнулась на звонок, а следом, смеясь, понесла дикую ахинею! О том, как они с Шуриком вышли гулять на четыре часа, но гуляли всего один час, поскольку решили купить девять сигарет с начинкой из пяти баобабов. При этом дали двести тридцать кругов по центру.

Я тут же изменила намерение подойти к девушке поближе и порадовать ее неожиданной встречей – с утра, можно сказать, не виделись. За завтраком Майка проявляла трогательную заботу о правильно лежащем

воротничке рубашки мужа. Сейчас, вспоминая, как она при этом бросала мимолетные взгляды на нас, мне уже казалось, что действовала девица явно напоказ. Настораживало и еще кое-что! Как-то не было необходимости анализировать любопытные детали раньше.

Для начала, как и задумывала, нам с Наташкой следует позвонить господину Ишаченко. Но так, чтобы Димка не слышал, а сам Ишаченко абонентский номер не узнал. Значит, из телефонной будки. Я все еще колебалась в определении статуса Кочневых. Супруги вполне могли оказаться как соучастниками преступления, так и его жертвами. Все путало завещание, по которому и квартира, и дача наследовались Шуриком. Серьезность этого завещания подтверждалась фактом его постоянной регистрации на данной жилплощади.

Как назло, Димка уединился с компьютером, перекрыв мне доступ к справочной системе МГТС. Подруга вообще не появлялась. Вот так сляжешь, не приведи господи, некому будет воды подать. Наташкин мобильник был отключен, а трубка городского телефона противно надрывалась частыми гудками. Либо подруга с кем-нибудь трепется, либо уже дотрепалась до обморочного состояния и не отсоединилась. В конце концов я не выдержала. Если гора не идет к Магомету... Впрочем, я не Магомет. Да и Наталье, пожалуй, сравнение с горой не польстит. А обозвать не мешает.

Не хотелось настораживать Бориса. Увы, пришлось. Едва я показалась в дверях, отбиваясь от «собачьей радости», он приветливо отъехал от компьютера вместе с креслом, выглянул в коридор и весело поинтересовался:

– Опять Деньку выгуливать?

Я сделала вид, что удивилась. Борис сделал вид, что удивлен моим удивлением. Недавно выявил определенную закономерность: если я ближе к ночи являюсь к ним за солью, мукой или прочими бакалейными товарами, Наталья, вопреки установленным правилам, идет гулять с собакой. И возвращается не всегда в нормальном состоянии. Иначе как объяснить тот факт, что однажды прибыла назад вообще без Деньки, псина потом долго в одиночку каталась на лифте и пугала жильцов своей неустроенностью, а мы надрывались на лифтовой площадке, громогласно упрашивая всех желающих проехать на лифте временно с этим повременить. Вчера же Наталья Николаевна, раздевшись, но не разувшись, прошагала в ванную «мыть лапы» сначала себе, затем собаке. Стоя в кроссовках в ванне, долго веселилась по поводу своей чрезмерной аккуратности.

Борис вежливо засмеялся. Я ответила тем же.

– Это называется «хорошо смеется тот, кто смеется последним», – спокойно пояснила подруга. – Вчера Боря только язвил. А сегодня, наконец, до него как до жирафа дошел весь комизм положения. Хотя, по большому счету, это трагикомедия. Сама не заметила, как дошла до собачьей жизни. Скоро буду за косточку прислуживать. Ир, чаю хочешь? У меня зеленый и с мятой. Надо переходить на здоровый образ жизни. Я даже Борису с собой пачку пихнула. Чтобы за время командировки цингу не заработал.

– Уже перешла! Недавно. Больше пока не хочется, – торопливо предупредила я, отметив, как ловко Борис уехал с креслом назад. – Хочешь, догоняй. У вас городской телефон не работает.

– С чего ты взяла? Я только что Боре звонила.

– Да? Из одной комнаты в другую? Похоже, вы оба уже обпились этим чаем.

– Да не фига! Просто у нас вечер воспоминаний. Сначала вспоминали номер его мобильного, он сам его наизусть не помнит, а я и подавно. Потом куда я положила свой аппарат. Пока искала, частично вспомнила номер Бориса. Остальное – дело техники и различных цифровых комбинаций. В конце концов его мобильник не выдержал и запел. Осталось только откопать мой. Такой неотзывчивый! Наверное, разрядился. Пошли в мой райский уголок. Денька, иди к Боре пока он дверь не закрыл.

Включив телевизор на громкое вещание, подруга прислушалась и, с удовлетворением отметив хлопок двери в комнате, где работал Борис, тут же убавила звук.

– Ну что, выяснила телефон Ишаченко? Я виновато развела руками.

– Вход в систему заблокирован. Димка отвечает на вопросы о наблевшем.

– Консультации – это надолго. Все-таки врачи – особая категория людей. Вот скажи, кому, кроме них да врагов-недоброжелателей, интересно выслушивать чужие жалобы на состояние здоровья?

– Моим кошкам. Наша бабуля постоянно им жалуется, и хоть бы одна проявила неуважение!

– Просто им под эту «старую песню» дремать удобнее. Вон, Анастас Иванович как заведет «старый свой граммофон»! Сразу хочется ее перебить и перевести стрелки разговора на свое. С возрастом колебания в физическом состоянии людей становятся любимой темой для обсуждения. Ир, а мы сейчас моей Полинке позвоним! – Не вставая с кресла, Наташка даже выдала ногами что-то сродни ирландской джиге.

– Чем же она тебе так насолила? Хотя, в данном конкретном случае,

твой сеанс телефонотерапии с жалобами на плохое самочувствие доставит ей садистское удовольствие. Тем более на ночь глядя. Крепче спать будет.

– Ирина Санна, вы обо мне слишком хорошо думаете. В одном направлении. Это я могу мыслить сразу в нескольких. Полинкин муж на сэкономленные за счет любовниц деньги компьютер приобрел. Понимаешь, к чему это я? Надо же, мужик пьет да гуляет и все равно нарасхват!

– Реклама! С хорошей рекламой любую дрянь спихнешь. Кому Полинка только его не расхваливала! Даже когда развелась.

– Это она больше себя хвалила. Каждая жена достойна своего мужа. Разве может «умная и красивая» женщина терпеть рядом с собой какое-то чмо? Во всяком случае, вся клиника так считает. За пределами дверей нашего отдела. Должна же у человека быть отдушина, вот время от времени только нам и орет: «пошлю его на-а-а-а небо за звездочкой». Короче, Полинка целую неделю приобретенным компьютером перед нами гордилась, «мужик за ум взялся, мебель в дом прикупил». У нее любая техника мебелью считается. А потом ей какие-то бабы позвонили и потребовали деньги, которые ее муженек якобы у них занял. Я Полинке тогда посоветовала послать их туда же, куда она его посылает. Август месяц был, сплошной звездопад. Единственный раз она меня послушала! Я потом Борю уговорила установить ей кое-какие программы.

Справочник МГТС у нее точно есть. А Боря посоветовал Полинке подключиться к Интернету. Кончилось тем, что она возлюбила эту всемирную паутину больше своего мужа. Шляется вечерами по сайтам знакомств под ником Малышка и изменяет любимому направо-налево, пока от усталости не заснет. Даже не заметила, как муженек очередной раз ушел в загул. Только он в этот раз от удивления через пару дней решил вернуться. Вроде как за компьютером. Она, не будь дурой, тут же в дверях замки сменила.

Взяв телефонную трубку и попутно поправив уголок салфетки, давшей на пару миллиметров крен влево, подруга набрала номер Полинки. Ответила Малышка не сразу и, судя по выражению Наташкиного лица, не очень приветливо. Напомнив ей о том, что долг платежом красен, подруга сухо изложила «безвыходную» ситуацию: ночью прилетает подруга детства, ее необходимо встретить в аэропорту. В Турции подругу обокрали, звонит на последние шекели.

В этом месте я невольно дернулась. Наташка затуркала турков, допустив промах с их национальной валютой. Но она досадливо отмахнулась, полагая, что Полинка такие мелочи пропустит мимо ушей.

– Бедняжка не смогла связаться с дядей по телефону и просила меня

сделать это, – жалостливо вещала Наталья. – По той простой причине, что дядя глухой и плохо соображает. Его соображения не хватит на те гроши, которые имеются на счету жертвы ограбления. Ей бы, идиотке, радоваться, что саму вместе с документами не украли, не пополнила, так сказать, ряды турецкой организованной проституции, а она деньги жалеет.

С минуту Наташка не могла вставить ни слова: Полинка бурно обсуждала проблему, приводя конкретные примеры из чужой личной жизни. Наконец, подруге все же удалось вклиниться в разговор:

– Вот и я то же самое говорю. Причем постоянно: все мужики – козлы! К сожалению, деньги на счету моей приятельницы и в самом деле кончились, связь, естественно, оборвалась, и дядин телефон племянница сообщить так и не успела. У меня есть только адрес. Да! Можешь мне посочувствовать, у нас во всем доме «накрылся» Интернет, у провайдера, видите ли, профилактические работы. А в дополнение, у меня что-то с клавиатурой стряслось. Все буквы так и западают!.. И Боря, как назло, в командировке. Сей момент, Полиночка, диктую адрес.

Полинка сработала достаточно быстро. Высунув от усердия язык, Наталья записывала номер телефона Ишаченко, для надежности дублируя его вслух. В свою очередь, я принялась бубнить услышанные цифры. А на всякий случай. Вдруг у Наташки карандаш сломается. Или неправильно запишет.

– Перестань долдонить одно и то же. Ты меня с мысли сбиваешь. И вообще, наши планы меняются! – объявила подруга, закончив благодарственную песню в Полинкин адрес. – Квартира и телефон зарегистрированы на имя тети глухого дяди. Нет. Дядиной тети, от племянницы, которая фактически является его женой. В смысле ее тетей, Валерией Павловной. Будем говорить с ней. Оно и к лучшему. Не придется греховничать и соблазнять плохо соображающего, но очень вредного дядю Ишаченко.

Не долго думая, Наташка позвонила по полученному номеру, нарвалась на самого Павла Афанасьевича и елевым голосом попросила тетю Валеру. Скорее всего, дяде не понравилось подобное обращение к его жене, поскольку Наташкино лицо вытянулось и посуровело явно не от радостного ответа.

– Подумаешь, цветок душистый прерий, кактус называется, – фыркнув, проворчала она и тут же расплылась в счастливой улыбке: – Валерия Павловна? Здра-а-ассте! Это Света Морозова. Мы с вашей Юлей в параллельной группе учились. Ой, Валерия Павловна, у меня несчастье, сегодня в троллейбусе мобильный телефон из кармана свистнули. Не

столько его, сколько контакты и контактеров жалко. Теперь полгода восстанавливать буду. А можно Юлечку к телефону?... Ах, она в заграникомандировке? Надо же, забыла! Ну это по крайней мере лучше, чем в психиатрической больнице. Извините. Неудачно пошутила. Валерия Павловна, тогда вся надежда на вас, поскольку ваша Юлька в заграникомандировке, я ее как раз перед отъездом видела. Она меня через Ксюшу Горшкову хотела пристроить на хорошее место, домашний телефон одного господина дала, его Антоном зовут, я с ним договорилась, что завтра перезвоню, и вот теперь катастрофа! Срочно нужен номер его телефона, у Юльки он наверняка где-то записан. Все-таки ее знакомый.

Наташка внимательно выслушала ответ, подмигнула мне и с печалью в голосе поведала в трубку:

– Нет знакомых Антонов? Какая жалость! Валерия Павловна, миленькая, я только Юлин номер наизусть запомнила и то случайно, а Ксюшкин накрылся медным тазом вместе с моим мобильником. – Подруга всхлипнула. Дальнейшие слова капали из нее, как слезы из глаз: – Спасибо, з-зап-писываю. О-й-й!.. Ага, мобильный – три, шесть. Есть!

Положив трубку на место, подруга промокнула мокрые дорожки на щеках бумажной салфеткой и пожаловалась:

– Знаешь, так расстроилась из-за этого номера. Ну все принимаю близко к сердцу! – Она вдруг изменилась в лице и похлопала себя по карману домашнего блузона времен перестройки сознания к необходимости похудания. Слезы на глазах моментально высохли. – Особенно Борин старый кошелек. Он в него значку складывает на дачное процветание. А я время от времени использую эти денежки как беспроцентный кредит. Надо положить на место. В банковскую ячейку. Сама банка из-под импортного печенья – загляденье. А печенье – дрянь. Ты его не бери. Лично я им просто давилась. Остатки Боре с собой в дорогу завернула, к чаю.

3

Звонить Ксении Горшковой решили только из таксофона и утром. За ночь следовало продумать стратегию и тактику переговоров, а встретившись после завтрака, выработать окончательную линию поведения.

Завтрак у меня затянулся, ибо получился «на траве». Только не надо путать! Картина не соответствовала ни одному из знаменитых полотен – ни Клода Моне, ни Эдуарда Мане. У первого вообще, как и положено родоначальнику импрессионизма, «Завтрак на траве» получился светлым, радостным моментом, выхваченным из жизни, проникнутой солнечными бликами. Работа, написанная в натуральную величину и изображающая его балдеющих на природе друзей, в том числе возлюбленную Камиллу. Бедная девочка умерла такой молодой! Мне это полотно нравится. Что касается «Завтрака на траве» Эдуарда Мане (в первоначальном варианте «Купание»), я никак не пойму, почему мужчины там при полном параде, даже ботинки не сняли, тогда как дамы поспешили раздеться догола. Наташка уверена, что Мане и во второй раз ошибся с названием своей картины. Более подходящий вариант – «Обед на траве». Дамы просто на десерт.

У меня все получилось гораздо проще. Стремясь порадовать любимого мужа, я напекла блинчиков и, уже сворачивая процесс производства, нечаянно обожглась. Отсюда все и пошло. Вернее, полетело. В первую очередь, от рефлекторного взлета моей обожженной руки сорвался с места купленный по случаю веник лаврового листа, следом открылась дверца настенного шкафчика, на ручке которого он болтался. Из шкафчика, разинув целлофановый «рот», выпал пакет с сушеными пряными травами – петрушкой, укропом, хмели-сунели. Поймать я его не успела, но уж лучше бы вообще промахнулась. Увы. От моей попытки перехватить его, он с ускорением полетел вслед за лавровишней. И вся эта «сухость» усеяла сервированный к завтраку стол, табуретки и живописно раскинулась на полу. Далеко не новое название получившейся картине «Завтрак на траве» дал немного испугавшийся Димка. К его чести, он в первую очередь озаботился состоянием моего ожога. Только я никак не могла найти место приложения огненной сковороды к руке. Не иначе как от нервного стресса все мгновенно рассосалось.

Лишь к двенадцати часам я вышла из дома, якобы за новыми шторами

для спальни. Наташка «уговорилась» ехать со мной в качестве консультанта. Не страдать же дома от одиночества после ночного Бороного отъезда. У подъезда мы с ней и застряли, погрязнув в споре на тему «что делать».

За ночь подруга пришла к выводу, что Ксения является незаслуженно обиженной стороной. Прямо из-под носа девицы украли полный набор будущего благополучия, включая упущенную выгоду от несостоявшихся подарков дяди и тети к дню рождения и празднику. По этой причине дяде и тете, если они живы, не стоит вообще хоть когда-нибудь попадаться племяннице на глаза. А нам с Наташкой следует встретиться с Ксюшей, передать ей пиджак с деньгами, поделиться скудными знаниями о чете Кочневых и странном парне, претендующем на роль мужа Юлии Ишаченко. Давно просроченный билет можно уничтожить.

Дергая Наташку за рукав куртки и удачно успевая при этом избежать ее серьезных намерений дать мне по рукам, я соглашалась на встречу с Ксенией, но, с позволения сказать, «без обналичивания» собственных персон. Наши личности должны оставаться в тени. Можно выступить да хоть под видом рекламных агентов! И уж тем паче не передавать деньги. Лучше съесть железнодорожный билет.

Провидению надоели бесплодные споры, ибо истина в них рождаться не хотела. Боялась преждевременности. Мой мобильник предупредил о залетной эсэмэске. Мы сразу притихли. Более того, принялись оглядываться по сторонам. И было на что посмотреть. За нами с интересом наблюдал по меньшей мере десяток посторонних граждан различных возрастных групп, не считая собак. Кое-кто посмеивался. Не сговариваясь, мы подхватили друг друга под руки, спустились со ступенек подъезда и деревянными шагами отправились в сторону метро. Наверное, было немного похоже на строевую подготовку новобранцев к параду. Мобильник жег в кармане руку, тем не менее мы стойко дошагали до станции метрополитена, отошли в сторонку, уселись на лавочку под сень лысеющего к зиме тополя и приняли безмятежно-скучающий вид. Наташка подумала и для усиления эффекта безмятежности вольготно откинулась на спинку лавочки, заложила ногу на ногу и нацепила солнечные очки.

– Не тяни kota за хвост, читай сообщение, – процедила она сквозь зубы, почти не открывая рта.

Я достаточно лениво вытянула из кармана руку с наглухо зажатым в ней мобильником, пощелкала кнопками и отреагировала на эсэмэску однозначно:

– Ого!

– Ага! – глубокомысленно отметила подруга и отняла мобильник. – «Ни под каким предлогом ни с кем не встречайтесь – опасно!!!», – прочитала она текст сообщения вслух. Однотонно, без всякой эмоциональной окраски. И только после этого окрасилась в цвет алой зари. Такой, какой я любовалась на Селигере. Но Наташке он не шел.

– Как думаешь, от кого сообщение? – ерзая на лавочке в поисках более усидчивого положения, нервно поинтересовалась она.

– От доброжелателя. Или доброжелательницы, – невольно дублируя действия подруги, ответила я. – Такое впечатление, что нас у подъезда подслушивали.

– Нечего было блажить на всю улицу. Зато теперь ясно, что мы зря спорили – обе были в корне неправы. Изобрази на лице глупое выражение и осторожно обернись назад, вроде как уже не знаешь, на что и смотреть. заметишь что-нибудь подозрительное, улыбнись солнышку и ему же тихонько отчитайся.

Я оглянулась да так с глупым выражением на лице и замерла, игнорируя следующий этап – улыбчивых переговоров со светилом. Прямо на нас огромными прыжками, с высунутым от усердия языком, неслась здоровенная овчарка. Помог испытанный прием: закрыть глаза, а там будет видно. С левой стороны что-то прошуршало, прорычало, и в следующую минуту я поняла, что мы этой собаке и на фиг не нужны. Отбрасывая назад мощными лапами комья земли вместе с травой, подруга человека опроретью неслась на радостную встречу с хозяином, топающим с чемоданчиком от метро.

– Бли-ин! – восхитилась Наташка. – Этими лапищами только лунки делать для посадки тюльпанов! Ир, ну что там, сзади?

– Сзади? – я с трудом облизала пересохшие губы. – Сзади рекламный щит с тюбиком зубной пасты и отдельно взятой челюстью. Все зубы на месте.

– Нашла время чужие зубы считать! Интересное дело, над сообщением надпись: «номер телефона неизвестен». Наверное, это все-таки Майка с нами в прятки играет.

– Сомневаюсь, – окончательно стряхивая с себя остаточные явления картины собачьего налета, пробормотала я. – Раз номер не определяется, она вполне могла бы позвонить. Чего ей в этом случае бояться? Скорее всего, это кто-то другой. Личность, которая не надеется на нашу доверчивость.

– Шурик!

– Не знаю. Не уверена. – Я поневоле задумалась.

– Ир, посмотри внимательнее вон на ту бабулю с семечками. Только что приперлась. Тебе не кажется, что она похожа на переодетого дедулю?

– Не кажется! Сейчас жизнь такая. Мимикрия. Женщины вынуждены приспособливаться к суровым условиям выживания. Ничего удивительного, что в их облике и чертах характера начинают проявляться мужские качества.

– Ну уж не до такой степени. У нее, кажется, усы.

– Имеет право! Подожди, какие усы? – Прищурившись, я посмотрела в сторону сидевшей на раскладном стульчике бабули. Рядом с ней стоял мешок семечек. Старушка легонько обмахивалась белыми шерстяными носками. Никаких усов я не заметила. Нормальная пожилая женщина, пытающаяся обеспечить добавку к пенсии. Это я Наташке и поведала.

К моему удивлению, подруга даже не удивилась, заявив, что ее слова не что иное, как проверка моей бдительности.

– Всегда готова! – доложила я. – У меня тут нестыковка в планах получается. Димка со слов Листратова сообщил, что мне следует соглашаться на любую встречу, которую предложат по телефону. Но «доброжелатель» против.

– А если не предложат?

– А если не предложат, навязаться на нее самой.

– Ну знаешь, ты же не «девочка по вызову».

– Наталья, я о другом: может, нам все-таки встретиться с Ксюшей? По моему варианту. Только тебе надо придумать, как это сделать.

– После твоего предложения у меня перед глазами сразу возникла трансформаторная будка с увлекательной картинкой – череп и две несчастные перекрещивающиеся косточки с оригинальным пояснением «Не влезай, убьет!». А я своим глазам пока доверяю. – Донесшаяся из Наташкиной сумки бравурная мелодия марша заставила ее добавить к сказанному: – Своим ушам, кстати, тоже. – Взглянув на экран мобильного, подруга укоризненно покачала головой: – Похоже, все абоненты решили засекретиться. Не мешало бы и нам это сделать. – Алло?! – рывкнула Наталья в трубку. – Алло-о?... Здравс-сте, нет, не Ирина, а Наталья. Кто?... – Она быстро зажала трубку ладонью и шепнула мне: – Какая-то приятельница Майки. Какая-такая приятельница? – строго спросила она у мобильного и тут же включила динамик.

– Майя поручила мне забрать у Ирины пиджак со всем его содержимым.

– Спроси, каким именно, – сдавленно прошептала я. Наташка послушно выполнила просьбу.

– Не знаю, – женский голос стал раздраженнее. – Я простой курьер. Мне пообещали назвать конкретный вокзал и номер ячейки, в котором будет лежать этот пиджак.

Догадка молнией мелькнула в голове, я выхватила из рук подруги мобильник и строго проговорила:

– Это Ирина. Вы нарушили договоренность с моим мужем – должны были позвонить по другому номеру!

– Он не отвечал.

– Вы опоздали. Женщина, которой эта вещь принадлежала, запретила его передавать кому бы то ни было, кроме нее или Ксении.

– Что за бред?!.. Ладно. Я и есть эта самая Ксения.

– В таком случае сейчас перезвоню на ваш номер. Отключившись, я торопливо набрала цифры, добытые Натальей у госпожи Ишаченко-старшей.

– Да я это, я! – с раздражением откликнулась Ксюша. – Откуда у вас мой номер мобильного?

– Скажи, что у нас длинные руки, – вцепившись в мое плечо, потребовала Наташка.

– Ясновидение! – деловито сказала я. – Небольшая, но качественная проверка входящих звонков. В пятницу вечером вы звонили мне с мобильного Кочневой, разговаривали с моим мужем. Откуда у вас ее аппарат?

– А нельзя ли обойтись без лишних вопросов? В общем, так: чувствую, вы дурите мне голову. Предлагаю на выбор два варианта: либо вы немедленно отдаете мне пиджак, готова сама за ним приехать, либо...

– Либо не отдаем. Приезжайте, а там посмотрим.

– Куда и во сколько?

Я кинула взгляд на часы, браслет которых украшал Наташкину руку.

– Через два часа на станции метро...

– «Цветной бульвар»! – подсказала Наташка.

Я послушно произнесла название, добавив от себя: «В центре зала». Ксении это не понравилось. Она безапелляционно заявила, что у нее клаустрофобия, а посему подьедет на машине к зданию цирка. Если я боюсь, то зря. Там тоже публичное место. На ступеньках и встретимся. Я выслушала это с вытянутым лицом, но придраться к предложению Ксении не смогла, что очень разозлило Наташку.

– Что за выпендрей?! Какая-то пигалица будет нам приказывать, словно она хозяйка положения. Несчастные, обделенные наследством девушки так себя не ведут. Меня терзают серьезные сомнения, и я склонна считать

поступок ее дяди правильным. Сделаем ей «козью морду» – отдадим один пиджак, без валютного обеспечения. Он у меня в «Ставриде» спрятан. В конце концов мне гораздо приятнее пойти навстречу Майкиной просьбе и оставить пока деньги себе. А там видно будет.

Оставалось позвонить по номеру телефона, который был мне навязан Листратовым. Но прежде хотелось посоветоваться с ним самим. Но не тут то было! Ни домашний, ни мобильный телефоны Виктора Васильевича не отвечали. Скорее всего, у них был настоящий выходной день. Мелькнула мысль отменить встречу, но погасла, поскольку чуть ранее она мелькнула у Наташки, собственно, ее доводы мою мысль и погасили:

– Поедем на «Ставриде», по дороге бездельнику еще позвоним. Знаешь, имею горячее желание посмотреть на эту фифу, оценить, как мусорные отходы, и указать ей на ее заслуженное место.

Последнее высказывание подруги оказало магическое действие. Я решила никуда не звонить и порадовалась, что не выдала ей намерение Листратова отправить на встречу оперативницу.

Одну остановку назад, к дому, мы неслись, опережая движение автобусов. Пробегая мимо стоянки автомашин, взбудоражили весь штатный сторожевой табор. Собачий. Был момент, когда я серьезно испугалась за свои брюки и резко затормозила. Разумеется, не одна. Наташкины брюки тоже денег стоили, за них я и уцепилась. Подруга отчаянно взвизгнула, где-то что-то у нее треснуло. И я с ужасом увидела, что она теряет штаны без всякой собачьей помощи. Мою крепко вцепившуюся в них руку уже следовало расценить как руку помощи, но Наташка отчаянно и с визгом лупила по ней ладонью.

Из ворот стоянки с руганью вылетел сторож, и я вконец растерялась, не в силах понять, кого именно он кое-куда посылает. Если нас с Наташкой, то зря. Следить надо за своими помощниками по хозяйству, воспитывать. Впрочем, вся бандитская группировка барбосов, синхронно помахивая лихо закрученными бубликом хвостами, гавкала на нас уже вполне миролюбиво. Скорее всего, жалели, что развлекаловка так быстро кончилась. А может, предлагали побегать еще.

– С цепи сорвались?! – зло спросил подбежавший сторож опять-таки непонятно у кого. – А ну, брысь на место!!!

Он так страшно затопал ногами, что я невольно отлепилась от Наташки и стала задом отступать к металлическому забору стоянки. Подруга тут же прекратила блажить и вполне нормальным голосом заметила:

– Развелось тут собак, как сторожей нерезаных. Чумичка, ты мне пуговицу на брюках оторвала.

– Возьми мою, – все еще плохо соображая, виновато ответила я. Иногда Наталья ведет себя неадекватно. Даже не наорала.

– Не пойму, издеваешься ты или в одночасье сдурела?

Мне не нравились оба варианта. И я неопределенно пожала плечами, пускай сама выбирает.

– Булавка есть?

– Есть. И не одна. Только дома. – До меня, наконец, дошел весь трагизм положения. – Фига себе! Подожди, я сейчас мигом, до киоска и обратно.

Наташка, благословив меня кивком головы, попросила купить булавок про запас. Да кто бы возражал! Она права – мало ли в столице собак. Я расстаралась. Приобрела еще и безумную брошку в виде кривого на один глаз поросенка. Ее подруга и использовала вместо оторванной пуговицы. На мой взгляд, получилось даже лучше, чем было в оригинале.

4

– В разговоре с этой мурмышкой ты произнесла интересную фразу о том, что в пятницу вечером она общалась с твоим Ефимовым. Это когда же? – Наталья с интересом посмотрела в зеркало заднего вида на джип, исходящий нетерпением в бесплодных попытках обогнать нашу «Ставриду». – Эх, его корежит-то! А пусть думает, что я слепоглухонемая.

– Уступи джипу дорогу по-хорошему, пока он нашей «Таврии» по-плохому по морде не надавал. Ну, которая сзади. Багажник называется.

– Еще чего! Это не спецтранспорт. Ты не ответила на мой вопрос.

– Да в пятницу вечером. Когда Димка спас меня от падения на голову рабочего, вылезавшего из канализационного колодца. Бедняга. Чуть своим задом не затмила ему свет в конце тоннеля.

– У него появился лишний повод выпить за удачную обратную дорогу наверх. Так тебе же тогда Майка звонила. Прекрасно слышала, как сначала ты, а потом и Ефимов с ней общались.

– До сегодняшнего дня тоже так считала. Понимаешь, толком-то я с ней тогда не поговорила. Некогда было вникать в ее голос. Сначала Димка пытался отнять телефон, потом мысленно ужасалась последствиям своего полета. Жуть! Прямо как наяву все видела. А на экране мобильного высветился Майкин номер, мне и в голову не пришло, что кто-то другой может надрываться: «Алло! Алло!..» Правда, на мой нервный вопрос, что было в пиджаке, Майка ответила каким-то не своим голосом – не знаю!

– Что значит «не своим»? Как раз «своим», наглым, Ксюшиным.

– Не перебивай! Словом, я подумала, как это Майка могла не знать, что в пиджаке? Шурик должен был сообщить ей хотя бы о пропаже денег. Может, не хотела акцентировать на этом внимание? Но позднее, когда она перезвонила тебе, Майке и в голову не пришло сомневаться в содержимом пиджаковских карманов. С налета заявила, деньги возьмите себе, билет спрячьте. Хотя, слово «билет» она, кажется, не упоминала. Велела убрать «все», что найдем. Кроме денег. Наверное, не могла говорить про билет открыто. Сегодня девушка Ксения уверенно требовала именно пиджак, поскольку из своего пятничного, пятничкового, короче, ты поняла, звонка, сделала правильный вывод. Сначала именно я ей сдуру о пиджачке поведала, потребовав сообщить, что в нем было, затем, перехватив мобильник, Димка с ходу проорал, что сдадим пиджак в прокуратуру. Так просто туда шмотки не носят, не барахолка. Она быстренько и сообразила –

в пиджаке есть нечто интересное. Но что именно, ей не ведомо. Отсюда следует: Майкин телефон попал к Ксюше не на добровольных началах. Это раз! А во-вторых, девица в поисках. И надеется найти «это» в пиджаке. Кстати, Димка что-то говорил и про багажные ячейки на вокзале. О! Это наводит меня на одну очень интересную мысль.

– Знаешь, я тоже сделала правильный вывод. На всякий случай еще раз проверь карманы пиджака, прощупай подкладку, вдруг внутри что-то спрятано?

Мысленно я разделила пиджак на квадраты, потом исследовала буквально по сантиметру. Только зря время потеряла.

– Ну и замечательно! – порадовалась Наташка. – Отдадим госпоже Горшковой пустой пиджак, пусть радуется. Пожалуй, ты права. Во всяком случае, дружеских чувств к Кочневым она испытывать не может. Шурик обскакал ее с наследством. Теперь девица любыми путями хочет это наследство вернуть. Компромат нарыывает. Не удивлюсь, если она пошла на кражу мобильника. К-какая радость!

Джипу наконец удалось обойти нас. Едва не потеряв зеркало, мы стояли перед светофором в ожидании зеленого сигнала, слушали, кем, по сути, являемся вместе со своим моторизованным «тараканом», но делали вид, что не слышим.

Патлатый владелец внедорожника открыл пошире окно двери со стороны пассажирского сиденья и утроил усилия по оскорбительным выпадам. Наташка, не долго думая, шепнула:

– Значит так: загорится зеленый, дашь мне легкий подзатыльник. – Затем, не сводя взгляда с облюбованной точки небосвода, принялась на ощупь лазить по приборной панели.

Водитель джипа выдал замысловатую тираду удивления и захлебнулся. Ибо в этот момент дали зеленый, я, как было велено, треснула Наташку по затылку, подруга, по-прежнему не отрывая глаз от тучки небесной, нащупала ручку коробки передач, и мы тронулись с места, оставляя позади недовольный гудеж части автовладельцев. А кому нравится, когда кто-то слишком «тормозит» на светофоре? Даже если он сидит за рулем джипа.

К Цветному бульвару прибыли на полчаса раньше намеченного срока. И я поделилась с Наташкой стратегическими планами на предстоящую встречу. Не могу сказать, что она приняла их с радостью. Недовольно ворча, подруга продвинулась немного вперед. Я шею свернула, внимательно отслеживая все прибывающие машины, включая маршрутное такси, и выходящих из них пассажиров. Можно было порадоваться преимуществу – худо-бедно, но Ксению мы уже видели, была надежда ее

узнать и выделить из толпы людей. Но девушка оказалась не дурнее нас. Как и когда она появилась на ступеньках у центрального входа в цирк, осталось без ответа. Зато стало ясно, почему мы ее проглядели: Ксения нацепила на голову парик и с его помощью превратилась в блондинку с длинными волосами, а блондинок мы не ждали.

Вопреки своему плану, я едва не выскочила из машины, да еще без пакета, в который Наташка успела положить аккуратно сложенный кожаный пиджак.

– Сидеть! – рявкнула подруга со своей особой, непередаваемой интонацией, от которой всем, кто слышит эту команду, непременно хочется ее выполнить. Мысли о целесообразности сразу в голову не приходят.

Мы дали круг по бульвару и остановились в неполюженном месте, под носом у троллейбуса, не доезжая до входа в метрополитен. Там я и вывалилась из машины вместе с пакетом, едва не оставшись без каблука. Наташка поехала на старое место парковки, а я, смешавшись с толпой «выходцев» со станции метро «Цветной бульвар», потрусила к зданию цирка.

Угораздило же нас назначить встречу на время, близкое к началу дневного представления! В оживленной толпе обилеченных людей я несколько раз теряла Ксению из виду и буквально впадала в панику. Еле стряхнула с себя назойливую тетку, уговаривающую купить у нее два билета «почти задаром». Потом какой-то пенсионер не первой свежести упорно обзывая меня Ниночкой Петровночкой, пытался всучить мне взлохмаченный букет астр. Как оказалось, именно такой, какая есть, он меня и представлял. Несмотря на мое стойкое сопротивление, ему все-таки удалось подхватить меня под руку и увлечь за собой на пару ступенек вверх. С виду достаточно щупленький, а хватка железная. Впрочем, как и его довод – через семь минут начнется представление, мы можем не успеть в буфет. Я уже собиралась огреть пенсионера сумкой с пиджаком, но он ее достаточно ловко перехватил, извинившись, что не сделал этого раньше. И тут я услышала над ухом спасительный женский голос:

– Ирина?

– Ирина-а-а, – простонала я. – А вы, наверное, Ксения?

– Она самая. А это что за «бульдозер»?

Пенсионер очень удивился и ослабил хватку. Я успела вырваться из его цепких рук и со словами «отдайте, это не ваше!» выхватить у него свою ношу, обменяв ее на астры. Впрочем, сумка у меня не задержалась, тут же перешла к Ксении.

– Вон твоя Петровночка у подножия на организованный тобой

спектакль любит, маньяк! – со злостью выдала мужчине Ксения. – Ща наступит тебе по макушке и будет очень права.

Внизу и в самом деле топталась высокая женщина без определенного возраста. Половую принадлежность выдавала только одежда. Пенсионер, открыв рот и роняя астры, уставился на предмет предстоящего знакомства, скорее всего, глазам не верил. Ксения рванула меня за рукав, заявив:

– Пошли, пока не попросил политического убежища за нашими спинами! Старый козел, а все туда же! Молодые нужны! Горит желанием почувствовать себя плейбоем. Нарвется когда-нибудь. А через пару месяцев притомится от всех этих «плеев» с «боем», и вынесут.

– Спасибо тебе, – пробормотала я, старательно глядя себе под ноги. Не люблю бегом спускаться по ступенькам. – Хорошо, что догадалась ко мне подойти. Мы же незнакомы.

– Тебе куда?

– Мне? – Я подумала и решила соврать: – Мне в сторону «Менделеевской».

– Ну тогда не по пути. Мне на Волгоградский проспект, а то бы подвезла. Кстати, что в пиджаке?

– Я не знаю. Наверное, ничего.

– То есть как это ничего? Ты же меня об этом по телефону спрашивала. Наверняка для контроля.

– Правильно. А вдруг ты бы заявила, что в пиджаке лежал миллион? Неважно, в каких купюрах. Зачем мне лишние испытания для нервной системы? Легче отнести эту вещь в милицию.

Ксюша рывком вытащила пиджак из сумки и, не обращая внимания на окружающих, принялась его обследовать.

– Бесспорно, пиджак кочневский! – пробормотала она. – А как он к тебе попал и что в нем было раньше? – Глаза девицы сверлили меня подозрительным взглядом. – Майя мне толком ничего не объяснила.

– Откуда ж я могу знать, что именно Кочнев таскал с собой в карманах? Мы в них не заглядывали, – надменно пояснила я. – Он к нам пиджак случайно пристроил. Наверное, когда вещи собирал, перед Москвой, будучи «под мухой». У нас с Кочневыми сумки одинаковые.

– Кочнев не пьет! – Ксения хотела добавить что-то еще, но неожиданно осеклась и поджала губы.

– Ну, если теперь это так называется... – Я спохватилась. Не стоило окончательно порочить человека, на которого у девушки Ксении и без того имеется отдельно отточенный «зуб». – Хотя... – Я потупила глаза, изображая искреннее раскаяние. – В принципе мне могло и показаться.

После двух стаканов «Мартини». Мы с приятельницей немного расслабились. Теперь уже и сама не уверена, кто именно положил вещь Кочнева в мою сумку. Только ты об этом Майке не говори.

– Почему твой муж пригрозил сдать пиджак в прокуратуру? – Ксения продолжала ощупывать подкладку.

Начало было положено, я принялась врать дальше:

– Да тут такая история получилась... Сама Майка за ним все не ехала, потом сообщение передала, что ты приедешь. Но у нас на тот вечер свои планы были, а предупредить о них лично я не могла, Майкин телефон не отвечал. Соответствующее сообщение ей отправила. А позднее мы решили реабилитироваться – прокатиться по адресу Кочневых, который узнали в турбюро, чтобы доставить пиджак на дом. Приехали, а их дома нет. Более того, сосед такую жуткую историю про бывших жильцов рассказал! Но не Кочневых. Фамилию не помню. Заодно сообщил, что у них есть племянница, но номер телефона назвать отказался. Муж решил, что нам вообще не следовало связываться с возвратом этого пиджака. А тут как раз и ты по Майкиному мобильнику позвонила. В отношении прокуратуры он просто так ляпнул, побочное действие рассказа соседа. Посуди сама, кому и зачем он там нужен?

– Майка вам еще звонила?

– Если бы звонила, я бы пиджак ей вернула. А вы, наверное, близкие родственницы? По дяде. Только совсем не похожи. Интересно, дождь будет?

– Родственницы. По Кочневу.

Ксюша внимательно взгляделась в мое лицо, не иначе как в поисках родимых пятен дебильности. Я постаралась ее не разочаровать. Улыбка получилась в меру кривой, но добродушной, взгляд в безмятежно-голубое небо достаточно глупый.

– А что, с ней что-то случилось? – я изобразила легкую озабоченность.

Ксюша перестроилась на доверительный лад. Очевидно, пришла к окончательному выводу, что я человек не очень разумный. Навешать мне на уши украшение в виде лапши ничего не стоит. Я была ей нужна, иначе она давно бы со мной рассталась.

– Понимаешь, Кочневы неожиданно исчезли. Если ты знаешь, что случилось с моим дядей, не можешь не понять, как за них волнуюсь.

– Наверное, эта квартира аномальная. Все жильцы из нее исчезают. А с чего ты решила, что Кочневы тоже исчезли? Могли просто куда-нибудь уехать, не попрощавшись.

– Кочнев целую неделю на работу не выходит, на звонки не отвечает. Ты

не торопишься?

– Не очень, – обрадовалась я, но тут же уговорила себя не задавать девушке лишних вопросов. Главный из них: почему она считает Кочнева непьющим? Неужели в наше время есть такие особи? Не иначе как инопланетного происхождения. С синей аурой.

– Может, в кафе зайдём?

– Да нет, долго рассиживаться не могу. Лучше тут постоим.

Краем глаза я заметила Наташку, в паре шагов от нас старательно изучающую витрину киоска.

– А почему ты родственников по имени не называешь?

Ксения достаточно умело сыграла легкую грусть:

– Просто отголоски старой обиды. Александр здесь, конечно, ни при чем. Это все дядя. Как выяснилось, у него имелся внебрачный сын. И когда он вырос, дядя на старости лет терзаемый муками совести, решил одним махом откупиться от старых грехов. Тайком от меня составил завещание, по которому единственным своим наследником определил Александра. Более того, прописал в свою квартиру и пристроил на тепленькое местечко в свою фирму.

– А твоя тетя? Она что, все это спокойно приняла?

– А моя тетя – дура редкостная. Всю жизнь дядюшке в рот смотрела. Сама не могла родить, вот и считала, что, живя с ней, он был лишен всех радостей жизни. Он, кстати, иногда очень умело этим пользовался. Сколько раз она мне плакалась! Впрочем, я не разумнее тети Насти. До последнего ездила к ним, помогала ей с уборкой, с походами по магазинам. Летом торчала на даче, чтобы мои старички не скучали. Жалела обоих. Как говорится, не корысти ради... Могли бы и правду сказать. По крайней мере, честнее было бы. А то использовали просто как приходящую домработницу.

Прямо перед нашим носом возникла тележка с коробками, пополнение товарного запаса ларька, и недовольный извозчик попросил перейти в другое, более удобное для болтовни место. От него несло явной неприязнью и чесноком. Вопреки моим ожиданиям, Ксения его не «отбрила».

– Может, все-таки зайдём в кафе? – еще раз поинтересовалась она, совсем как Наташка, оттащив меня в сторону. – Понимаешь, у меня к тебе есть просьба.

– В кафе? – громко переспросила я, так как будто в моей практике общения с людьми такого слова никогда не упоминалось. И покосилась на Наташку. Та, не отрывая внимательного взгляда от красовавшейся на

витрине ларька витиеватой булочки, легонько помахала левой рукой, пальцы которой были свернуты в фигу. Большой палец при этом оживленно шевелился.

– Нет, честное слово, время уже поджидает. Излагай свою просьбу, если смогу, выполню.

– Для начала все-таки скажи, откуда у тебя номер моего мобильного телефона?

– А-а-а, ерунда! Уж очень хотелось избавиться от этого пиджака. Я тебе по секрету скажу, с его появлением в моей сумке у меня начались сплошные неприятности. Самовнушение, наверное, но мне показалось, что если его сбегрю по назначению, все пройдет. Словом, в тот вечер неудавшегося визита к Кочневым на выходе из подъезда старушка словоохотливая попала. Она-то и просветила нас в отношении фамилии, имени, отчества их соседа. Адрес имелся. Пробыли телефон и, прозвонившись, убедили жену Ишаченко дать твой номер телефона. Правда, не надеялись, что повезет. Случайно выяснилось, что ты подруга ее дочери.

– Ты как-то странно разговаривала со мной в пятницу.

– Просто еще один побочный эффект от страшного рассказа Ишаченко. – Я решила переключить внимание Ксении на другой момент. – А тебе не приходило в голову, что внебрачный сын твоего дяди мог организовать его похищение? Чтобы не затягивать с получением наследства.

– Эта версия следственными органами уже проверялась и не нашла подтверждения. На момент похищения у Кочневых алиби. Кроме того, выяснилось, что Александр и понятия не имел, что является потомком славного рода Горшковых, соответственно, о содержании завещания тоже. Считал, что добрый дядя Николай Тимофеевич просто благодетельствовал его, как сына бывшего друга, взял на работу менеджером, зарегистрировал по своему адресу, причем постоянно. Последнему обстоятельству Сашка очень удивился. Он-то считал, что регистрация временная. И я так думала. Во всяком случае, у Александра имелся испорченный бланк заявления, где он собственной рукой отметил шестимесячный срок. Кочневы собирались купить отдельную квартиру, денег не хватало, но они нашли покупателя на свою комнату и удачно ее продали. Надо было куда-то выписываться, дядя и предложил свои услуги. Он же и занимался пропиской. Переписал Сашкино заявление собственной рукой, почерковедческая экспертиза это подтвердила. Кочнев потом только подпись поставил. Как объяснил – не читая. Честно говоря, я очень обижена на дядюшку. Да и Кочневых терпеть

не могу. Но заподозрить их в организации похищения... Нет, это невозможно. Ну ты посмотри, какая вредная баба! – Ксюша нервно вытащила из сумочки пачку сигарет и закурила. – Половину товара охаяла, а все торчит у ларька.

Наташка предпочла сделать вид, что не расслышала. Я легкомысленно махнула рукой и заявила:

– По-моему, тебе не стоит так переживать. Тем более из-за Кочневых. Учитывая все обстоятельства, едва ли ты успела с ними сродниться. Странно, конечно, что все из этой квартиры пропадают. Может, инопланетяне хулиганят?

– Кочневы в дядиной квартире не жили. Снимали однокомнатную где-то в районе Митино. Я бы не беспокоилась, но недавно в фирме произошли странные вещи. Впрочем, это к делу не относится. – Ксения докурила сигарету и ловким щелчком направила окурок в урну. – Так вот о моей личной просьбе: если Майка или кто-то по ее просьбе свяжется с тобой по телефону, постарайся уговорить их встретиться. Место и время определишь сама, единственное, что тебе следует сделать, немедленно сообщить об этом мне. По тому же самому моему номеру, который у тебя есть. В долгу не останусь.

Я была готова к такому предложению, но мастерски выразила удивление. Оно не вызвало сомнений даже у Наташки, после долгого раздумья решившей купить пачку чипсов, которые терпеть не могла.

– Не уверена, что Майя согласится на встречу. Пиджак как повод отпадает.

– А ты не говори, что уже передала его мне. Кроме того, можешь сослаться на странный звонок, звонил, мол, неизвестный тебе человек и просил ей передать, что, вопреки правилам, от перемены мест слагаемых итоговая сумма не всегда остается неизменной, хотя обязана таковой быть. Запомнишь?

Кивнув головой, я скороговоркой повторила таинственную фразу.

– И еще: скажешь, что здоровье Ельцова Михаила Петровича резко ухудшилось. Не перепутай. Лучше запиши.

– Не волнуйся, у меня хорошая память.

– Хорошо. Ельцову обязательно надо увидеться с Сашей. Майка наверняка попросит поделиться подробностями. Твоя задача – настоять на личной встрече. На контакт со мной она может просто не пойти. Поверь, тебе все это ничем не грозит. Просто есть сведения, составляющие коммерческую тайну нашей фирмы.

– А Кочневым? Кочневым это чем-то грозит? И почему ты постоянно

называешь Шурика Сашей?

– Как хочу, так и зову. Это для Майки он Шурик. И, пожалуйста, не заморачивайся на какие-то жуткие предположения. Кочневым ничего не грозит. Имеются основания предполагать, что Александр куда-то убрал кое-какие рабочие документы. Кстати, тебе евроремонт квартиры или дачи не нужен? Бесплатно сделаем. После исчезновения дяди фирмой руководит его заместитель, Буйков Тимур Георгиевич. Лично для меня просто Тимурчик. Он мой жених и ради меня готов на все. Делай правильные выводы.

Положим, последние слова были лишними. До правильных выводов мне было далековато. Немного запуталась.

– А как называется ваша фирма? – с дрожью в голосе поинтересовалась я. – Случайно не «Атмосфера»? Дело прошлое, но мне не нравится их специфика обслуживания клиентов^[2].

– Нет. Не «Атмосфера», – усмехнувшись, ответила Ксения. – Фирма называется «Реверс». Ну что, договорились?

– Да вроде бы. А еще одного номера телефона у тебя нет? Мало ли что... Договорюсь с Майкой о встрече, а вдруг у тебя мобильник разряжен?

Ксюша задумалась, взгляд ее метнулся в сторону. С безразлично-скучающим видом я проследила за ним, отметив, что он сосредоточился на черном БМВ с наполовину тонированными стеклами, нагло припаркованном с заездом на пешеходную часть улицы. Наталья была начеку. Обругав грузчика, не вовремя переехавшего ей дорогу с пустой тележкой, она заторопилась к «Ставриде».

– Пожалуй, ты права. Доставай мобильник, – согласилась Ксюша.

Едва я вытянула из кармана телефон, он разразился бравурным маршем. Так, будто радовался появлению на свет. Погожий осенний день того стоил. Мне и в голову не могло прийти, что звонит не Майка. Напряженное внимание, которое появилось на лице девушки Ксюши, сроднило ее с пантерой, готовящейся к прыжку.

– Ир, обрати пристальное внимание на «черный бу-мер»! В нем кто-то сидит!

Мне показалось, что Наташкин вопль слышат даже зрители за стенами цирка. Причем лучше, чем клоунов на арене. Ксюша протянула руку к мобильнику.

– Ой, Поинка, привет! – завопила я с не меньшей силой, при этом корча немыслимые рожи, цель которых – убедить Ксению в несвоевременности звонка давней приятельницы. Ксюшина рука дрогнула и опустилась. – Слушай, моя дорогая, мне сейчас некогда тебе

сочувствовать по поводу очередного загула твоего благоверного. Меня пригласили на встречу. Перезвонишь. Идиотка! – беспечно поделилась я с Ксенией мнением о виртуальной приятельнице, нажав кнопку блокировки мобильного.

– Дай телефон, я сама введу в него запасной номер. А то еще цифры перепутаешь. – Ксюша вновь протянула за мобильником руку. На сей раз слишком требовательно, и я покорно его отдала. – Он у тебя выключен!

– Конечно. Полинка же не успокоится, пока не переложит свою боль на чужие плечи. Знаешь, ты мне лучше запиши телефон на любом клочке.

Ксюша смотрела на меня с издевкой.

– Я с детства отличаюсь сообразительностью. Ты не такая простая, как стараешься казаться. Тебе только что звонила Майка.

«Наташку бы на мое место», – тоскливо подумалось мне. В подруге чудесным образом сочетались таланты всех великих актрис мира. Кстати, о подруге!.. Я молча выхватила у Ксении свой телефон, ввела пин-код, нажала кнопку вызова Наташкиного номера и, не дав ей выговорить «Алло?», заверещала:

– Полинка, извини, что отключилась. Встреча прервалась, появилась свободная минута, рассказывай про своего козла!

– Запросто! Сей момент! – Наташка мгновенно вошла в роль обиженной судьбой женщины, и я с деланным раздражением всучила аппарат Ксюше. С пожеланиями ни в коем случае не прерывать одностороннее вещание. Иначе мне с Полинкой до следующего утра мучиться. Она любит возобновлять жалобы с исходной точки.

По мере того как Ксюша слушала обвинения в адрес того единственного, которому Полинка отдала лучшие годы своей жизни, а также нападки на всех мужиков Москвы и Московской области, глаза ее округлялись. И такие решительные девушки, как она, могут оторопеть. Учитывая, что мировой запас мужской категории человечества данными регионами не ограничивался, Ксюше предстояло выслушать немало. В конце концов я погрозила ей пальцем, дав понять, чтобы ни в коем случае не отключалась, спокойно отошла к киоску, купила маленькую бутылку вроде как самой чистой воды в мире и с удовольствием ее ополовинила. Назад возвращалась неторопливо, с любопытством поглядывая на окружающий меня мир.

Из мысленно помеченного крестиком «БМВ» вылез весьма привлекательный мужчина в очках. Поигрывая ключами от машины, он внимательно наблюдал за Ксенией. Увы, ей было не до него. Заслушалась Наташкиными доказательствами особого способа происхождения мужиков.

Скорее всего, в очень недалеком будущем ей предстояло взглянуть на своего спутника другими глазами, вооруженными полученными знаниями.

– Охренеть можно! – выдала мне Ксюша и с облегчением вернула мобильник. Я поднесла его к уху, выслушала Наташкин лозунг о необходимости женской консолидации в части решения вопроса о норме потребления спиртных напитков на одну мужскую рабочую силу и удовлетворенно кивнула.

– Запиши обещанный мне номер телефона, – прошептала я одними губами, не отрываясь от мобильника, и для наглядности продемонстрировала желаемое действие рукой.

Девушка еще как следует не оклемалась от поучительной информации. Не глядя нашарила в сумочке какой-то листок, поцелкала своим мобильником и быстро нацарапала на листке цифры. Сунув конец ручки в рот, проверила правильность записи, удовлетворенно кивнула и добавила к ней еще что-то.

– Созвонимся! – сказала она мне и, помахав рукой, отправилась к переходу через проезжую часть на бульвар.

Я удивилась, положила переданную мне записку в карман и, перебив монолог подруги, заявила:

– Благодарю за службу! Объект направился к машине круглым путем. Пытается дурить голову. Действуем, как договорились.

Наташка угукнула в знак согласия и отключилась. Я опять заблокировала телефон и, не отрывая мобильника от уха, неторопливо пошла к метро.

Привлекательный молодой человек из «БМВ» сразу перестал брякать ключами и отправился следом за мной. Минут пять я стояла неподалеку от входа, время от времени кивая головой в такт несуществующему монологу и страдальчески закатывая глаза к небу – поддерживала иллюзию переговоров. Молодой человек упорно маялся у киоска с газетами и журналами. В отличие от Ксении, он и не подозревал о наличии у меня даже ограниченных умственных способностей. Во всяком случае, попыток спрятаться в толпе народа молодой человек не предпринимал. Рассчитывал, что мне и в голову не придет подозревать слежку.

Удостоив сыщика несколькими безразличными взглядами, я успела запомнить его на всю оставшуюся жизнь. Скорее всего, это и был Ксюшин жених, Буйков Тимур Георгиевич. Темные волосы, хорошая стрижка, тонкие, интеллигентные, но истинно мужские черты загорелого лица. Удачно подобранные очки, за которыми не видно глаз. И чувство собственного достоинства, перехлестывающее через край настолько, что

его фигура выглядела неестественно в оживленной толпе народа, снующего как муравьи на субботнике. Он явно привлекал к себе внимание.

Воспользовавшись моментом, когда молодой человек отвлекся на вопрос плотно упакованной в брючный костюм этак шестидесятого размера дамы, я шмыгнула за палатку с фруктовым изобилием. Один и тот же ассортимент по всей столице. Такое впечатление, что одна и та же палатка постоянно и незримо перемещается в пространстве. Импозантный преследователь, отболтавшись от дамы, с удивлением взглянул на то место, где меня уже не было. И даже вытянул шею, надеясь, что несколько дополнительных сантиметров помогут ему вновь узреть мой неповторимый образ. Затем беспомощно и суетливо стал оглядываться по сторонам. Суета ему совершенно не шла, делала смешным.

Оттолкнув любопытного гражданина, пытающегося выяснить, как доехать до Курского вокзала, он рванул к входу в метро.

– Во, времена настали! – услышала я за спиной женский голос, но оборачиваться не стала. – Парень-то, картинка! «Эта» его гораздо старше, а за нос водит! Проучил бы разок как следует.

– Дак, может, и проучил. Потому и бегают, – откликнулся второй женский голос. Немного скрипучий.

Не слушая продолжения, я торопливо отправилась на заранее условленное место встречи с Натальей – маленький продовольственный магазинчик, где снова включила мобильник и проверила перечень входящих звонков. Как и предполагала, никто, кроме Наташки, мне не звонил. Но буквально через минуту раздался звонок от Ксюши. Я собралась с силами и с надрывом в голосе произнесла:

– Полина, давай обсудим твои проблемы позднее. У меня в метро мобильник барахлит, плохо слышно. Кроме того, тут со всех сторон толкают.

– Извини, Ирина, это Ксения, – неожиданно вежливо перебила меня Ксюша. – Я только хотела убедиться, что у тебя все в порядке.

– Ой, а я думала... А что у меня может быть не в порядке? Да я после тех двух стаканов «Мартини» в вагоне за радостное возвращение домой из Скандинавии нахожусь в состоянии постоянной и исключительной трезвости. Кстати, это норма моей жизни. Не терплю алкоголь, прямо как господин Кочнев.

– Кочнев его не терпит по особой причине, у него аллергия. Однажды кто-то по ошибке плеснул ему в чашку кофе ложку коньяка, так ему «скорую» вызывали. Майке с мужем очень повезло. Что бы в жизни ни случилось, не запьет! Ну пока!

Я так и застыла на месте, буравя невидящим взглядом обманчиво-розовые образцы мясных деликатесов.

Следуя за черным «БМВ» по другой стороне проезжей части Цветного бульвара, Наталья заметила Ксению, с остервенением отрывающую подкладку пиджака Шурика. Иномарка остановилась прямо перед ней. Водитель и не думал вылезать, чтобы помочь девушке занять место в машине. Казавшаяся врожденной интеллигентность была поверхностным покрытием и на манеры не распространялась. Он просто распахнул перед Ксюшей дверь. Но она не торопилась садиться, решительно направилась к ближайшей урне и с раздражением кинула в нее пиджак. Наташка успела сделать несколько правильных выводов. Первый – как мусорную урну не приодень, урной она и останется. Второй – «черный бумер» преследует по пятам не только она, но и неброская зеленая «пятерка», в которой сидит какой-то мужик. Замедлив движение, подруга остановилась немного впереди, дождалась, когда «БМВ», а следом и «Жигули», проехав мимо, свернут на Садовое кольцо, и только потом покатила за мной.

Скорее всего, Наташка преувеличила, рассказывая, как я, замерев на середине маленького помещения магазина, в невменяемом состоянии косилась на витрину с товаром, а два продавца и редкие покупатели с интересом косились на меня, гадая, давно ли меня выпустили из дурдома. Никто не угадал! Меня там еще не было. А когда подруга решила затмить собой витрину, я хорошо отточенным ранее взглядом упорно продолжала любоваться ассортиментом и сквозь Наташкину фигуру. Сама всего этого не помню, так что справедливо могу считать, что Наталья приврала. Кроме того, неизвестно, как поведет себя сама Наташка, после того как поделюсь с ней выводами. Нахмурившись, я мечтала только об одном – не позвонила бы Майка. Нет никакой готовности к разговору с ней. Пока. На всякий случай опять заблокировала телефон.

– Давай свернем в какую-нибудь подворотню, – миролюбиво предложила я подруге.

– Перестань корчить рожи! Твой нахмуренный лоб в сочетании с умильной улыбкой, сдобренной ангельским тоном, зрелище не для слабонервных. А я в данный конкретный момент очень слабонервная. Все время вижу булочку с завитушками. Зря не купила. Сейчас, если за ней вернусь, продавщица точно в такую же спираль скрутится. Жалко девку. И себя жалко. А зачем нам в подворотню?

Я молчала. На мой взгляд, достаточно красноречиво.

– Ир, ты ведешь себя так, что я начинаю верить в то, что посторонним людям «со стороны виднее». Не зря народ шушукался про дурдом.

– У тебя слуховые галлюцинации. Просто боюсь за твои слабые нервы – могут не выдержать того, что сейчас скажу.

– Я догадалась! Ты тайком от меня приобрела и слопала ту самую булочку, на которую я глаз положила. Мысленно, разумеется. Непорядочно, но от отчаяния не рехнусь.

– Все намного хуже!

Наталья промолчала, завела машину и медленно поехала вперед, внимательно изучая улицу. Ни одна подворотня ее не устроила. Кончилось тем, что мы выехали на Рождественский бульвар, а там уже подруга свернула в ближайший переулок. Этим дело не ограничилось, и она продолжала петлять до тех пор, пока не заехала в тупик, о чем растерянно и сообщила:

– Все! Тупиковая ситуация! Устраивает?

– Вполне. Держись за руль! Шурик вообще не пьет!

– Закодировался? И из-за этой «сногшибательной» новости мне надо было тратить сто граммов бензина?

– Наталья! Ты не поняла!

– Значит, ты не так сказала!

– Просто на твое мышление тупик плохо действует. Шурик вообще не пьет! У него аллергия на спиртное.

– Возрастное? Судя по поездке, он ее перерос. Погоди, погоди... Ты это к чему?

– К тому, о чем ты сейчас подумала. С Майкой был совсем не Александр Витальевич Кочнев!

– Да? А кто?

– Подставное лицо!

– Фига себе!

Наташка уставилась в бетонную стену. Сверху испуганно вспорхнула стайка голубей, разбавленная воробьями. Не иначе как монолит от Наташкиного взгляда задрожал.

– Кинь птичкам остатки моей виртуальной плюшки, которую ты нагло съела, – печально прошептала подруга. – Ничего не понимаю. Нет, понимаю! – Ее голос немного окреп. – Их же провожала толпа друзей. Хочешь сказать, что Кочневы обеспечили массовку с привлечением труппы театральной молодежи? За вознаграждение, естественно. Там даже съемка на видеокамеру велась. Тебе-то, конечно, не до этого было. Ты со своим стаканом в вагон ломилась. Но, если рассудить здраво, в определенной

мере тоже приняла активное участие в массовке. Только тебе не заплатили. В том числе за потерю товарного вида.

Я постучала кулаком по своей голове, имея в виду На-ташкину, плохо соображающую.

– Кочневых действительно провожала толпа друзей. Надо думать, с работы. И Шурик провожался самый настоящий. Теперь вспомни, как коллеги и друзья перепились. Ведь до последнего пили «на посошок». Причем каждый мечтал лично облобызать Шурика на прощание. Ему всю футболку растянули. Вспомнила?

– Да я и не забывала. – Наташка поерзала на сиденье и зачем-то потрогала ручку коробки передач.

– А лицо его ты в тот момент видела?

– Я видела исключительно тебя. Мысленно рядом со мной в тамбуре, фактически – на платформе. На фига ж мне было в тот момент на Шуриково лицо любоваться?

– А теперь вспомни явление супругов в наше купе после того, как поезд тронулся. Все нормальные пассажиры к тому моменту уже сидели на своих местах. Кочневых долго не было, вплоть до момента проверки билетов. А заявившись и увидев нас, Майка оторопела, тогда как Шурик являл собой образец безмятежности. Все правильно. До этого момента он меня и в глаза не видел и, следовательно, не знал о том, как я по их вине преодолевала трудности с посадкой. Майка испугалась, что я выражу сомнение в подлинности ее «супруга». После проверки билетов они тут же смотались и переехали в другое купе. Якобы к друзьям. Это к пожилой супружеской паре! Да эта парочка в силу своего возраста просто обязана быть занудной, напичканной бесконечными претензиями. О чем это говорит?

– О том, что чем старше, тем дурнее.

– Наталья! Ты можешь полностью въехать в ситуацию?

– Легко! – Наталья завела машину.

Я поняла, что надо «сбавить обороты».

– Нам по ту сторону бетонной стены не надо. Не по пути. Выключи двигатель, вытащи ключи из замка зажигания и дай мне.

Подруга с сомнением посмотрела на бетонную стену, послушалась и протянула ключи мне. Я моментально сунула их себе в карман. Пусть отлежатся.

– Ага, не по пути, – запоздалым эхом откликнулась подруга.

– Объясняю, – ласково пропела я, – Майка к нам в купе заявила с новым «Шуриком». И он выглядел странно аккуратно. Футболка все та же, но только она чудесным образом разгладилась, волосы причесались. Точно

и не побывал в цепких руках тусовки. Короче, вид такой, будто беспрепятственно шагнул в вагон с платформы и сразу сел на место. Скорее всего, в другом вагоне, откуда его потом и сорвали. А на освободившееся место сел настоящий – помятый и потрепанный Шурик с билетом до какой-нибудь Твери. Ясненько? Кстати, скажи спасибо, что я у тебя ключи забрала. Ты бы еще сто граммов бензина «на ветер» пустила!

Подруга ничего не сказала, потихоньку осознавая услышанное. Я ее не торопила. И очень обрадовалась тому выводу, к которому она пришла:

– Кочневы сменили купе, поскольку боялись, что мы заметим подмену. И весь спектакль с отъездом в турпоездку был рассчитан на толпу провожающих. В том числе видеосъемка. В случае чего, масса народа подтвердила бы, что Кочневы уехали в Скандинавию. Но как на границе не заметили раздвоение личности Шурика? На паспорте одна морда, на личности – другая.

– Думаю, все морды были одинаковы. Вспомни, как мы вообще оформляли загранпаспорта? Сдали документы и фотографии, получили готовые бланки. Поставили печати и отвезли в паспортно-визовый отдел. Никто в фирме фотографии с первоисточниками, в том числе на паспорте, не сверял. Ты еще волновалась, как бы твои снимки на мою анкету не приклеили.

– Просто я на своих фотографиях на редкость удачно получилась. Жалко портить.

– Не отвлекайся. Скорее всего, второго Шурика подобрали в масть основному. Одна беда, «намбе ту» – большой любитель выпить. Ну да кому до этого дело? Главное, что господин Кочнев в конкретное время отдыхал в конкретной загранице. Есть и другие варианты. Каким образом, например, преступные элементы, разыскиваемые следственными органами нашей Родины, увеличивают ряды уважаемых бизнесменов за рубежом нашей страны? Да по фальшивым документам!

– Ир, в бардачке пакет с семечками. А заодно и остатки печенья. Достань и насыпь птичкам. Булочку я тебе прощаю.

Мы вылезли из машины и долго наблюдали, как голу-бино-воробьиная шайка растаскивает семечки. Самое удивительное, что количество птиц быстро увеличивалось. Каким образом вновь прибывшие на расстоянии чувствовали «халяву»?

– Я себя в этой шумной компании чувствую белой вороной-благотельницей, – щедрой рукой Наташка сыпала в середину птичьего собрания печенье. – Знаешь, мне эта толпа со всем ее гомоном напоминает старые времена, очереди на отоваривание по талонам. – И без всякого

перехода спросила: – Как думаешь, для чего все это Кочневым нужно?

– «Обознатушки, перепрятушки», – вздохнула я и высыпала остатки семечек обделенной части пернатых. – Скорее всего, настоящий Шурик остался в Москве с определенной, заранее намеченной целью. Не исключено, что преступной. И никто не должен был заподозрить его в ее достижении. Но заподозрили. Ксения просила вызвать Майку на встречу словами: «От перемены мест слагаемых сумма не всегда остается неизменной». Думаю, это намек на подмену Кочнева. И второе, неподалеку отсюда клиника Склифосовского. Теперь я уверена, что не ошиблась. У Ленинградского вокзала намеренно сбили человека, которого мы называли Шуриком. Надо выяснить его судьбу, а если повезет, то и навестить. Давай заедем, а? Еще каких-нибудь сто граммов бензина, и кое-что прояснится.

– Хватит попрекать меня горючим! Ну вы, ребята, наглые! Все ноги оттоптали, скоро на голову сядете. Прямо, как члены различных комиссий перед праздниками. Кышь, самураи!

Подруга скомкала пакет из-под печенья, оглянулась в поисках урны, промычала «безобразие» и, сунув его в карман брюк, уселась в машину. Я быстро заняла свое место.

– А какого лешего нас несет к Склифосовскому? – любезно поинтересовалась она. – Это я к тому, куда подъезжать. К парадному крыльцу или сразу к моргу?

Я поморщилась.

– Наташка, нам надо в приемное отделение. Узнать, как себя чувствует Лузгин Павел Константинович, 1973 года рождения.

– Кто такой?

– Ты уже успела забыть личность, пострадавшую в результате наезда автомашины в день нашего прибытия? Димка уточнил данные несчастного. Теперь я просто уверена, что мне не померещилось. Это был искусственно клонированный Шурик. Он сыграл предназначенную ему роль, и его попытались убрать.

– Сволочи! – рывкнула Наташка, двинув по рулю кулаками. Машина испуганно мяукнула. – Ах ты, моя девочка, – опомнилась подруга, виновато погладив руль. – Извини свою непутевую хозяйку. Хозяйка очень расстроилась. – Она шмыгнула носом. – Вот теперь все встает на свои места: пиджак с кочневского плеча вместе с тысячей у.е. был предназначен клонированному Шурику в качестве платы за трансграничную поездку. Гм, не слабо звучит. Но если учесть опасные последствия... Гм, ну Кочневы! А такими порядочными казались! Сначала похитили и убили Горшковых, потом... Мы с тобой еще не знаем, что «потом»! А билет?! Просроченный

билет в славный город Тамбов на имя Ельцова Михаила Петровича?! А он-то кто такой? Искусственно клонированный Лузгин? Или дважды клонированный Шурик.

Я отняла у подруги связку ключей от квартиры, один из которых она безуспешно пыталась сунуть в замок зажигания.

– Вот как раз билет и вносит путаницу. Допустим, Шурик-2, он же Лузгин Павел Константинович, он же Ельцов Михаил Петрович, получив от Майки расчетную сумму и спяну сунув пиджак с деньгами в мою сумку, через пару часов после прибытия из Хельсинки должен был отправиться на скором поезде в Тамбов по имеющемуся билету. Но «не склалось»! Почему Майке было наплевать на деньги, зато не наплевать на какой-то просроченный билет? Она просила немедленно его спрятать.

– Правильно. По этому билету можно было выйти на личность поддельного Шурика.

– И кто это должен был сделать? Мы?

– Следственные органы, наверное.

– А каким макарон? И почему наш «клон» назвался в больнице чужим именем? Впрочем, не исключено, что именно оно настоящее. На его месте вполне можно было сказать правду. Задание отработал, деньги получил. Никто об этом не знает. Обыкновенный гость столицы, возвращающийся в родной город... Что-то я и сама запуталась. Летят перелетные мысли в разные стороны. Давай все-таки попробуем навестить раненого двойника господина Кочнева.

– Святое дело! – откликнулась Наташка. – Только у меня кто-то ключи от машины спер. Неужели вместе с печеньем птицам скормила? – промычала она, шаря рукой под сиденьем.

Я вытянула из кармана ключи и, звякнув ими, протянула подруге.

– Не ищи. Они у меня.

– О блин! А ты не знаешь, зачем я тебе их отдала? Впрочем, лучше не задумываться. И без того поводов свихнуться хватает. Так. Я предлагаю оставить машину на проезжей части и пешком отправиться к приемному отделению. Ты со мной, конечно, соглашаешься.

Через пару минут, когда мы с Наташкой нашли куда приткнуться, стало ясно, что у подруги сработали первичные навыки ясновидения, дара, которым она себя наградила самостоятельно. Что-то сродни самозванству, вызванному объективными причинами, основанными на прошлых злключениях. Мы припарковались почти рядом со знакомым «черным бумером» и «Жигулями» пятой модели, совершенно не стеснявшимися соседства с лоценым «иностранцем». Ксения, зажав в кулаке какие-то

листы бумаги, рыдала на плече у высокого светловолосого парня, стоявшего рядом с отечественным автомобилем. Высокий, ладно скроенный со спины (вид сзади) молодой человек осторожно поглаживал ее по голове и бормотал что-то утешительное. Личико нам, увы, так и не показал. Красавец мужчина, поигрывая ключами от машины, спокойно подпирал «БМВ», ожидая окончания сцены. Я сразу поняла свою ошибку, скорее всего, этот тип был простым водителем, а Буйковым Тимуром Георгиевичем являлся именно блондин из «Жигулей». И тут меня прямо холодный пот прошиб: Ксения говорила, что ее жених после исчезновения дяди стал руководителем фирмы. Там же работал Кочнев. Майка сетовала на гибель руководителя – он неделю назад вроде как утонул. Не остался ли Кочнев в Москве для того, чтобы помочь ему в этом нелегком деле? Алиби обеспечено турпоездкой. Помнится, в случае с исчезновением Горшковых у него тоже было алиби. И неужели Буйков чудесным образом всплыл? Как это говорится?... Ах да! Дерьмо не тонет. Нет, наверное, есть и другие объяснения.

Почувствовав легкий озноб, я слегка клацнула зубами. Наташка из солидарности вздрогнула. Тем временем Ксения оторвалась от плеча светловолосого, свободной от бумаг рукой вытерла глаза, шмыгнула носом и, громко приказав своему человеку возвращаться в офис, нырнула в салон «Жигулей». Блондин поторопился занять место водителя. На короткое время мелькнуло ничем особым не примечательное лицо. Разве только тем, что было уж очень озабоченное и нахмуренное. «Пятерка» тронулась с места, Наташка, не спрашивая у меня совета, рванула следом.

Ехали мы довольно долго. Судя по всему, Ксения не обманула. Ей действительно нужно было в сторону Волгоградского проспекта. Зачем? Мы с Наташкой перебрали несколько вариантов. Верным оказался мой – двойника Шурика перевели в другой стационар.

Въезд на территорию больницы допускался только по пропускам. Либо за отдельную плату, как пояснила опытная Наталья. Но мы с ней решили не светиться. Обоим казалось, что наша «Ставрида» уже в достаточной мере примелькалась «Жигулям», которые намеревались въехать в ворота. Свою машину мы оставили напротив въезда, но на другой стороне улицы и по пешеходному переходу рванули к воротам. У входа в приемное отделение скромно стояла зеленая «пятерка». Издалека было трудно понять, есть ли кто в машине. На всякий случай мы дружно развернулись и отошли на безопасное, с нашей точки зрения, расстояние.

– Ир, я так понимаю, тебе соваться в приемное отделение не стоит. Пойду я.

– Ты тоже достаточно проявила свою оригинальную натуру и внешность у ларька. Не удивлюсь, если какое-то время будешь являться Ксении в кошмарных снах.

На споры ушло достаточно времени, но нельзя утверждать, что даром. Ксения со своим спутником долго в больнице не задержалась. Вышли не очень веселые, но спокойные, сели в машину и долго что-то обсуждали. Мы уже решили приглядеть поблизости какую-нибудь лавочку, когда «пятерка» взяла да и уехала. Наташка настояла на своем: в справочное окошко обратится именно она. Довод был весомый: «А мало ли что?» Мне надлежало скромненько стоять где-нибудь в уголке, маскируясь под скрытую видеокамеру, и фиксировать все!

«Непознанное» началось почти сразу. Едва Наташка поинтересовалась, куда поместили травмированного Лузгина Павла Константиновича, как Белоснежка в форменной одежде запросила тайм-аут и ненадолго вышла. Затем в помещении появились два серьезных молодых человека и вежливо, но настойчиво попросили подругу отойти в сторону. Наташка покрылась пятнами, но возмущаться не стала. Последнее обстоятельство охладило мое стремление прийти ей на помощь. Показалось, что она в ней не нуждается. Но на всякий случай я просто осторожно приблизилась.

– Вы явились навестить Лузгина Павла Константиновича. Скажите, пожалуйста, кем он вам приходится?

Вопрос прозвучал прямо-таки задушевно, если не видеть бесстрастное лицо человека, его задававшего. Мне он не понравился. Сразу зачесались ладони. Аллергия! Как у настоящего Шурика на спиртное.

Пятна на Наташкином лице заалели еще ярче.

– Как это кем? – заорала она, невольно привлекая к себе внимание окружающих. Из очереди в справочное окно на нее зашикали, призывая к порядку. – Козлом! Понятно?! – Наташка и не думала убавлять громкость. И вдруг ее пробило на слезы: – Сволочь носатая, полтора месяца за мой счет у меня жи-ил. Одеда, обула-а-а, – подруга всхлипнула, полезла за платком и заговорила нормальным голосом: – Нет, это он меня обул! Слинял, гад, прихватив с собой деньги и вечную память пятого по счету мужа – золотые запонки его деда. Неделю ищущу, все больницы, все морги обзвонила. Нет такого козла – Лузгина! Здесь вот только один нашелся, правда, молодой. Да еще Павел Константинович. Моего-то Альфредом звали. Но тоже Константиновичем. Может, ему память машиной отшибло? Вот, хочу посмотреть, не мой ли Альфред под повязками здесь от возмездия прячется.

Наташка примолкла, насупилась и неожиданно вцепилась в воротник

рубашки коренастого, широкоплечего типа, который стоял чуть ближе к ней.

– Я догадалась! Вы из фирмы ритуальных услуг! Ой, мамочки родные!!!

Тщетно бедняга пытался стряхнуть с себя Наташку, сквозь зубы уговаривая ее заткнуться по-хорошему. Второй беспомощно топтался рядом, пытаясь ухватить ее за руки. Наташка ловко уворачивалась и при этом обзывала его нахалом и мародером. Немногочисленные посетители, забыв, по какому поводу явились в эту обитель страданий и надежд, с интересом наблюдали за происходящим. Все кончилось в один момент, как только подоспела штатная охрана. Наташка выпустила галстук слегка придушенного молодого человека и, смахнув вновь набежавшие слезы, прошептала:

– Проводите меня к нему. Я хочу посмотреть на его тело, прежде чем оплачу вам расходы по погребению. – Она снова повысила голос: – Чужого хоронить не буду! – И качнулась в сторону поправлявшего галстук парня с явным намерением упасть к нему на грудь и зарыдать на весь территориальный округ столицы. Он отшатнулся и прытко сиганул в сторону.

Наташку повели внутрь. Я маялась неизвестностью, меряя шагами помещение, раздавая справки по поводу справочной, и иногда выходила на улицу. Пока не сообразила, что «скрытые видеорекамеры» так себя не ведут. С другой стороны, поток посетителей постоянно обновлялся и никто особого внимания на меня не обращал. Время тянулось так, как никогда не тянулось по утрам рабочих дней. Особенно когда вставать не хотелось.

Сообразив, что подруга выйдет не одна, я выскочила на улицу и поплелась к переходу. Не стоит нам показываться вместе. Но тут меня одолели сомнения – а выйдет ли она вообще? Ежу понятно, повторный процесс становления Лузгина как личности на ноги после того, как его сбilo с ног машиной, контролируется не только медперсоналом больницы. Меня невольно понесло в обратную сторону.

– Совсем ослепла?! – оттолкнув меня к двум подросткам, заорала не своим голосом приличная с виду женщина в бежевом костюме, немного ей маловатом. Хотя откуда я могу знать, какой у нее «свой голос»? – Овца кружная! По ногам топчется! – И, заскакав на одной ноге, она принялась оттирать белоснежным платочком с бежевой туфельки невидимый след от моей ноги.

Подросткам я на фиг не была нужна. На какой-то миг испугалась, что отфутболят меня в сторону, но нашелся доброволец, спасший меня от такой угрозы.

– Вы что тут людьми прямо в лицо швыряетесь?! – заорала Наташка, одновременно обеспечивая мне устойчивость. – Думаете, если клиника рядом, так можно всех подряд калечить?!

– Она мне туфли испортила! – вскинулась дама. – Шла, шла. И вдруг развернулась, налетела, как взбесившаяся лошадь, чуть с ног не сбила!

– Правил не знаете? Надо было дистанцию держать. А судя по виду вашей обуви, вам на туфлях только микробов подавили. – И повернула голову ко мне. – Не ушиблись? Об молодых людей. Впрочем, вам просто нечем ушибаться. Помочь перейти на ту сторону?

Я признательно улыбнулась, заявив, что мне именно туда и надо, просто запуталась в поисках перехода. И позволила подруге взять себя под руку. Сделала она это достаточно бережно, но с такой силой увлекла меня вниз по ступенькам, что мое «спасибо!», скачущее вместе со мной, растянулось до их окончания.

– И чего тебя туда-сюда носило? Хоть бы под ноги смотрела, на какую обувь наступать. Можешь мне поверить, туфельки у дамочки очень дорогие. И сама она – вылитая донна Роза из Бразилии, где с ее отъездом на одну обезьяну стало меньше. На тебе ключи от машины, – увлекая меня в конец перехода, заявила Наташка, незаметно сунув их мне в руку. – Идешь и садишься за руль. Трогаешься с места, проезжаешь метров пятьдесят и ждешь меня. Я пока осмотрюсь. Вроде все нормально, но кто его знает.

– Я тебя лучше здесь подожду. Вдруг будет некуда машину приткнуть?

– Блин! Обеспечишь аварийную остановку! Только не врежься в иномарку. Знак в багажнике валяется. – Она нагнулась поправить туфельку, затем выпрямилась и равнодушно посмотрела назад. – Наверное, зря паникую. Ну хорошо, садишься в машину, но с места не трогаясь. Ждешь меня.

6

– Ириша, открывай!

Радостный голос подруги заставил меня вздрогнуть и выйти из состояния оцепенения. Под рабочий дорожный гул я незаметно окунулась в воспоминания о недавней поездке. Шум мне несколько не мешал. Как назло, Майка так и не перезвонила. Да кто ж они такие вместе с настоящим Кочневым? А эта странная эсэмэска, в которой говорилось про опасность! Неужели она от Майки? Нет, не похоже.

– Ну ты, подруга, даешь! Все двери закрыты, а оба окна нараспашку. Да любой угонщик запросто проникнет в машину, выкинет тебя за ненадобностью и... Впрочем, нашу «Ставриду», в первую очередь, не угонят именно за ненадобностью. Если только из-за тебя. В таком случае машина в нагрузку пойдет. Я купила отличный виноград. Надо же было чем-то себя занять пока фильтровала этот пропускник, подземный переход. Чуть не окосела от напряжения. Ир, ну я тебе просто поражаюсь! Подруга, можно сказать, явилась с передовой, а ты спокойно сидишь и ждешь, когда она начнет делиться ужасами ближнего боя. Я бы тебя уже растрясла, как грушу. Ладно, не оправдывайся. Все прошло отлично, моя персона вне подозрений. Сейчас отъедем, чтобы не светиться, и расскажу. – Мурлыкая себе под нос какой-то веселый мотивчик, Наташка тронулась с места. – Теперь понимаешь, насколько я была права насчет первенства в справочной? Ты бы на моем месте сразу заледенела. Все-таки в моем лице мир потерял талантливую актрису. Так вживаюсь в обстановку спектакля собственной постановки! Вышла из отделения сама не своя.

Наталин рассказ увлек меня настолько, что я забыла обо всем на свете. Самое главное, о Димке. Следовало позвонить мужу и предупредить, что задерживаюсь, поиски подходящих штор утонули в огромном океане предложений. Раньше, бывало, побегаешь по магазинам и либо успокоишься за отсутствием подходящей ткани, либо выберешь из пары зависевшихся образцов наименее страшенький – и нормально. Дома прикинешь, убедишь себя, что ткань по цвету подходит к будущим обоям или тапочкам, и опять-таки успокоишься. А ныне ассортимент такой, что глаза разбегаются в разные стороны. Посему трудно сосредоточиться на чем-то одном.

Наташка начала с того, что отправилась с охраной в отделение интенсивной терапии, где лежал Лузгин, с одной-единственной целью:

свернуть по дороге в женский туалет, закрыться и вызвать туда наряд милиции. Но план почти сразу претерпел изменения. Едва она в составе двух сопровождающих вошла в коридор отделения, стало ясно, что до туалета гораздо дальше, чем до палаты, дверь в которую перед ней гостеприимно распахнули.

Охранники, люди Ксении, стоят на посту у постели больного со вчерашнего дня. Именно вчера Ксения Львовна отыскала его в клинике Склифосовского и перевела в эту больницу. Сегодня заезжала проведать беспмятного больного и привезла с собой кучу документов из клиники. Этим заявлением охранники пытались убедить взбалмошную дамочку в том, что больной не бесхозный, Альфредом не именуется и если бы был в сознании, откликнулся на имя Ельцова Михаила Петровича.

В какой-то момент Наташка решила, что Лузгину-Ельцову повезло – палата была отдельной. Один из охранников, памятуя Наташкину железную хватку, на всякий случай предупредил, что срывать больного с кровати вместе с матрасом и капельницей не стоит. Он все равно без сознания. Подруга, потирая от волнения руки, решила, что быстренько не узнает в больном своего Альфреда и обойдется без женского туалета. Сразу в лифт и на свободу! А вслух возблагодарила Всевышнего за то, что вымышленные запонки ее вымышленного пятого мужа возможно еще и вернутся назад.

Голова пострадавшего была капитально замотана бинтами. На лице чернели синяками два закрытых глаза, выгодно оттененных на фоне слегка распухшего носа и сухих, потрескавшихся губ. Наташка, отметив резкий контраст между синяками и бинтами, мысленно заретушировала первые и сразу опознала в несчастном человеке Шурика, составившего нам компанию в недавней туристической поездке. Правая его рука, находившаяся под капельницей, обреченно лежала поверх одеяла и вызывала острую жалость.

Подруга оглянулась на двух внимательных наблюдателей и, почувствовав прилив злости, резко заявила:

– Ну, что уставились? Не пойму, мой или не мой. Ему морду разбинтовать нельзя?

Получив отрицательный ответ, она низко наклонилась над Шуриком, невольно загородив его от охранников и тут, что называется, дала маху, шепотом обозвав его не Альфредом, а Альфонсом. На секунду замерла, но крепкие умом ребята ничего не заметили. Зато Наташка заметила, как дрогнул, а затем слегка приоткрылся правый глаз Шурика. И смотрел он на нее этим глазом вполне осознанно. Подруга в свою очередь прищурилась,

указала глазами в сторону охранников и запричитала: – Это же я, праздник, который почти всегда был рядом с тобой! Ох, глазоньки твои не открываются-а-а, бесстыжие!

Шурик мгновенно все понял, уснув и правым оком. В это время открылась дверь палаты и вошла медсестра с эмалированным подносиком, в котором лежал шприц. Охрана невольно отвлеклась на нее.

– Да скажи же мне хоть слово, голубчик, ты это или не ты! – продолжая надрываться, Наташка прилипла ухом к губам Шурика и услышала тихое:

– По Ярославке. Направо. Деревня Вербная, десять, помогите, убьют, Майке...

На этом связь оборвалась. Медсестра завопила, требуя немедленно снять с больного ненормальную бабу, охранники кинулись к кровати, намереваясь рывком оттащить Наташку в сторону. Но она уже и сама вскочила:

– Только без рук! А то как шарахну капельницей! Куда попадет. Мне чужого не надо. Только вечную память о пятом муже, который, гад, в Америку укатил! А этот доходяга не мой гражданский муж! У моего морда пошире была, а губы поуже. Синяки попутали, любимый все время с ними гулял, под темными очками маскировал.

Наташка одернула на себе одежду и, сделав предостерегающий жест ладонью, строго сказала охранникам:

– Не провожайте. Я очень расстроена. Могу и в глаз заехать. – И всхлипнула: – Последняя надежда оборвалась! – Сунув нос в платочек, пошатываясь, покинула палату. Вслед ей неслись возмущенные реплики медсестры.

Она медленно шла к лифту, слыша за спиной чьи-то тихие, но такие настойчивые шаги! Лестничная площадка была пуста, и она уже созрела для того, чтобы дать отпор провожающему громким воплем, резко обернулась, но никого рядом не было. Все правильно, у страха глаза велики. Уши тоже. До последнего момента подруга не верила, что никто ее не преследует. Отправив меня в машину, встала в очередь за фруктами. Оттуда можно было безнаказанно наблюдать за довольно обширной территорией, чем она старательно и занималась. Поэтому, когда подошла ее очередь, никак не могла сообразить, за чем стоит. Так и купила два килограмма винограда. Один мне. А все пополам!

Не выдержав, мы остановились, помыли янтарные кисти оставшейся в бутылке минеральной водой и в один присест умяли половину винограда. На душе стало легче.

– Еще бы мороженого, – мечтательно проронила Наташка. – И поедем в

Вербную. Черт с ними, с запонками. Ни за что не оставлю Альфон... тьфу ты, Альфреда в палате, где он даже не может позволить себе прийти в сознание. Ну, чтобы совсем не потерять. Эти два амбала только и ждут, когда он откроет глаза. Надо узнать поточнее, где эта Вербная. Только без заезда домой, много времени потеряем. И нервов. Сейчас позвоню Полинке. Будем надеяться, что это сказочное место не в Сибири. Туда бензина и денег не хватит. Ты что молчишь?

– Думаю, что соврать Димке.

– Нашла о чем беспокоиться. Ща мы твоего Ефимова нейтрализуем!

Наташка выудила мобильник и меньше чем через минуту уже болтала с моей свекровью, включив динамик. После дежурных фраз о здоровье быстро перешла к делу: – Мария Ивановна, Славик с Леночкой уехали?

– Уехали, Наташенька. У Славы в семь часов свидание. Что-то случилось?

– Да нет, почти ничего. Мы с Иришкой за шторами бегаем. И мне сейчас подарили два билета на камерный концерт. На вечер. Ужасно надоела застойная музыка моющих кастрюль. Хотели душой отдохнуть, но она не решается обижать Диму. Я вам тайком от нее звоню. – Подруга выразительно взглянула на меня.

– Наташенька, а при чем тут Славик?

– А Славик при машине. Если вы попросите Диму приехать и переночевать на даче, ему будет удобнее на ней добираться. Сегодня до вас, а завтра утром – на работу. Хоть и не мешает изредка ходить пешком, сорок километров для первого раза все-таки многовато. А электрички расписание путают.

– Я поняла. У меня был гипертонический криз, скажи Ирине, чтобы не волновалась. Надеюсь на ваше благоразумие. Попроси Ирину утром мне перезвонить.

Бабуля отключилась, и Наташка, сжав губы в трубочку, покивала головой в такт своим мыслям:

– Тебе очень повезло в жизни. Редкая свекровь верует в исключительную порядочность своей невестки. Кстати, моей невестке тоже повезло. Хотя бы в том, что она от меня далеко. Все люди как люди, а мой Лешик женился за тридевять земель! А как нам всем было бы весело в нашей двухкомнатной квартире!.. Может, мне переехать в Данию?

Мимо проехала поливальная машина, вздымая перед собой кучу пыли, мелких брызг и оборвавших связь с деревьями листьев. Следом за ней шли еще несколько.

– О блин! И ведь не скажешь на прощание с пафосом: «Прощай,

немытая Россия!» Подруга быстро подняла стекло, удовлетворенно взглянула на себя в зеркало, поправила волосы и заявила: – Ну что ты пригорюнилась? Лирическое отступление закончилось. «Я остаюсь с тобою, родная моя сторона!» Еще пара минут, и звони Ефимову. Доложишь, что вся из себя никакая, но все равно заедешь еще в пару магазинов. Дались же тебе эти шторы!

Мой звонок застал Димку в бегах и сборах. Я даже слова не успела сказать. Голос у него был расстроенный, и этим расстроенным голосом он велел мне немедленно возвращаться домой, мы едем на дачу, поскольку нашей бабуле плохо.

– Пока мы до дома доберемся, – проорала Наташка, с недовольным видом обзвывая потолочную обивку машины, – пройдет три часа. Самое время! Все с дач возвращаются, на кольце пробки.

Мне оставалось только молчать. Димка, на которого речь Наташки и была рассчитана, в ответ проорал, что нечего было так далеко забираться.

– Ир, вылезай и иди пешком! Может, быстрее будет, – не осталась в долгу подруга.

– Не вздумай вылезать из машины! Утром я за тобой домой заеду. Черт, все не как у людей! Целую.

Где-то «про людей» я уже слышала.

– Ну вот и поговорили, – удовлетворенно заметила Наташка. – Вроде как заочно. А тебе толком даже заикнуться не пришлось. Достань карту и попытайся найти иголку в стоге сена под названием Вербная, а я прозвонюсь Полинке. Может, она быстрее отыщет.

В результате активных поисков Вербная оказалась в пятидесяти двух километрах от Москвы. Не ближний свет, но все-таки...

– Четвертый час, – вздохнула Наташка, выбивая пальцами барабанную дробь на руле. – Авантюра, конечно, но хоть совесть чиста будет. Кроме того, приятно посмотреть, как все томятся в автомобильных пробках на пути в столицу, а мы покатым мимо со свистом.

– Со свистом не надо. Денег на все свистки не хватит.

– Да брось ты, Ир! Гаишники те же мужики, только первобытно-общинного склада. На уме одна добыча. И на охоту тоже с дубинкой выходят. Просто за века ее усовершенствовали и жезлом обозвали. Дай сюда карту! Будем искать «пьяные» дороги. В объезд «трезвых».

Почти час мы выезжали из Москвы. Наташка слишком поторопилась порадоваться свободе продвижения. В конце концов выбрались на узкое шоссе, на мой взгляд, слишком уж «пьяной» во всех отношениях дороги. Встречающиеся на пути многочисленные знаки ограничения скорости

казались форменным издевательством, поскольку в иных местах ехать с ограничением в шестьдесят километров могли только самоубийцы. Предел – тридцать километров, но и такую скорость можно было считать лихачеством. В основном плелись со скоростью телеги, в которую запряжена притомившаяся лошадь. Казалось, ремонтным отрезкам дороги, просто рытвинам, ямам и канавам не будет конца и края. Я мрачно рассуждала о том, что нам крупно повезет, если к моменту Димкиного утреннего прибытия за мной успею хотя бы забежать домой и умыться. Но километров через двадцать дорога пошла ровнее, настроение улучшилось, и я охотно глазела по сторонам, удивляясь тому, как плотно застроено Подмосковье. Бывшие поля превратились в коттеджные поселки. Стало ясно, что именно масштабное строительство послужило основной причиной расхлябанности дорожного покрытия. Старые деревенские дома, гнездившиеся вдоль дороги, пугали своей ветхостью, убогостью и наводили на мысли о том, что в них доживают свой век точно такие же хозяева. Впрочем, иногда мелькали вполне приличные домики.

– Наверное, все сносить будут, – мрачно предположила Наташка. – Не деревни, а призраки. Сейчас приедем в эту Вербную, а там еще страшнее. Лично я одно не понимаю, почему бы нашему болезному Шурику не попросить меня организовать ему убежище в милиции? Ах да! Там капельниц нет. И свободных единиц для постоянного дежурства у кровати. Ир, ты постоянно молчишь! Только не говори, что опять думаешь. Пора бы что-то конкретное надумать. Надумала?

– Водички бы.

– Есть жидкость для промывки стекол, но она тебя не устроит. Жди остановки у ближайшего магазина.

– Да мне, собственно, руки ополоснуть. До того липкие после винограда, что скулы сводит.

– В бардачке пластиковая упаковка с ароматизированными салфетками. Значит, ничего не надумала.

– Почему не надумала? Только то, что скажу, тебе не очень понравится. Нам надо украсть Шурика.

– В смысле, моего Альфреда?

– Пусть уж лучше он останется Шуриком. Хотя мы знаем, что зовут его Михаилом Петровичем Ельцовым. А настоящего Шурика – Кочнев Александр Витальевич. Или просто Саша.

– Вот уж, действительно, разговорилась! Нет, моя дорогая. Приедем в Вербную, сообщим обитателям дома номер десять, что Шурик в больнице и готовится к смерти. Но не самостоятельно. А они пусть дальше сами

думают, куда им обращаться и как его называть.

Я смотрела на мелькающие за окном деревья. Многие еще храбрились, сопротивлялись осеннему призыву, всеми силами удерживая остатки зеленой молодости. Другие сменили окраску, подстраиваясь под грустное время года в надежде, что их за покладистость оставят в покое. А некоторые вообще сбросили всю листву, решив не сопротивляться судьбе. Вот так и люди. Есть твердые характером, волевые, их не согнут никакие обстоятельства. Есть приспособленцы – безвольные, просто плывущие по течению жизни, покорные обстоятельствам, находятся и откровенно трусоватые натуры.

– Мама дорогая! Ир, ты только посмотри, куда нам надо сворачивать!

Я мигом стряхнула с себя «осенние мотивы» и уставилась на приближающийся указатель: «Вербная, 25 км». Дорога уходила прямо в лес. Такое впечатление, что ей пользовались не чаще, чем два раза в год. И то случайные люди, заблудившиеся в потемках. Раз – по направлению «туда», второй – не задерживаясь, «обратно».

– Такого я даже в «Медвежьем углу» не видела.

«Ставрида» осторожно съехала на лесную дорогу. Зашуршали старые еловые и сосновые иголки, лежащие вперемешку с сухими листьями.

– Кажется, ям нет. Грибников тоже. Можно прибавить скорость.

Ельник кончился, стало просторнее и светлее. Все-таки береза – удивительное дерево! Я позволила себе авторитетно заявить, что места здесь и в самом деле грибные.

– И гиблые! – отрезала подруга. – Останавливаться и вылезать не будем. Пока наша телега не застрянет. Вот будет ужас! Нас всего только двое, из них я – всегда правая ведущая, ты – левая крайняя. По совместительству еще и нападающая. Тебе, в случае чего, и толкать, и от врагов отбиваться.

– Типун тебе на язык и два под язык! – разозлилась я. – Это же надо из обыкновенной поездки ужасняк сре-жессировать! Место замечательное. Да теперь таких днем с огнем не найдешь. Уверена, в деревеньке Вербной полно новых коттеджей. И вторая дорога имеется, асфальтированная. Просто у тебя карта старая, доперестроечная. Все давно уже носят по асфальту, а этой, экзотической, не пользуются. Жми на газ, нет тут никаких ям!

– Ирка, не нервируй меня. Успокоила и ладно. Надо знать меру. Смотри-ка, впереди то ли поле, то ли поляна. Полянка! С цветочками. Блин, жалко, времени мало, не разгуляешься. Ир, ты высунись в окно, как я, и дыши глубже. Фитотерапия! Блин!!! А говорила, ям нет.

Послышался легкий треск, и нас ощутимо тряхнуло.

– Ну ты бы вообще по пояс из машины высунулась! Нанюхалась! Куст задавила. Сдай назад.

– Надо же, как наша «Таврия» ошалела! Давно не выезжала на природу. Захотелось быть к ней как можно ближе. Кустик поцеловала, – ворковала ничуть не раскаявшаяся подруга. – На обратном пути мы его проведем. Надо будет водички набрать, заодно и польем.

Оставшиеся до деревни километры мы горланили песни вместе с «Авторадио», благо никто этого не слышал. Настроение было приподнятым. Неоконченная песня оборвалась прямо перед мостом через небольшую речушку. Пришлось остановиться. Обследование шаткого сооружения показало, что он не очень надежный.

Сразу взгрустнулось. Сама деревня, вытянувшись в ленточку, хорошо просматривалась на расстоянии не меньше километра. Идти пешком не хотелось. Расставание с транспортным средством было равносильно расставанию с надеждой слинять из деревни в любую неблагоприятную минуту. С машиной под боком как-то надежнее.

– Эй, девки! Чё кумекаете? По мосту не ездите, провалится, – послышался с того берега речушки громкий голос. Самого его обладателя видно не было.

Я усиленно потерла руками лоб, внимательно вглядываясь в прибрежные кусты.

– Водяной! Вылез на солнышко, перегрелся и испарился. Из опознавательных знаков один голос остался.

– Хоть что-то, – обрадовалась Наташка. – Эй, дяденька Шаляпин! А как нам на тот берег переехать?

Кусты заколыхались. Явственно донеслось звяканье стеклянной тары.

– Направо в пяти километрах отсюда новый мост, а можно и через брод. Метров триста по берегу, коли налево свернете. – Со всей очевидностью голос принадлежал другому человеку.

– Спасибо! – крикнула в ответ Наташка. – Ир, у них, наверное, в кустах слет юных водяных. Слышишь, бутылками звякают? Это чтобы не дать себе засохнуть. Поедем сначала к броду.

«Водяной» не обманул. Берег пошел на понижение и вскоре стал совсем пологим. На мелководе, помахивая хвостами отдыхало стадо коров. Основная часть с шумом втягивала в себя воду. Остальные равнодушно жевали жвачку и смотрели на нас большими, красивыми глазами. Пастуха видно не было.

– Неужели примкнул к составу водяных? – испугалась Наташка. Выйдя следом за мной из машины, она предпочла держаться за дверцу. – Посмотри, здесь быков нет? Хотя кто их тут разберет. На морду вроде все одинаковые. Только шубы разной расцветки. Ты не знаешь, часто коровы

вообще бодают машины? И где этот местный ковбой шляется?

– Не знаю, – отмахнулась я, зачарованно переглядываясь с маленькой телочкой. Умопомрачительные глазищи «девушки» были опущены настоящими, густыми ресницами.

– Ир, ну что ты опять застыла? Стадный инстинкт сработал? Могу дать жвачку, встанешь на четвереньки, примкнешь к буренкам.

– Поехали. – Я развернулась и села в машину. – Только тихо, с коровьей скоростью. За своих сойдем. Жаль, нет багажника. Неплохо бы рога наставить.

Под колесами зашуршала галька. Наташка напряженно вглядывалась вперед, пытаясь угадать возможные ямы и промоины. Мне было велено «смотреть в оба» назад. Вдруг какой-нибудь бык опомнится и пойдет на обгон?

Переправа прошла довольно удачно, если не считать того, что мы едва не боднули небритого «ковбоя», замаскированного спецовкой под траву, как десантник, и мирно дрыхнувшего на поле. Возник он перед нами неожиданно, Наташка вовремя дала по тормозам, и я привычно ткнулась лбом в лобовое стекло, заметив, что и вправду, тише едешь, дальше будешь. От неприятностей. Минут пять продолжался обмен оскорблениями. Непроспавшийся ковбой в сердцах щелкнул кнутом и по округе пронесся звук настоящего выстрела.

– Фига себе! Так бы сразу и сказал, – проворковала Наташка, мгновенно срываясь с места. – Ну, если ему очень хочется, пусть считает, что последнее слово осталось за ним.

В общем-то, так и получилось. Измученный отдыхом ковбой проорал нам вслед, что за потраву колесами луговой травы нам еще предстоит ответить.

Деревня не ударила в грязь лицом, оказалась на редкость крепкой и радовала цветущими в палисадниках шапками георгинов. Ни одного покосившегося от старости дома! Некоторые реставрировались или перестраивались под небольшие коттеджи. Нам пришлось проехать в другой конец единственной улицы. Нумерация начиналась оттуда.

Десятый дом ничем особым не выделялся, если не считать того, что не был до конца докрашен насыщенно коричневой краской. То ли времени, то ли краски не хватило на половину застекленной терраски. На ступеньках крыльца сидела девочка лет пяти и увлеченно подстригала куклу. Реакция на наше появление была странная. Маленькая фигурка вздрогнула, ручки дернулись, и ножницы со стуком полетели вниз с крыльца. Следом упала кукла. Хорошенькое личико девочки, увенчанное завитушками льняных

волос, испуганно перекопилось от непонятного нам ужаса.

– Ой, какая хорошенькая девчущечка! – пропела Наташка самым ласковым голосом. Таким, какой у нее бывает с утра в день зарплаты. – Как тебя, котеночек, зовут?

– Стасик, – прошептал ребенок и с громким криком «мама!» полетел на терраску, не забыв захлопнуть за собой дверь.

– Кто там?

На крыльце выросла колоритная мужская фигура – крепкий мужичок в дорогом спортивном костюме с аккуратно подстриженной бородой и усами. Внимательные глаза за очками прищурились и с выжиданием уставились на нас.

– Это не мама, – шепнула мне Наташка, наклонившись и делая вид, что поправляет воротничок на моей кофточке, которого и в помине не было.

– Вы по какому поводу?

Надо сказать, вопрос прозвучал не очень любезно.

– По очень серьезному, – ответила я, не зная с чего начать и настойчиво выталкивая подругу на передний план. Она не замедлила поздороваться. Я сделать это просто не успела. Сзади послышалось грозное рычание, а следом в щель, образованную не полностью прикрытой дверью, удерживаемой мужчиной за ручку, показалась лохматая голова кавказской овчарки.

– Уберите собаку! – опомнилась Наташка. – Мало в Москве переселенцев и заезжих кавказских братьев, так еще и собак кавказской национальности заслали! Ир, не двигайся! Кажется, нас тоже боятся.

Насчет «не двигайся» Наташка погорячилась. Я давно уже замерла на месте, надеясь, что если этот «кавказец» все-таки выскочит, то непременно примет меня за столб, который, в крайнем случае, только пометит. В какой-то мере я стану для него «своей».

Бородач одной левой втолкнул собачью голову назад, закрыл дверь и с любопытством уставился на меня. Нравился ему манекен, в который я в считанные секунды преобразилась.

– Не отомрет, будете мне ее грузить в машину сами! – заявила Наташка. – Нам назвали ваш адрес и ничего более. Впрочем, была еще пара отдельных слов – «убьют» и «Майке». Поэтому дальше пойдет отсебятина. Не знаем, в каком именно обличье знаком вам человек, в настоящее время находящийся в больнице с многочисленными травмами и ушибами, полученными в результате наезда на него автомашины. Состояние не смертельное, но тяжелое. Это я вам как заслуженная медсестра говорю. Вначале он выступал как Шурик Кочнев, попав в больницу, назвался

Лузгиным Павлом Константиновичем, а в кармане...

Я немедленно покачнулась. Любой плохо установленный столб имеет на это право. Наташка ойкнула и умолкла, а потом еле выдавила из себя:

– В нынешнем своем состоянии этот человек должен быть зарегистрирован как Ельцов Михаил Петрович.

Лицо мужчины ничего не выражало. От удивления я совсем размякла.

– И что от меня требуется? – скучно спросил он.

– Скорее всего, обеспечить бывшему Шурику достойные похороны.

Меня так и подмывало наговорить этому равнодушному субъекту гадостей.

– Пострадавший соболезнований не принимает, за ним постоянно наблюдают охранники, и так просто к нему не заявишься. Ребята ждут, когда он придет в сознание, чтобы вытянуть из парня необходимые знания. А потом в его сознании никто нуждаться не будет.

– Пройдите в дом.

– А собака?

– Собака не тронет.

– Она точно это знает? – засомневалась Наташка. – Может, лучше здесь, на крыльце посидим?

– У нас и дома имеется на чем сидеть. Сейчас я ворота открою, машину во двор загоните.

Бородач исчез, а вместо него высунулась мордашка Стасика.

– А я знаю, это у вас «Таврия», – похвастался ребенок.

– Замечательно, – похвалила его Наташка. – В наше время такие машины редкость. Дети больше в настоящих иномарках разбираются. Ты чего перетрусил-то? Мы такие страшные?

– Не очень. Просто мне дедушка не велел с незнакомыми разговаривать. Если кто заговорит, сразу домой бежать.

– Пожалуй, наше с тобой детство было счастливее, – подруга обратилась ко мне за поддержкой. – Одни шоколадные подушечки чего стоили. И наешься, и вымажешься от души.

Дедушка не сразу возник на пороге:

– Загоняйте.

Наташка вопросительно посмотрела на меня и пожала плечами. Я ободряюще улыбнулась – на ловушку ситуация не тянет.

– Ужасно хочется пить.

Моя улыбка переадресовалась бородачу, только я ее слегка перекроила и сделала виноватой.

– Вы проходите, я мигом. – По возвращении хозяин расщедрился на

ответную улыбку. – Только покажу вашей подруге, где машину поставить и как войти в дом через двор.

Я даже не удивилась нахлынувшей на человека волне приветливости. Не зря же бородач так долго искал ключи от ворот. Кому-нибудь позвонил. А вот Наташка сначала села в машину не с той стороны, поэтому ее торжественный въезд во двор несколько затянулся.

В доме поразила чистота и обилие гераней. Бородача, как выяснилось, звали Арсением. Отчество и фамилию он не назвал, а спрашивать было неудобно. Отправив Стасика играть в другую комнату, он активно пытался накормить нас, «чем бог послал», но мы дружно отказались. Кто его знает, что именно и когда пришло ему в этой «посылке». Разбирало любопытство по части отсутствия в доме хозяйки, но опять-таки не стоило настаивать, а то и расстраивать хозяина такими вопросами.

– Хотелось бы разобраться во всем с самого начала, – мягко сказал он.

– Нам тоже! – отрезала Наташка. – Можно узнать, кем вы приходитеесь Шурику – Лузгину-Ельцову?

– Достаточно близким человеком. Могу сказать только одно – все это время был уверен, что Миша находится в Тамбове. К сожалению, жена только сейчас сказала мне правду. Как выяснилось, по совету родных и исключительно из добрых побуждений не хотела волновать.

– Достаточно близкий человек Ельцов наверняка посвятил бы вас в свои планы.

Арсений протестующе поднял вверх обе руки:

– Дамы, дамы! Давайте-ка вернемся к тому вопросу, с которым вы ко мне приехали. Мише нужна помощь, поскольку его могут убить. Будем считать, что меня не интересует, за что. Ясно одно – просто так не убивают.

После этих слов я тут же рассказала всю историю нашего знакомства с «Шуриком». И добавила отсебятину, то бишь собственный вывод о том, почему он назвался в больнице вымышленным именем. Просто знал, что его будут разыскивать те, в чьи руки не хотелось бы попадать. Тот факт, что Саша Кочнев отправился в турпоездку со своей женой Майей, сомнения не вызывал. По возвращении Кочнева хотели убрать с арены жизни. И здесь случился прокол. Человек, которому поручили эту грязную работу, отследил прибытие «четы» Кочневых в столицу. Только он не понял, что парочка сразу же рассталась. Михаил помог дотащить вещи Майи до определенного места, и, пока она маялась там, болтая по мобильнику и поджидая свою машину, Ельцов, посчитав свою миссию выполненной, отправился к стоянке такси, не подозревая, что попал под наблюдение. Со стороны это выглядело так: муж оставил жену с основными вещами, пока

не поймает такси или частного. Мишурику следовало прибыть к поезду на Павелецкий вокзал. Бедняга не знал, что перепутал сумки, сунув в мою свой пиджак.

Тот, кто пытался его убить, был уверен, что сбил Коч-нева, причем насмерть. Настоящий Кочнев такого и не предполагал. Продолжал себе жить своей интересной, в том числе и для особо любопытных преступников, жизнью. Думаю, это был очень неприятный сюрприз киллерам. Он привел их к новому открытию: в туристическую поездку с Майей ездил не Кочнев. Сам Ельцов не питал никаких иллюзий по поводу случайности наезда. И, несмотря на сотрясение мозга, успел сообразить, что Коч-невым ему представляться нельзя. Как и Ельцовым. Его так или иначе обнаружат, будет слишком много неприятных вопросов с еще более неприятными последствиями. Собственные анкетные данные тоже ни к чему – ниточка к родным людям, а в конечном итоге, опять к Кочне-вым.

Есть и другой вариант: Кочневы сами постарались убрать напарника. Вот только караулят его в больничной палате люди, работающие на другого хозяина. Почему бы Мише в таком случае не застраховаться от повторной встречи с Кочневыми и не рассказать бравым охранникам правду? Нет! Он их боится, упорно делает вид, что находится в бессознательном состоянии и питается исключительно физраствором из капельницы.

На вопрос мигом помрачневшего бородача Арсения, каким образом нам удалось проникнуть в палату, отвечала Наташка. А я с интересом наблюдала, как постепенно меняется выражение его лица. От сурового недоверия к искреннему восхищению. Подруга так разошлась, что едва не всплакнула по запонкам.

– А почему вы решили, что Мише в тот день нужно было ехать на Павелецкий вокзал?

Арсений спросил об этом вкрадчиво, даже ласково, но было хорошо заметно, как напряглись его сплетенные в замок пальцы.

– Да случайно услышали, как он говорил об этом Холму Рыцарей в Стокгольме, – безмятежно хихикнув, пояснила я и уставилась в окно.

Сама погода подавала сигнал к отъезду. Небо, еще недавно голубое, стали затягивать плотные облака. Осень начинала хмуриться.

– Ну, нам пора.

Встав с табуретки, я потянула за собой Наталью. Едва ли Арсений расщедрит на откровенность. Но тут он выдал такое, что мы с Наташкой плюхнулись обратно на свои места.

– Помогите мне вытащить Мишу из больницы. Медлить нельзя. А если хорошо подумаете, это и в ваших интересах. Так или иначе, вы причастны к

этому делу.

– Фига себе! Ир, за нашу благотворительность нам с тобой уже и «дело шьют».

В отличие от меня Наташка язык не проглотила.

– Вы недавно со своей печки упали, – укоризненно покачивая головой, попеняла она бородачу.

– Мне без вашей помощи не справится. Я заплачу!

– Да вы отроду сумасшедший. Вам и с печки не надо было падать. Как же это я сразу не догадалась! – шлепнула себя по лбу Наташка. – Этот ваш вариант даже не обсуждается! И как вы мыслите все проверить? Украсть больного, вдрызг переломанного человека под капельницей, даже не зная, что у него записано в истории болезни!

– Вот как раз об этом я и хотел вас попросить. Вы сказали, что работаете медсестрой. Значит, знаете весь больничный распорядок, а также конкретное место, где могут находиться эти самые истории болезни и в каком именно лечении Миша нуждается. Кроме того, мне нужно точно знать, где расположена палата.

– И это все? – откровенно удивилась Наташка. – А вы знаете, что отделение на ночь может закрываться на ключ? А охранники? Там же не один пост. Вы аферист.

– А если попасть в приемное отделение через «Скорую помощь»? – осенила меня светлая мысль. – Господин Арсений, как у вас дела со здоровьем?

– Надо прихворнуть, прихворнем, – бородач все понял с полуслова. – Только желательно обойтись без «скорой». У нас нет фирменных синих костюмов. Вполне подойдет и ваша машина. Допустим, вы подобрали меня с сердечным приступом почти у больницы.

– Точно! – обрадовалась я. – Лучше, если с приступом аппендицита. Легче притворяться.

– Ни в коем разе! – авторитетно заявила Наталья. – Нальем Арсению ударную дозу какого-нибудь сердечного средства, ему и поплохеет. Помереть не дадим, не имеет права.

– Ну, тебе виднее. Как правило, перед решением вопроса о госпитализации чуть живого больного осматривает куча специалистов. При этом они не торопятся. Ближе к ночи, тем более. Сказывается дневная усталость, ну и к тому же вечерний чай, разговоры. Ждут, когда у больного все само собой пройдет. За это время можно подготовить «на вынос» половину болящих. Нам так много не надо. Помнишь, как по «скорой» доставили Зинаиду в больницу? У нее стройматериалы, камни в желчном

пузыре, с места стронулись. Фельдшер сказала, что медлить нельзя, могут рассыпаться, потом собирать трудно. Так мы в приемном покое больницы два с половиной часа врача ждали. Зинка орала, как резаная без наркоза, а медперсоналу до фонаря. Они в ответ не хуже нее орала. Эх, еще бы белые халаты достать...

– Достанем, – уверенно заявила Наташка. – Прямо из багажника «Ставриды». Даже парочка зеленых хирургических костюмчиков есть. Правда, стареньких и рваненьких. Но в них же не на подиум. Сестра-хозяйка на тряпки списала, я парочку с собой на дачу и прихватила. Исключительно в этих же целях. Истории болезни наверняка в ординаторской или на сестринском посту. Обычно после обхода врачи передают их туда для исполнения назначений. Скорее всего, в столе под замком. А вот что с закрытой дверью в отделение делать? И охранниками. Я своим Альфонсом больше прикрываться не могу. Надо подумать.

Только я хотела заикнуться про газовый баллончик с приятным усыпляющим запахом, как Наташка стукнула кулаком по столу так, что я невольно язык прикусила.

– Есть идея! Вернее, не идея, а отмычка. Универсальная. Мне один сердечный воровской элемент подарил, когда ему ЭКГ делала. Перед операцией положено. Все жаловался на трудности своей профессии. Я ему по-человечески посочувствовала: электрокардиограмма отвратительная была, явная мерцательная аритмия на фоне ишемической болезни сердца, посоветовала «завязывать» с работой. Не ровен час, помрет в ходе активной трудовой деятельности. Он таким покладистым оказался. Я его даже за пределы кабинета проводила, вывела, так сказать, на прямую дорогу к правильной жизни. А дверь кабинета хло-обысть! И закрылась. Так этот профессионал меня в секунду выручил. Достал отмычку, и всего-то неприглядная металлическая загогулинка, сунул в замок и «Сим-сим» открылся. После этого мне отмычку и подарил.

– Ты мне об этом не рассказывала, – сухо сказала я. – Ну и как твой благодетель? Завязал с ремеслом?

– Завязал, – вздохнула Наташка. – В этот же день, после обеда. Обширный инфаркт – и он пошел держать ответ перед Богом. Пожалел его Всевышний, дал за раскаяние легкую смерть. Иначе только бы промучился лишнее время после операции. Давайте перейдем к нашему техническому оснащению. Отмычка валяется в бардачке моей машины. Правда, я ей пользовалась только один раз, когда пыталась снять металлическую крышку со стеклянной бутылки с минеральной водой. Получилось. Только открывалкой из перочинного ножа Бориса. И еще одно: на дело надо ехать,

когда стемнеет. Дежурные врачи окончательно притомятся и расслабятся до такой степени, что каждый вновь прибывший по «скорой» больной будет вызывать легкую озлобленность, тщательно подавляемую клятвой Гиппократа. Арсений играет роль больного, я, так и быть, санитарки больницы, которой выпала доля доставить нашего пациента из приемного покоя в отделение.

Мысленно я примерила на подругу халат санитарки и даже не стала застегивать.

– Санитарок с физиономией доктора медицинских наук не бывает!

– А мы ее неудачной косметикой подпортим, – Арсений разговорился. – Честно говоря, уже не знаю, кому можно доверять. Кроме вас, разумеется. Но, возможно, с нами поедет еще один человек. Он решит вопрос с частной охраной Михаила.

Я явственно ощутила, как волосы на голове встали дыбом, благо при короткой стрижке это не проблема. Во всяком случае, за свой внешний вид беспокоиться не стоило. Никого до смерти не напугаю. Вот если бы они у меня были длинными... Глазам открылось поле боя: «еще один человек» Арсения в белом халате, с черной маской на лице, вооруженный до зубов знаниями приемов каратэ, руками и ногами пробивает нам путь к больничной койке Михаила. С каждым шагом растет гора поверженных тел. Но почему-то никто не вопит и не стонет. Наташка идет следом. Носком туфли она брезгливо отшвыривает к хозяевам принадлежащие им и мешающие проходу верхние и нижние конечности. За ней с носилками в руках шествует Арсений. Я, облаченная в хирургический костюм не по размеру, пятясь задом, обеспечиваю нашей группе прикрытие с тыла. В руках у меня флакончик туалетной воды с изумительным запахом свежести альпийских лугов. И тут до моих ушей доносится строгий Наташкин голос:

– Арсений, а что будем делать со Стасиком? Он, кажется, ваш внук?

– Да вы оба сбрендили! Не смейте трогать маленького ребенка! – заорала я и распахнула глаза...

Наверное, мои коротко стриженные перед поездкой волосы чудесным образом выросли, ибо два соратника смотрели на меня с явным испугом. Невольно я пригладила растительность на голове ладонью.

– С добрым вечером, дорогая! – осторожно поздоровалась со мной Наташка. И обратилась к Арсению: – Представляете, что она может натворить, если нечаянно задумается, а потом очнется в больничном отделении? Может, ее со Стасиком оставить?

– Ни в коем случае! Я попрошу соседку присмотреть за ним. К утру все равно вернусь.

Следовало срочно сказать что-то умное и значительное. Я и сказала:

– Необходимо перевезти Стасика ко мне домой. Переночует с детьми.

– Он без меня не поедет, – отрезал Арсений.

– А в чем проблема? Поедет с вами. Оба переночуете, с детьми. То есть после того, как привезем Михаила. А куда мы его привезем? Меня муж убьет!

– Кстати! Ирина подала умную мысль! Куда мы потом Мишу-Шурика, сокращенно Мишурика, денем?

– Пусть это вас не волнует. Мы с приятелем перевезем его в другую больницу. За пределы Москвы. Там будет безопаснее. За Стаса не волнуйтесь. Я его к соседям пристрою. А сейчас вы вполне можете ехать домой. Встретимся у входа в приемный покой в двадцать четыре ноль-ноль. Я сам к вам подойду. Только не следует возвращаться в Москву старым путем. Доедете до конца деревни, увидите асфальтированную дорогу. По ней доберетесь до главного шоссе – километра два, не больше. А оттуда уже до Москвы рукой подать. На том и расстались.

Перешагнув порог собственной квартиры, я обессиленно уселась на полку под вешалкой. Навалилась такая усталость, как будто основную часть дороги протопала пешком. Предстоящая ночная поездка с похищением Михаила угнетала. Голова отказывалась соображать. Иногда приливная волна разумности пыталась активизировать сознание и заставить оценить кое-какие моменты, подмеченные при встрече с Мишуриком, но быстро отступала.

Я вяло порадовалась отсутствию в доме детей – не придется оправдываться за свое угнетенное состояние, покосилась на дверь ванной, подумав о бодрящем душе, следом пришли мысли о крепком зеленом чае. Эк меня прихватило! За короткое время глубоко укоренились Димкины наставления! В кухне на дверце холодильника висела записка: «Проверь мобильник! Я, если ты еще меня помнишь, твой сын, уехал с ночевкой к Людмилкиным родителям на дачу. Звонила Ленка, просила напомнить, чтобы дома ее тоже не ждали, на занятия поедет утром прямо от Насти. Пропал папик. Вместе с котлетами и машиной. Искать у бабули. Без котлет. Их наверняка нашли кошки или бабулины гости. Ма, сделай новые, проверь мобильник!!!»

Проверять его не было необходимости, просто разрядился. Я подумала, что сама судьба толкает меня на выручку Мишурика. Иначе зачем она обеспечила мне такие подходящие условия. Самое интересное, что я не могла понять, кого мы решили спасти. Жертву или соучастника преступления. Не стоит сомневаться, что вокруг нас идет ловля на живца. Живец – Мишурик, правда, не совсем живой. Ксюшин Тимур и его команда, скорее всего, пытаются отловить супругов Кочневых. Бородач Арсений не известно, на чьей стороне. Сам по себе, свой собственный? Никому не доверяет. Не исключено, что он просто хочет выручить Мишурика. Хотя «просто» так себя не ведут. Может, они родственники? Тогда зачем ему это скрывать? Обругал бы «племянничка», или кем там он ему приходится, по полной программе и, скрепя сердце, выразил желание вытащить его из бандитских лап. Не имеются в виду лапы, тьфу ты, добрые руки медперсонала.

Я медленно поплелась в душ. Стараясь больше ни на что не отвлекаться, отсортировала шампунь от геля и косметических прибабасов, которыми увлекается Аленка. Сообразительный Димка тщательно прячет

свою пену для бритья в шкафчик. Не единожды умные мысли, роящиеся в моей голове, уводили далеко в сторону от процесса помыва абы чем. А всем, что плохо лежит и не вовремя попадает под руки. Зубная паста в этой цепи – самое слабое звено. Я ее достаточно быстро распознавала, по запаху. А вот приобретенный Аленкой крем для уничтожения волос... Впрочем, в тот раз все обошлось без облысения. Аленка своевременно получила благую весть свыше, из кухонного шкафчика на нее выпал пластиковый поддончик с панировочной смесью, и дочь заявила в ванную смыть с лица и волос панировку в тот момент, когда я, зажмурившись, пыталась взбить в пену на голове этот самый крем для облысения.

Не выпуская из рук флакон с шампунем, включила воду и позволила себе снова задуматься. Допустим, Кочневы использовали Мишурика и предприняли меры, чтобы избавиться от него, как от ненужного свидетеля. Если Арсений связан с ними преступными намерениями, едва ли Мишурик решился бы обратиться к нему за помощью. Поручив кому-то устранение у вокзала «Шурика», впрочем, Кочнев мог взяться за это сам, он или Майка должны были убедиться в том, что жертва мертва. Несколько дней Мишурик бесхозным провалялся в клинике Скли-фосовского, откуда его перевезли в другую больницу помощники Ксении и Тимура. Именно эти «несколько дней» имелись в запасе у Кочневых, чтобы окончательно поставить точку в вопросе с «Шуриком». Они ими не воспользовались, а следовательно, дальнейшей его судьбой после расставания не интересовались. Имеется надежда на то, что о ЧП у вокзала, случившимся с ее «супругом», Майка не знала. Была уверена, что, получив тысячу долларов, он по заранее приобретенному билету катит на поезде в Тамбов. В этом случае Арсению, будь он даже сторонником Кочневых, можно доверять.

Я облегченно вздохнула и тут же расстроилась. Половина содержимого флакона с шампунем пенилась у моих ног. «Перевод деньгам!» – сказала бы бабуля. Кинув очередной виноватый взгляд на флакон, я немного приободрилась – внизу красовалась симпатичная кошачья морда. Судя по аннотации, шампунь являлся одним из лучших моющих средств для кошек, призванным эффективно удалять блох. Во всяком случае, это лучше, чем удаление растительности на голове. Следует серьезно поговорить с дочерью, стирает свою любимицу, так хотя бы после этого убирала на место шампунь. От нормальных членов семьи.

До намеченного к отъезду времени оставалась пара часов, которые хотелось использовать с толком. Я решила поближе познакомиться с

фирмой пропавшего в неизвестном направлении Горшкова. Хорошо запоминающееся название – «Реверс». Выйдя на сайт этой компании, я поняла, что основным видом деятельности фирмы была реклама. Помимо этого она занималась всем понемножку: имелась студия звукозаписи, работала школа ликбеза «Домашний умелец», в нескольких фирменных магазинах торговали автозапчастями и материалами для строительства и ремонта дома. В рекламном объявлении имелась ссылка на дату и номер лицензии. На всякий случай листок я распечатала, намереваясь утром позвонить в «Реверс» с работы. Если буду в состоянии сделать это. После напряженного воскресного дня еще более напряженная ночь! Многовато будет. Скорее всего, зря ломаю голову над всплытием Буйкова. Он мог вообще не тонуть. Мало других кандидатов в утопленники? Ошибочка вышла. А Тимур просто хорошо отдохнул на природе. Когда очухался, понял прописную истину – время и вправду быстротечно.

Я села на диван и включила телевизор. Как назло, потянуло в сон. В последнее время стала замечать, что под телепередачи очень сладко спится. Особенно под рекламные ролики. Что это? Приближение старости или усталость от слишком активного отдыха? С трудом разлепив глаза, я тупо уставилась на экран, где кривлялась молодая девица «в баранине». Овчинный полушубочек казался слишком кургузым и неказистым, а сама девица, изображающая великое счастье от его приобретения, такой же глупой, как та несчастная овца, память о которой так безбожно изуродовали. Следом забили разноцветные красочные фонтаны, перекрашивая все, что можно, в яркие, насыщенные цвета. Оставалось только дожидаться следующего ролика – рекламы «Ваниша», который, по логике вещей, должен смыть без следа все это яркое безобразие. Но тут на городской аппарат позвонил Димка, облегченно чертыхнулся и велел проверить мобильный телефон. Я хлопнула себя по лбу, все-таки забыла поставить на зарядку! Надо, пожалуй, вообще сменить батарейку. Зарядки на два дня не хватает.

Выслушав ряд поучительных наставлений в отношении мер безопасности, муж неожиданно выказал желание вернуться домой. Не хуже рекламной дивы, пару минут назад являвшей с экрана телевизора образец женщины, достигшей предела своих мечтаний, я выразила искренний восторг и желание немедленно сползть в универсам (после несчетного количества магазинов ноги уже не слушаются) и что-нибудь прикупить к ужину. Димка меня пожалел. Боюсь, не от всей души. Велел отлеживаться и укоризненно пожелал спокойной ночи. Я было хотела признаться ему в любви, но вовремя осеклась. После таких признаний муж запросто может

снести все преграды и вернуться домой в любое время ночи. Пусть уж остается слегка обиженным. Непорядочно, а что делать? Сонное состояние пропало сразу же после того, как выключила телевизор. А после зеленого чая, который запила кофе, вообще наступил пик активности. Предстоящая операция уже не казалась аферой. Я начала усиленно продумывать ее детали, удачно совмещая умственную деятельность с физической домашней работой. Через пару минут выяснилось, что подруга тоже не дремала. Влетев ко мне с махровым полотенцем на голове, продемонстрировала металлическую табличку с изображенным на ней номером автомашины.

– Во! Привинчу впереди, когда будем заезжать на территорию больницы. А задний номер замажем грязью.

– Где достала?

– Ну не украла же. Подарок судьбы. А может быть, какого-нибудь угонщика. Дней пять рядом с моей «ракушкой» валялась. Денька на нее надула, а я подумала, подумала и взяла. Еще приготовила резиновые перчатки, фонарик и полбутылки эфира.

– Какого эфира?

– Диэтилового, какого же еще.

– Это тот, который при операциях в качестве наркоза применяют?

– Темнота! Да сейчас полно лучших анестетиков с практически полным отсутствием токсичности.

– А эфир токсичен?

– Да еще как! Только не смотри на меня, как на орудие массового поражения! Я не собираюсь усыплять все отделение больницы. Это мой личный подарок охранникам, кровожадно дежурящим у постели Мишурика. Им к маскам не привыкать, примерят и эфирную. Не поможет, пустим в ход фонарик! Ир, мы не собираемся никого убивать. Мы спасатели. – Наташка на секунду озадачано прервалась. – О блин! В детство впала. Прямо Чип и Дейл.

А эфир у меня лет пятнадцать без дела в бутылке пылился. Надеюсь, не совсем выветрился. В свое время им масляные пятна выводила. К твоему сведению, это прекрасный растворитель жиров. Ну, хватит болтовни! Я думаю, обойдемся без париков. И так есть чем голову прикрыть. А вот макияж сменить придется. Так что подумай над своей внешностью. И очки не забудь. Лучше всего, бабулины.

– Я в них ничего не вижу, они плюсовые.

– Ничего страшного! Будешь держать направление на мой голос. Ты не

помнишь, зачем я к тебе пришла? Ах да! За кофе. Только что банку грохнула. А запах!.. Это тебе не диэтиловый эфир. Хочешь, зайди понюхай.

Наташка посмотрела на меня с надеждой. Довольно витиевато я отказалась. В том смысле, что и сама могу в любую минуту подобную же банку расколотить. Подруга нервничала не меньше меня. Вернее, больше. Я уже успела пройти подобную стадию. Спокойным, несколько нудноватым голосом заявила, что Арсений был прав, наше участие в этом деле носит сомнительный характер. И это только в судебных процессах по уголовным делам сомнения трактуются в пользу подсудимых. А нам господу бандиты навешают по полной программе. Им плевать, что мы без вины виноватые. И начала излагать ей доказательства в том плане, что другого выхода у нас нет. И не только потому, что необходимо спасти жизнь Мишури-ка. Заодно следует подумать и о своей. Когда больному не удастся больше притворяться, заинтересованные господа вытряхнут из него, загипсованного и забинтованного, все, в том числе и степень нашего участия в этой непонятной истории. Так или иначе, но мы заявили к нему в больницу, предварительно ее вычислив. К чему такое упорство? Инициатива в большинстве случаев наказуема. А тут еще тот факт, что у нас оказался пиджак Ми-шурика, но с пустыми карманами. И ведь именно от нас все ждут организации встречи с Майкой. Короче говоря, господа сопоставят все, что можно и в покое нас не оставят. Следует самим о себе позаботиться. А для этого нужны знания хотя бы основных обстоятельств дела. Попробуем вытряхнуть их, в смысле, расспросить о них Мишурика.

– Ир, а ведь у нас нет номера телефона Бороды! – встрепелась Наташка. – В смысле, Арсения. Как же мы так лопухнулись? И свои номера не сообщили.

– Я думаю, это он в первую очередь лопухнулся. Резидент из него никудышный. Наши номера ему хорошо известны. Так же, как и наша порядочность и незамут-ненность. Пока ты путалась в собственной машине в поисках рулевого колеса, он очень долго открывал ворота – успел позвонить и все необходимое выяснил. Скорее всего, у Майки. Только она могла отозваться о нас с хорошей стороны, как о людях, которым в крайней ситуации, на безлюдье, можно доверять. Но не исключено, что ошибаюсь. Он мог звонить и не Майке. Тады ой! Жаль, что сама она так и не вышла на связь. Действуем вслепую, а что делать?

Наташка повертела в руках мою банку кофе и эхом отозвалась:

– Действуем вслепую, доверять нам можно не только в крайней ситуации. А еще найдется достаточное количество людей, которые... Ладно, это к делу не относится. Что за бледнолицая отраву у тебя в

кувшине?

– Димкина суточная норма зеленого чая.

– Надо же! Жизнелюб Ефимов добровольно собрался лопнуть! Как думаешь, стоит оставить ему записку о вреде излишеств, или сам догадается? На одной из больничных коек своего отделения. Кстати, а не перевезти ли нам Мишурика в его больницу?

Я даже отступила. Если бы не мойка, отступила бы и дальше. И только намеревалась обругать подругу за бредовую идею, как она сама определила ее в качестве таковой.

– Перестань трястись! – строго заявила я, трясущимися руками отнимая у Наташки банку с кофе. – Давай-ка лучше сядем и продумаем весь план операции с самого начала. Я тут кое-что прикинула. Прецедент уже был.

Вспомни, как угнали из больницы каталку вместе с будущей графиней Дашковской-Келлер?!^[3]

– Так не мы же с тобой...

– Вот в этом и вся прелесть. Как умные люди будем учиться на чужих ошибках.

Минут через десять обсуждение плана закончилось хохотом. Богатое воображение подкидывало такие уморительные детали, что соблюдать серьезность было невозможно. Началось с того, что Наташке понадобилось запрячь нас в каталку, на которой в полном сознании под белой простыней лежал довольный Мишурик, в ногах у него сидел облаченный в зеленый хирургический костюм Арсений и, размахивая вместо кнута капельницей, лихо свистел с помощью пальцев левой ноги. Доскавав до ступенек лестницы, мы с Наташкой ловко запрыгнули на каталку, основательно придавив Мишурика, и с отчаянным гиканьем покатали вниз по ступенькам. На безвременно покинутой Шуриком больничной кровати, сложив на груди руки, спокойно спал надышавшийся эфиром господин охранник. Во рту у него вместо кляпа торчала Наташкина виртуальная булочка с изюмом.

– Ну не могу я заранее ничего планировать! – заходясь в очередном приступе смеха от нового видения, еле выдавила из себя Наташка. – Ты же знаешь, мой метод – экспромт, мой базис – там будет видно! Как-нибудь провернем это похищение. Вот только зря так много ржали. Плохая примета.

В тот момент никому из нас и в голову не пришло, насколько Наташка оказалась права в своем итоговом заключении.

Часть третья. ЛИДЕР ГОНКИ НА
ВЫЖИВАНИЕ

1

Ровно в двенадцать ночи мы с Наташкой были на условленном месте, примерно в двухстах метрах от центрального въезда на территорию больницы. По улице, пользуясь свободой передвижения, еще проносились редкие машины. Территория больницы, отгороженная металлическим забором от основной части столицы, заселенной условно здоровым населением, производила жутковатое впечатление. А все из-за призрачного света фонарей, горевших через один и освещающих унылые асфальтовые подходы и подъезды на пути страждущих к восстановлению утраченного здоровья. Хотелось надеяться, не последнего пути.

В здании главного корпуса, где находилось приемное отделение, были почти полностью освещены окна первого этажа, выше свет горел только на лестничных пролетах, в холлах и отдельных кабинетах. Мимо проехала машина «Скорой помощи» и, не задержавшись в воротах, въехала на территорию больницы. Наташка взглянула на часы и чертыхнулась:

– Терпеть не могу необязательных людей.

Я вышла из машины и внимательно посмотрела по сторонам. Из ворот вышли два человека, кажется женщины, и, заметив нашу машину, заторопились к нам. Ни одна не была похожа на Арсения, поэтому я тут же юркнула назад, зато Наташка вылетела наружу. Через открытое окно мне было хорошо слышно, как она героически отказывается от денег в размере «сколько скажете, столько и заплатим», уверяя, что никуда не может ехать, поскольку с минуты на минуту должны доставить смертельно больного друга семьи. Вдруг его организм примет решение умереть на дружеских руках?

– Вы можете переночевать в приемном покое, – высунулась я из окна со своим советом. – На креслах. Если что, все врачи рядом.

– Именно поэтому постарайтесь здесь не ночевать! – перебила меня Наташка. – Только недавно сюда въехала машина «Скорой помощи», заплатите командиру экипажа, вас отвезут, куда надо. И поторопитесь, а то у них вызовы.

Женщины бодро засеменяли обратно.

– Нет, это не разведка, – вынесла свое заключение подруга и резко обернулась назад: к нам торопливо приближался мужчина.

– Извините за опоздание. Так получилось, – переводя дыхание, заявил Арсений. – И, пожалуйста, пока не забыл, продиктуйте номера ваших

телефонов. Совершенно упустил из виду. Непростительная оплошность! И запишите мой.

Мы с Наташкой переглянулись и выудили мобильники. Обмен номерами прошел быстро. Я снова перебралась на переднее сиденье.

– Почему без обещанной машины с другом? – не обращая внимания на извинения Арсения, строго спросила Наташка. – Вы же уверяли...

– Все в порядке, обещанное будет за углом. Я думаю, нам следует отъехать туда же. Не стоит здесь переодеваться.

– Не стоит, – согласилась Наташка. – Мы сделаем это в туалете приемного отделения. Садитесь в машину и потихоньку готовьтесь прощаться с жизнью. У вас резкие боли в области желудка. Скрутило неожиданно. Язвы никогда не было.

– А что это обозначает? – Арсений открыл дверь с моей стороны и в нерешительности остановился.

– Да фиг его знает! Может, язва прозрела и открылась, а может, просто инфаркт. ЭКГ покажет. Если инфаркт не подтвердится, сделают гастроскопию. Противная процедура, но что делать!.. Ирка! Какого лешего ты не вылезашь? Забыла, что на заднее сиденье можно попасть только через переднее? Скачешь туда-сюда! Хочешь инфарктника до плановой операции угробить? Его надо вперед ногами посадить.

Наташка помогла мне вылететь из машины, откинула освобожденное сиденье и в буквальном смысле подтолкнула к решению сесть сзади. Немного подумала и велела залечь между сиденьями. Не могу сказать, что я залегла, просто застряла.

Удовлетворенная достигнутым результатом подруга указала Арсению на такое удобное переднее кресло и заявила:

– Вам сюда! И не забудьте продемонстрировать охраннику на воротах всю тяжесть своего положения. Согнитесь пополам, стоните, корчитесь и посылайте матом охранника дежурить в другое место – за медлительность. Кроме того, нужен официальный пропуск для более быстрого решения вопроса. Пару сотен не пожалейте.

Усевшийся в машину Арсений предпринял попытку влезть в боковой карман, но Наташка великодушно его охладила.

– Не тяните время. Заплачу из своих. Потом отдадите. Хотя это и не оплаканные мной запонки, но так мне будет легче сыграть несчастную женщину. Двести рублей – тоже потеря.

Все прошло без осложнений. Арсению можно было и не надрываться от мнимой боли. Мне было гораздо хуже. Пару раз я вякнула в унисон с ним в тот момент, когда Наташка выбиралась из машины для объяснения с

охранником, и тогда, когда усаживалась обратно, ухитрившись прищемить меня сидением. Потом я просто-напросто намертво сцепила зубы.

Завернув за угол здания, Наташка остановилась. Вместе с «язвенником-инфарктником» помогла мне вернуться в свое прежнее обличье, до приемного отделения я пробежалась пешком. Еще одна «скорая» подъехала к пандусу, следом за ней припарковалась и Наталья. Ей удалось проникнуть в больницу вместе с врачом «скорой».

Вернулась она довольно быстро, толкая впереди себя кресло на колесиках.

– Какого черта перестал стонать?! – рывкнула она на Арсения, не заметив, что перешла на «ты».

– Так никого же нет.

– Ты не в театре, не на публику работаешь! Нельзя выходить из роли. Быстро упал в кресло и согнулся пополам! Ир, дай ему подножку, долго соображает. И возьми в машине сумку с вещами. Вроде бы как для госпитализации. Только не забудь, что ты жена Арсения.

Я невольно расцепила зубы, челюсть отпала. Но предложить себя на роль какой-нибудь сестры Арсения не успела. Наташка заткнула:

– Ну и что ж, что молодая. Любви все возрасты покорны. Может, ты за него, как за денежный мешок, выскочила. И нацепи такую же болезненную маску, как у «мужа». У тебя от перспективы голодного будущего назревает собственный сердечный приступ. А то двух сопровождающих не пустят.

У входа в приемное отделение охранник оказался на высоте. Встав на стул, он пытался заменить лампу в настенном светильнике и на наш въезд внимания не обратил. Арсений так и сидел, согнувшись пополам, временами покрхтывая и покачивая головой, словно удивляясь самому себе. Пояснения за него дежурной медсестре давала Наташка. Я просто прошла вперед с вещами и уселась в коридоре на покрытый искусственной кожей топчанчик.

– Паспорт и страховой полис Бородина я привезу прямо утром. Если не отпадет надобность в госпитализации. Спасибо вам за участие, – донесся до меня Наташкин голос. – Значит так, дорогой, сначала нам в восьмой кабинет, а затем к кардиологу. Дальше пойдем, куда он пошлет. Слушай, а зачем ты женился? Я тут с тобой ношусь, а твоя ненаглядная где-то отдыхает!

Подруга вывезла Арсения из приемной и очень удивилась, заметив меня на топчанчике.

– Не рассиживайся тут, иди и переодевайся! Туалет прямо по коридору, помечен табличкой, – процедила она мне сквозь зубы, остановившись

рядом и делая вид, что помогает Бородину сесть поудобнее. – Милый, ты у меня совсем съехал вниз. Потерпи, голубчик, недолго осталось.

С деланно равнодушным видом я встала и пошла прямо по коридору. Отметив глазами табличку с надписью «Туалет», озадачилась – под табличкой находился знак с определенно мужскими признаками. Черный треугольник, обращенный вершиной книзу. Сверху красовался шарик, означающий явно дурную голову. Рядом была еще одна дверь, но закрытая на ключ. Пришлось прогуляться дальше. В конце коридора я с радостью обнаружила дверь, помеченную знакомым треугольничком, только с вершиной, устремленной в потолок. На ней тоже крепился шарик. Еще одна дурная голова. Увы! К двери было приклеено бумажное объявление: «Туалет не работает!!!» Тем не менее я дернула за ручку, дверь и открылась. Оглянувшись назад и убедившись в том, что моя попытка проигнорировать объявление нареканий не вызовет, некому их делать, я быстро зашла внутрь. Была надежда, что мне никто не помешает. Не тупой же у нас народ, да и читать умеет.

Назад я вышла уже в белом халате, с зеленым одноразовым беретом на голове. Другого цвета в Наташкиных залежах не оказалось. В руках крепко держала потрепанную амбарную книгу, рожденную в семидесятых годах прошлого века. С ней было как-то увереннее. Вот только зря бабулины очки нацепила, сразу стерлась грань между стенами, потолком и полом, все слилось в монолит. Мимо, чем-то позвякивая, протопала некая туманность. Пришлось идти по ее следу на звук шагов. Но громоздкая стрелка моего больничного компаса скрылась за характерно скрипнувшей дверью, и я застыла на месте, глубокомысленно уставившись в полуоткрытую амбарную книгу, раздумывая, не найти ли мне наощупь стену, дабы с ее помощью продвинутся дальше. Достаточно всего-навсего аккуратно «загребать» левой ногой, задевая эту стену, чтобы не потерялась, одновременно делая вид, что профессионально увлечена записями. Хорошо знакомое всем выражение «смотришь в книгу, видишь фигу» не имело ко мне никакого отношения. Какая там «фига»?! Я и саму книгу-то не видела. Более того, стало нещадно ломить глаза. Игнорируя свой новый имидж и требования безопасности, я рывком водрузила очки на лоб. Если верить определенным высказываниям, где-то там должен быть «третий глаз». С помощью бабулиных очков убойной плюсовой силы он наверняка станет хорошо вооруженным и, наконец, откроется.

Больничный коридор не сразу принял прежние очертания. Выяснилось, что я вслед за «туманом» въехала в один из боковых отсеков коридора и притормозила у кабинета ультразвукового обследования. Дальше была

дверь с табличкой «Хирург». Напротив находился рентгенкабинет. Отовсюду доносились слабые голоса. Хорошо, что на них не пошла. В очках.

– Ирка! Где тебя носит?! – прервала мою нечаянную радость Наташка. Надо же, какие бесшумные тапочки натянула! И как-то по-новому шипеть научилась. На уровне боевого гуся. – Давай сюда пакет со спецодеждой! И выровняй глаза. Они у тебя окосели. У нашего Бородина и на самом деле проблемы с сердцем. Предлагают остаться дней на десять и обследоваться. А ему через минуту заступать на должность «ведущего хирурга-травматолога», блин! Вернее, «ведомого». Как бы не угробить мужика.

– Может, проведем рокировку? Пусть вызовет своего друга, который у него в машине отдыхает.

– У нас нет времени на замену. Во-первых, я не могу каждый час отлавливать на улице и привозить сюда всяких болящих. Охранник на воротах свихнется.

– Во-вторых, на этом и остановимся. Встречаемся в конце коридора у лифтов.

Захлопнув амбарную книгу, я деловито зашагала в означенном направлении. Навстречу мне, шлепая тапками, со скоростью курьерского поезда неслась грузная врачиха.

– Коновалова не видели? – немного сбавив скорость, прогудела она.

– Был в хирургическом кабинете, – вновь открывая амбарную книгу и пряча в пустые страницы физиономию, не своим голосом отрезала я, решив сменить направление и отсидеться в неработающем туалете. Если Коновалов отыщется, то врачебная парочка наверняка отправится вверх. Незачем лишний раз мозолить людям глаза.

Через пару минут я удовлетворенно отметила свою правоту. Оба специалиста пронесли мимо со скоростью двух курьерских поездов. Третьим прибыла Наташка. Увидев меня в углу неработающего помещения, от неожиданности выронила сумку с амуницией.

– О блин! Напугала! Мы же договорились встретиться в другом месте.

– Тс-с-с, – прошептала я в ответ. – Там занято.

– Тогда не стой без дела. Будешь вешалкой. – В меня полетела Наташкина куртка. – Брюки снимать не буду, – комментировала она процесс переодевания, – некому тут показывать мои красивые ноги. Ой, Бороде надо пустой пакет передать. У него же хирургический костюмчик, его на гражданскую одежду не напялишь. Сунем ее в пакет и где-нибудь спрячем. А ты хорошо выглядишь, особенно очки. Только надо бы их на грудь повесить, так солиднее. Ну-ка, вытяни свою цепочку. – Наташка

прервала процесс застегивания пуговиц на халате.

– Нет! Она с крестиком. Лучше я очки на нос спущу и поверх них смотреть буду.

– Ну как хочешь. Я готова.

Подруга осторожно приоткрыла дверь и, убедившись, что коридор пуст, смело вынырнула из двери.

– Бородин! – гулко разнеслось по коридору. – Куда провалился? Бородин! Вы тут мужчину на кресле не видели?

Со всей очевидностью вопрос адресовался Наташке.

– Нашли место, где искать мужчин! – отрезала подруга. – Тут только одни больные. Ни тех, ни других не видела.

– Туалет заработал? – беззлобно поинтересовался все тот же зычный женский голос.

– Да. Как вытяжка. Покурить заходила. Больного поищите в кабинете терапевта, туда, кажется, кого-то завозили. Ирка, быстро на вылет, с вещами! – через пару секунд заглянув ко мне, скомандовала она. – Я пойду за Бородой, пока его в мужском туалете не хватились.

Но Арсений уже и сам шел навстречу, небрежно размахивая снятыми с себя шмотками.

– Идиот! – простонала Наташка. – Прет, как зеленый бульдозер!

– Скорее, как опытный хирург-рецидивист, прирезавший очередного пациента с целью ограбления и решивший сдаться, – поправила я. – А ему уже все по фигу!

– Упакуйте, пожалуйста, вещи больного Бородина, – спокойно заявил Арсений, протягивая нам одежду. – И передайте его родственникам.

Руки у меня сразу затряслись. Ох, не зря за всю свою жизнь мне ни разу не удавалось закинуть мяч в баскетбольную сетку. Где уж там, когда вещи трижды проскальзывали у меня мимо пакета. После третьего раза Наташку это зрелище перестало увлекать, она нагнулась и сунула бесформенную кучку в пакет, отметив при этом свою редкую предусмотрительность, – не доверила мне пузырек с эфиром. Иначе все мы давно бы уже были в самом прямом эфире, застенчиво улыбаясь с экрана телевизора недремлющим зрителям программы криминальных новостей.

Хирургические штаны Арсения сверкали прорехой на самом усидчивом месте. Точнее сказать, сквозь прореху сверкали его полосатые трусы, то синей, то серой полоской. Благородное сочетание. Кроме того, штаны отличались некоей слабостью резинки, а посему проявляли упорную тенденцию к демонстрации трусов Арсения в полном объеме. Курточка оказалась маловата и коротковата.

Наташка покраснелась, ругая себя за неразборчивость. Была ведь возможность отсортировать на тряпки более справные вещи. Но тут она вспомнила про приобретенный мной набор булавок:

– Ирка, это сама судьба твоими руками выдрала мне днем пуговицу на брюках! Летим к лестнице, там окажем штанам Арсения необходимую поддержку. Все равно лифтом желательно не пользоваться. Арсений, ты как?

– Если в штанах, то нормально. Да здоров я как бык. – Стянув на животе одежду в кулак, Арсений первым зашагал вперед. Прореха переехала набок.

Миновав один лестничный пролет, мы остановились, Наташка принялась лихорадочно шарить рукой у себя за пазухой, где-то в районе лифчика, бормоча что-то про поиски и находки. Арсений скромно потупился.

– Во! – отстегивая булавку от пояса своих брюк, обрадовалась Наташка. – Кто, как говорится, ищет... Арсений, подтягивай штаны наверх, чтобы дырка туда уехала. Та-а-ак! Не вздрагивай, не уколю. Не тесно?

Арсений промышчал что-то неопределенное.

– Ничего, – с перекосившимся лицом и высунутым от усердия кончиком языка пробормотала подруга, застегивая булавку. – В тесноте, да не в обиде. Готово!.. Бли-ин! – Она с удивлением рассматривала конечный результат. – Хирург в бермудах! Может, вернем дырку на место?

– Ну, хватит! – разозлилась я. – Пусть идет такой, как есть, страшнее будет.

– Ты хотела сказать, «смешнее»?

– Я хотела сказать только то, что сказала. У него на голых ногах мужественная поросль. Джунгли, жуть сплошная. Куда девать сумку с его одеждой?

– Сбегай вниз и брось ее где-нибудь. Лучше под лестницу. Никому не взбрдет в голову ночью там шастать. Мы тебя подождем.

До третьего этажа добрались молча и сосредоточенно. Дверь в отделение интенсивной терапии оказалась открытой, и не порадовалась этому только Наташка. Уж очень ей хотелось опробовать подарочную отмычку на деле. Коридор освещался только контрольными лампами и тонул в полумраке. На сестринском посту никого не было. Зато на диванчике в холле угадывались очертания спящего под одеялом человека. Скорее всего, медсестры. Кто посмеет возразить, что она женщина? А женщина – тоже человек!

– Сначала в палату! – прикрывая ладонью рот, прошептала Наташка, другой рукой нащупывая в кармане бутылку с эфиром. Доверив ее Арсению, она выудила белую тряпку, не иначе как из того же набора списанной спецодежды. Велев нам отвернуться и не дышать, смочила лоскут эфиром и тут же сунула его в полиэтиленовый пакетик. Арсений старательно завернул крышку флакона.

– Так, готово! Топаем в санблок. Если там не будет носилок, возьмем из коридора каталку. За медицинской картой вернусь потом.

– Не надо карту, – шепнул Арсений. – Лишний риск. Миша поедет в хорошую клинику. Там его и обследуют. И носилки не надо. Лучше что-нибудь на колесах.

Специфический эфирный запах быстро растаял в воздухе, наполненном своими лекарственными и дезинфекционными оттенками. Стараясь ступать бесшумно, мы подошли к палате номер шесть. Я машинально отметила наличие в коридоре каталки и мысленно попросила ее не скрипеть при использовании для перевозки Мишурика. Арсений рывком распахнул дверь. Первой ворвалась Наташка, за ней сам Арсений. Влетев последней, я моментально прикрыла за собой дверь и встала на страже. Палата, слабо освещенная бледным светом уличных фонарей, была пуста. Ошеломленная Наташка включила свет. С беспощадной прямоотой в глаза бросилась аккуратно застеленная кровать, пустая тумбочка и «утка» под кроватью. Не веря своим глазам, мы продолжали тупо пялиться, кто куда. Но тут Арсению стало по-настоящему плохо. Лицо у него резко побелело, он попытался сесть на стул, но едва не промахнулся. С трудом мы дотащили его до кровати и уложили, по Наташкиному настоянию положив под ноги подушки.

– Надо немедленно вызвать врача! – заявила подруга. Арсений слабо запротестовал, указывая на одежду.

– Сейчас отпустит. Только бы добраться до первого этажа. Свет, выключите свет, не надо привлекать внимание.

Пять минут, в течение которых мы со страхом ждали либо улучшения, либо ухудшения состояния Арсения, показались часом. И несказанно обрадовались его внятному заявлению, что он здоров как бык. Помнится, это уже слышали.

Не вняв нашим рекомендациям полежать еще пару минут, Арсений поднялся и, немного пошатываясь, пошел вперед.

Честно говоря, я плохо помню, как мы покинули отделение. Была какая-то суета с каталкой, так и не достигшая ушей спящей медсестры. Помогал нам больной, вышедший из палаты в коридор. Бедняга пытался хоть чем-то

занять себя после очередного проигрыша бессоннице.

На каталке мы беспрепятственно спустили Арсения вниз. Все время боялись, что лифт застрянет. Позднее Наташка уверяла, что за одеждой бородача под лестницу носилась именно я. И именно я проявила редкостную сноровку в смене формы одежды нашего «хирурга». Не помню! Зато хорошо запомнилось, как Наташка отчитывала молоденькую медсестру за то, что сердечнику Бородину позволили гулять по помещению приемной без присмотра. Никто даже не хватился его, в то время как несчастный почти в бессознательном состоянии валялся в неработающем женском туалете.

К тому моменту Арсению опять похужело. Даже губы посинели. Наташка медленно и внятно втолковывала ему, что с Мишуриком ничего плохого случиться не могло. Просто он удрал от преступников без посторонней помощи. Завтра все подробенько выясним. А сегодня Арсений в какой-то мере заменит Мишурика и переночует здесь, в больнице. Днем мы его заберем.

Арсений не возражал.

Покидали мы приемный покой в жутком состоянии. Даже не стали переодеваться. Выехав из ворот больницы, одновременно вспомнили, что где-то поблизости должен находиться соратник Арсения. Причем с машиной, на которой и должны были увезти в безопасное место похищенного с нашей помощью Мишурика.

Мы дважды медленно объехали вокруг довольно большой территории больницы. Припаркованных машин хватало, но все они были пусты. Так же, как и сами улицы. Ни одного припозднившегося прохожего!

2

Утром я встала довольно легко. И тут же поставила на зарядку мобильник, обругав себя за разгильдяйство. Следовало сделать это с вечера. За те несколько часов, что удалось поспать, драматизм вчерашней ночной поездки несколько поблек, поскольку в подметки не годился тем кошмарам, которые одолевали во время сна. Именно этим и объясняется та легкость, с которой меня сорвало с койки на полчаса раньше установленного будильником срока. Закрывать глаза и вновь вживаться в сновидения не было никакого желания.

Димка прямо с порога налетел, как шквальный ветер. Порывисто обхватил меня, приветствуя, чмокнул в район уха и отставил в сторону, чтобы не мешала дальнейшему пролету. Уже из спальни, где он торопливо собирал на работу все необходимое, на меня посыпался град вопросов: «Как дела? Кто звонил? Будет ли завтрак? Где дети? Какого черта его ежедневник валяется не на своем месте? Почему у меня был отключен мобильник и зачем на его подушке валяется белый медицинский халат?»

Надо же быть таким любознательным! Я решила ответить только на один, главный, вопрос – объявлением: «Завтрак на столе!» И перешла на встречные:

– Димулечка, как там бабулечка?

Он так разговорился! В том плане, что обремененная большой семьей подруга матери, кажется, впала в маразм, ибо уже считает нашу дачу своим постоянным местом обитания. Во всяком случае, в ее лексиконе частенько проскакивают слова «у меня здесь...». С чем-то подобным постоянно сталкивается одна из героинь Дарьи Донцовой. Только у нас все более запущено – активно и без спроса поедаются наши соленья, варенья. А «бабулечка» только виновато улыбается, ссылаясь на то, что пока зятю Лесеньки не удалось подыскать приемлемый по цене домик в деревне. А зачем ему его искать? Между прочим, к ним еще друзья с двумя маленькими детьми приехали. И теперь наш общий милый домик превратился в ужасный содомик! Лично Дмитрию Николаевичу пришлось ночевать в бане. Дошло до того, что соседи по даче решили: Ефимовы продали дачу семье Олеси Викторовны, а она из милости разрешила пожить на ней до конца дачного сезона нашей Марии Ивановне с кошками.

– Димуля, нам надо помочь беженцам! – я обрадовалась тому, что разговор ушел в противоположное от его вопросов направление.

– Под «беженцами» ты, конечно, уже имеешь в виду нас? Плесни мне еще чайку, только немного. Полчашечки хватит.

Я осторожно налила чай, погладила мужа по макушке и вздохнула:

– Придется подключиться к поискам подходящего варианта. Сегодня же позвоню в риэлтерскую фирму. Пожалуй, стоит потратиться на оплату их услуг, зато снова обретем свою дачу.

– Это я лопухнулся, – покаялся Димка. – Не надо было идти на поводу у матери. Не думал, что две недели растянутся отсюда до завтра.

– Перестань себя казнить. Только представь себе, что бы получилось, разреши мы им временное проживание в нашей квартире. Сразу полегчает. Ну, я готова!

– Я тоже! Довезите до метро. Опаздываю. Всю ночь не спала, кошмары снились. Всем доброе утро! Под него, кстати, я и уснула, – бодро отрапортовала от двери Наташка, отцепляя от ручки двери зацепившуюся сумку. – Ефимов, не захлебнись! Мне только до ближайшей станции метрополитена. – Подруга притихла, открыла дверь в коридор, прислушалась и «взорвалась» с новой силой: – Ой, у меня дома телефон марширует! Забыла на зарядке.

И, звеня ключами, скрылась, бросив свою сумку на полку под вешалкой с наказом прихватить ее с собой и обещанием долго не задерживаться, она только на минутку.

Димка тут же заторопился, громко уверяя меня, что свободного времени у него нет, и, если Наталья в ближайшую минуту не спустится, единственное, в чем он может ей помочь, это довести до ближайшей станции метро ее сумку. Сев за руль, муж демонстративно отследил время и пропел: «Ты меня не понял, я же пошутила, я не на минутку уходила!»

Подруга уложилась в пять минут и села в машину с печатью глубокой обиды на лице. Все Димкины усилия вызвать ее на утреннюю разминку – маленькую перепалку, чтобы не так скучно было, потерпели крах. Наташка упорно отмалчивалась. Даже тогда, когда он намеренно проехал ближайшую станцию метро.

Подруга не сразу поняла всю широту Димкиной души, хотя он максимально сократил ей дорогу на работу.

– Ну и куда тебя занесло? Куда, спрашиваю, ты меня завез? И так опаздываю! – сурово залепила она, осознав, что остановка машины сделана лично для нее, пора вытряхиваться. Димка даже крякнул с досады и почему-то заявил, что «сколько волка не корми, он все в лес смотрит!».

– «Работа не волк, в лес не убежит!» – не к месту, но созвучно парировала Наташка, вылезая из машины и оценивая окружающую

обстановку. – Димочка, вот не ожидала! Почти к кабинету доставил! Ты самый лучший из чужих мужей! Я всегда говорила это твоей жене. Ир, скажи? Ладно, потом скажешь, созвонимся, я тебе напомню. – Наташка выскочила из машины и, послав нам воздушный поцелуй, понеслась вниз по ступенькам подземного перехода.

– Вот чудовая особа! – с чувством заявил довольный Димка и покосился на меня. – Ничего, если я тебя чуть раньше высажу? Пару остановок на трамвае доедешь. Хотел еще за масляным фильтром заскочить.

– Да скачи себе на здоровье.

Свою опрометчивость я поняла только тогда, когда трамвай, на который мне даже повезло сесть, вместо положенных остановок прокатил пассажиров от силы метров десять, после чего встал. Десять минут протянулись в тоскливом ожидании переломного момента. Уж очень не хотелось верить в неудачу. Так редко удается занять свободное место! Хотя проблем с ними уже не было. Вагон пустел на глазах. Пришлось вылезать следом за всеми.

Потоптавшись в числе других пассажиров рядом с открытыми дверями трамвая в надежде, что неисправность все-таки вот-вот будет устранена, послушалась голоса разума, не своего. Мой был в растерянности. Просто какой-то молодой человек предложил другу двигаться вперед по заданному маршруту короткими перебежками от одной остановки до другой. Все равно иного попутного транспорта нет. Пока они приходили к консенсусу, я воплотила предложенную идею в жизнь и рысью понеслась к следующей остановке. К своей, пятой по счету, уже не рысила, а еле плелась, проклиная все масляные фильтры на свете.

Еще в приемной услышала назойливые звонки телефонов, надрывавшихся в моем кабинете. Да секретарша добавила «масла в огонь» сообщением, что шеф меня обыскался и лучше в ближайшие пять минут на глаза ему не попадаться, ибо я в данный момент нахожусь «где-то на территории».

Прошмыгнув в кабинет, успела схватить трубку самого настырного телефона и на другом конце провода услышала знакомый Наташкин голос:

– Ну где тебя носит?! Почему мобильник отключен? Я уже все ваше руководство достала! Жди, сейчас тебя шеф придет доставать. Мне пришлось отпроситься с работы, утром звонил...

Связь оборвалась. Я осторожно вернула трубку на место, надеясь, что подруга немедленно перезвонит. Но перезвонил внутренний аппарат. Мне невольно пришлось отстранить трубку от уха – так орал Макс!

– Ефимова, где тебя носит? Почему мобильный отключен? Твоя приятельница меня уже достала! Я искренне благодарен ей за помощь в усмирении тещи, но весь лечебный эффект от временного отсутствия источника повышенной опасности в моей семье быстро сойдет на «нет», если твоя Наталья будет доставать меня подобными звонками.

– Макс, отдохни! Она что-нибудь просила мне передать?

– Да! Что придушит тебя собственными руками. Заметь, я даже не стал спрашивать, за что. Так хотелось побыстрее прервать ее ангельское сопрано. Как у взбесившегося павлина. Постарайся, пожалуйста, до этого момента уточнить сальдо и решить вопрос с неотложными платежами. Все, как сговорились, звонят и денег просят.

– Ты давно менял масляный фильтр?

– Давно, а что?

– Оно и понятно, – вздохнула я, отсоединилась и вытащила из сумки мобильник. Ну так и есть! Зарядить зарядила, а включить не удосужилась!

Набрав Наташкин номер, убедилась, что он заблокирован. Связаться с ней по городскому тоже не удалось. Суматошная Полинка долго возмущалась тем, что у нее самой полно неотложных дел, на которые не хватило субботы и воскресенья, тем не менее она не отпрашивается с работы по понедельникам, успев только переступить порог рабочего кабинета.

– У нее что-то случилось? – попыталась я хоть как-то установить истину.

– Не знаю, насколько это касается ее лично. Какой-то чужой дядя какой-то вообще незнакомой тети якобы позвонил ей и сказал, что умер в неизвестном направлении. Как мне показалось, утонул.

– ???

– Ира, ты меня слушаешь?

– Да.

– В общем, даже заведующая ничего не поняла, сказала: «Идите, Наталья Николаевна, с миром. С ним и назад приходите». Кстати, Наталья тебе тоже звонила.

– Я в курсе. Обещала придушить. Спасибо, Полиночка. Если объявится...

– Передам, что у нее руки короткие! Ну пока!

Перед глазами встало бледное лицо бородача, спокойное и равнодушное к суете этого мира. Душу резанули невыносимая жалость и огромное чувство вины в его преждевременной смерти. Как легко уверовали, что он «здоров как бык». Мысленно я прикрыла лицо Арсения белой простыней,

стало немного легче. Всего на пару секунд, ибо я подумала о маленьком Стасике.

– Ирина Александровна, вам плохо?

– Очень, – прошептала я, открывая крепко зажмуренные глаза. – Последние минуты...

Договорить то, что они у меня выдались очень жуткие, я не успела. Бухгалтер Вероника Васильевна сердобольно прижала руки с кипой документов к полной груди и тихо села на пол. Донельзя напуганная столь сильным проявлением сочувствия, я кое-как выбралась из кресла и на непослушных ногах деревянной походкой направилась к ней с мыслью о том, что становлюсь просто опасной для окружающих.

Стоя перед Вероникой Васильевной на коленях, я умоляла ее очнуться и пыталась угостить водой из графина, напрочь забыв про существование более удобной стеклянной тары – стакана. К счастью, она довольно быстро пришла в себя. Подозреваю, что именно графин привел ее в чувство. Тихо и отчетливо женщина посоветовала мне никогда не пользоваться водой из него. Уборщица не меняет ее месяцами.

Максим Максимович лишь на секунду застрял в дверях. Наверное, обдумывал ответ на вопрос, почему я решаю производственные вопросы на ковровом покрытии.

– Сногшибательные новости или воистину ПОВАЛЬНАЯ мобилизация финансовых усилий кредиторов?

– Не угадали! – огрызнулась я и попыталась натянуть юбку на колени, пониже. Бестолку! По выражению лица шефа поняла, что он принял бесповоротное решение немедленно присесть на корточки рядом с нами, и мигом вскочила, довольно ловко подставив Веронике Васильевне стул. На нем, по крайней мере, нет такой узкой юбки, как на мне. Его удобнее использовать в качестве опоры.

– Ирина Александровна, это, случайно, не из-за вас сегодня все трамваи на нашей улице стояли? А теперь вы ценных работников с ног валите.

Вероника Васильевна, осознав свою ценность, с трудом, но мужественно улыбаясь, поднялась с пола. С помощью стула, собственных локтей и Максима Максимовича, так и не выпустив из рук ни одного платежного документа.

– Как освободитесь, зайдите ко мне, – сухо сказал мне шеф, взглянул на оставшийся на полу в одиночестве графин, отметил этот факт как «бардак!» и вышел.

– Это я виновата, Ирина Александровна, извините, – всхлипнула Вероника Васильевна.

– Все в порядке! – поспешила я ее утешить. – Это Максим Максимович виноват. Давайте-ка ближе к делу. Вы пока садитесь, а я еще разок позвоню кое-кому.

На сей раз Наташка отозвалась сразу:

– Что трубку швыряешь? Где тебя носило?!

– Короче!!! – включила я командный голос. – Неужели других вопросов нет?

– Далеко же тебя занесло, подруга! Если коротко, через сорок минут буду у тебя с машиной, будь готова на выезд, и мне глубоко по барабану, если тебя уволят за прогул!

Коротко и ясно. Мое отсутствие на рабочем месте планируется более чем на четыре часа, за которыми появятся основания для увольнения.

Лихорадочно вникая в принесенные Вероникой Васильевной документы, я пыталась одновременно придумать причину, по которой мне удалось бы безнаказанно облагодетельствовать шефа своим бегством с рабочего места. Ничего, кроме законного обеденного перерыва, на ум не приходило.

– Это вы уже подписали, Ирина Александровна, – бухгалтерша осторожно пыталась выудить из моих рук свое заявление на краткосрочный отпуск сроком на три дня без сохранения заработной платы. – Спасибо вам большое.

Я с недоумением смотрела на свою визу: «Бух. К оплате». Просто невозможно, чтобы этот листок получил путевку в стан официальных документов. Пришлось остороженько потянуть его к себе.

– Вероника Васильевна, давайте договоримся так: я вас неофициально отпускаю на эти три дня. А заявление... – я разорвала листок на четыре части, – всегда найдутся недовольные, готовые позавидовать. С главбухом я сама переговорю. Кстати, по какой причине вам нужны эти три дня?

Бухгалтерша зарделась:

– Дочь у меня замуж выходит.

– Ну и замечательно! – воскликнула я, а про себя подумала: «Мне этот вариант никак не подходит. Недавно использовала с Наташкиным сыном».

Как назло, начались бесконечные звонки и визиты коллег по рабочим вопросам. Прервались они принудительно.

– Ефимова! Я же просил тебя зайти! – голос шефа по телефону был суров и резок.

Ответила так же:

– Не могу выйти из себя и раздвоиться! – И тут же подумала, что не следовало хамить начальству перед обращением с нижайшей просьбой

отпустить на пару часиков.

– Тогда мы идет к вам!

Надоевшая фраза из рекламного ролика прозвучала громко и с угрозой. Я с тревогой подумала о Наташке, находящейся на полпути до скандальной разборки. Но хуже всего было заплаканное личико Стасика, обреченно сидевшего на крыльце в упорном и бессмысленном ожидании дедушки Арсения, – результат осложненного чувством вины живого воображения.

С появлением в кабинете Максима Максимовича и после коротко брошенной им фразы «Со всеми рабочими вопросами прошу ко мне» толпа коллег моментально рассеялась. Да голову даю на отсечение, никто и не подумает заглянуть к шефу. Умница и прекрасный аналитик Максим Максимович умело пользуется одними и теми же фразами: «Вас приняли на работу, надеюсь, что будете использовать свою голову по назначению, вот и думайте ей. Этот процесс оплачивается. С готовым решением придете к Ефимовой. У вас все?».

– Ирина, быстро на выезд! К одиннадцати на совещание, я тебе тут все написал. Водитель знает. Там, по сути, надо только отметить и можешь спокойно дремать. А хочешь, дам с собой журнал почитать?

– «Плейбой»?

– Ефимова! Последнее время ты все время гуляешь и гуляешь. Я тебя хоть словом попрекнул?

Тут следовало промолчать, и я промолчала.

– Можно сказать, в однодневный санаторий-профилакторий посылаю. Мне к двенадцати надо отъехать. На часок. Потом буду. Так что если процесс затянется, можешь сюда не возвращаться.

Я машинально поднесла к уху трубку запевшего мобильного.

– Карета подана! – раздался все еще сердитый голос Наташки.

В голове тут же возникла умная идея, и, коротко отрапортовав: «Иду!», я отключилась, с укоризной взглянув на шефа:

– Давай свою записку, отсижу как надо и вернусь. Завтра-то уж точно. И машина мне не нужна. Есть попутный транспорт.

Умница Макс сразу насторожился:

– Чей? Ефимова, уж не надумала ли ты пойти по моим стопам? Не советую. Что позволено Юпитеру, не позволено... женскому сословию.

– Быкам женского рода?

– У тебя прекрасный муж.

– Вот как раз он ко мне и приехал. Утром забыл деньги на масляный фильтр. В порядке благодарности за денежную подачку и подкинет.

3

На переднее сиденье «Ставриды» я нырнула с прижатым к уху мобильником. Номер был в «памяти» телефона, кнопку соединения нажала еще на бегу.

– Ал-лѐ-о? – прозвучало загадочно и очень музыкально, плавный переход от ноты «фа-бемоль» к «до» и новый подъем к «ми». Вечный последний герой, холостяк Юрий Михайлович, директор Зеленоградского филиала нашей головной фирмы в своем репертуаре: сначала очаровывает, потом сортирует абонентов, находящихся по ту сторону связи, далее по обстоятельствам.

Я не очень вежливо поздоровалась, заранее зная продолжение.

– Ирочка! Я и не чаял услышать твой милый голосок. Надеюсь, сегодня мы встречаемся в большом зале заседаний? Какое счастье!

– Сейчас я тебе его еще больше добавлю. До уровня передозировки. Займи мне место рядом с собой. Мысленно будем сидеть плечом к плечу. Если хочешь, могу держать тебя за руку в районе пульса. Только не перебивай! Огромная просьба, отметь мое присутствие на совещании, поскольку я этого сделать не смогу. Обстоятельства, знаешь ли, вынуждают повернуть руль личной истории в другую сторону. Выручи, пожалуйста, а? И никому не уступай моего места. Во имя будущих совместных «отсидок».

– Будешь в вечном долгу.

– Обязательно. «И дольше века длится день», – проворчала я, убирая мобильник в сумку.

Наталья сидела с непроницаемым лицом. Переживала утреннюю новость. На ее фоне мои фривольные разговоры с посторонним мужчиной выглядели кошунственно.

– Никак не получалось удрать с работы, – как бы извиняясь, тихо пояснила я, даже не поинтересовавшись, куда мы едем. – Арсений захлебнулся и умер ночью?

– Что-о-о? – взревела Наташка, и машина кокетливо завиляла из стороны в сторону. Сзади раздались возмущенные сигналы водителей. – Кто тебе это сказал?

– Он сам. И не мне, а тебе. Во всяком случае, так заявила твоя Полинка.

– Сам сказал?! Мне?! Посмертно?! Ну ты-то хоть, в отличие от Полинки, соображай, что несешь!

Я с раздражением отшвырнула сумку на заднее сиденье и

демонстративно уставилась на мелькающие за окном девятиэтажки. Насчитав их десять штук, медленно и задумчиво пояснила боковому зеркалу, что у некоторых, на которых не стоит показывать пальцем, существует не подлежащий художественной штопке разрыв между процессом ясного мышления и следующим за ним процессом изложения. Именно им посвящена бессмертная фраза: «В огороде бузина, а в Киеве дядька!»

Наташка фыркнула. Ее задумчивое лицо говорило об очередном процессе ясного мышления. С процессом изложения она не задержалась:

– Одно из двух: или я не я, или Поинка – дура набитая.

Я продолжала обозревать правую сторону дороги. Пусть подруга сама выбирает из двух зол меньшее.

– Во-первых, утром перед самым отъездом мне позвонил Арсений и достаточно живым голосом сказал: «Привет, спасибо вам за все. Желательно встретиться». На этом связь оборвалась. Не могла же я поделиться этим, хоть и неоконченным, но все-таки разговором, с тобой при Ефимове. В последнее время и без этого слишком много неприятностей. И, если ты вспомнишь, я намекнула тебе на то, что созвонимся.

Подруга отвлеклась на не очень цензурное замечание «козлу», проехавшему на желтый сигнал светофора, в результате чего ей, следующей за ним с интервалом в несколько секунд, пришлось проскочить разделительную полосу на красный. Разрядка принесла облегчение, и она продолжила рассказ уже привычно-будничным голосом:

– Ждать дома, пока Арсений перезвонит, не было времени, и без того опаздывала. Решила, что позвоню в больницу прямо с работы и сразу убью двух зайцев: выясню судьбу Мишурика, а заодно и состояние здоровья Арсения. Вооруженная полученными знаниями, своим белым халатом и обеденным перерывом, проникну в палату к Арсению, а дальше будет видно.

Каково же было изумление подруги, когда в справочном отделении ей сообщили, что больной Бородин ни в одно из отделений больницы сегодня не поступал. Ни ночью, ни утром. А в ответ на вопрос о больном Ельцове Михаиле Петровиче (может выступать под псевдонимом Лузгин Павел Константинович) из отделения интенсивной терапии попросили связаться с его лечащим врачом. Последний, выяснив Наташкин статус родной сестры, сухо доложил, что его пациент вчера после посещения какой-то взбалмошной женщины исчез в неизвестном направлении. Подруга посетовала на плохую дисциплину в отделении и пообещала наказать

«брата» за самоволку материально – тем, что непременно выкинет на помойку его кожаный пиджак, как неприятное напоминание о таком «братике». Следом Наташка попыталась выяснить в приемном отделении судьбу Арсения, но дежурившая ночью медсестра уже ушла. Сменившая ее на посту коллега отделалась коротким пояснением: «Да, имеется запись о том, что Бородин А.П. сегодня в двенадцать часов двадцать пять минут обращался за медицинской помощью в приемное отделение нашей больницы. Без документов и страхового полиса. После оказания медицинской помощи от госпитализации отказался». Решив, что милости от подобного рода справок ждать нечего, Наташка надумала немедленно навестить прямо в больницу, благо бездельница Полинка вполне могла подменить ее на пару часов. Вид у подруги после полученных новостей был не очень бодрый. Кроме того, она усиленно обдумывала, как бы почестнее соврать, чтобы получить эту «пару часов». Но тут заведующая, обеспокоенная мучительной гримасой на лице сотрудницы, попыталась выяснить, что же все-таки случилось.

– Хорошо помню свой лепет! – делилась Наташка воспоминаниями. – Ну не дословно, конечно. Я ей сказала, что дядя племянника моей тети, да, это, кажется, не очень звучит... ночью попал в больницу с сердечным приступом. И пропал. Тут я для убедительности обреченно махнула рукой. Даже всплакнула. Но вот почему он «утонул»?... Ах да! Вытерев слезы, я добавила: «Просто в воду канул!» О блин! Как все перевернули, а?

– Но мы же не едем в больницу? – недобро поинтересовалась я.

– Откуда ты знаешь? – Наташка полностью обрела равновесие и посмотрела на меня с интересом. Как на забавного обитателя зоопарка.

– Оттуда! В больницу отправилась бы одна, причем без машины и моего увольнения с работы. Помнится, утром Димка не тащил твою «Ставриду» сзади на веревке. Значит, ты успела смотаться за ней домой. Мы едем за город? К Стасику? Кто тебе еще звонил?

– А что ты так распыхтелась? Да, мы едем за город. Но не к Стасику. Нам надо за Мишуриком!

Судя по Наташкиному ликованию, она осталась довольна произведенным эффектом. Трудно оценивать свой вид со стороны, откуда, как известно, виднее, но то, что он у меня был далеко не умный, сама догадалась.

Мы уже выехали за пределы Кольцевой и катили по какому-то узкому шоссе, на его название я внимания не обращала. Дрожь в моем голосе возникла стихийно и не отступала, несмотря на мою попытку придержать подбородок руками. А следом навестило и заикание. Я попыталась

выяснить у подружки подробности, но выдавала только скучную череду отдельных слогов.

– Бред! – вынесла свой вердикт Наташка. – Сейчас притормозим, куплю тебе воды и шоколадину. А что поможет! Либо попьешь водички и заговоришь, как все нормальные люди, либо окончательно заткнешься. От шоколада. Эк тебя разбирает!

Подруга свернула к небольшому придорожному магазинчику, явно страдавшему манией величия, ибо на вывеске значилось: «Супермаркет». Из открывшейся двери выкатился толстячок в обнимку с резиновыми сапогами и засеменил к стоящему на обочине трактору. Наталья аккуратно притормозила сбоку от входа. Я осторожно обернулась назад, боясь заметить машину сопровождения. Желающих останавливаться следом за нами не было. И это радовало! Одиночные машины, не сбрасывая скорости, упрямо стремились вперед. Трактор несколько раз чихнул, отплеываясь черным дымом, затарахтел и тоже покатил своей дорогой.

Подруга собралась вылезать, но я успела поймать ее за полу пиджака и удержать на месте. Первое слово «Сидеть!» далось с трудом. Я произнесла его шепотом, но довольно внятно. Наташка окинула меня внимательным взглядом и глубокомысленно заявила:

– Ага!

– Когда и куда тебе позвонил Мишурик? – спросила я чуть громче, стараясь не выпускать из виду движение на шоссе.

На работу. Почти сразу же как Елена Сергеевна меня отпустила. Полинка понеслась по палатам делать лежачим больным ЭКГ. А заодно «причесать» меня перед коллегами по полной программе. Я уже думала уходить, но тут прозвенел наш «будильник». Представляешь, так и не меняют телефонный аппарат! Ладно, мы люди привычные, но от его трезвона у больных давление скачет.

– У Мишурика нет и не может быть номера твоего рабочего телефона, – убитым голосом произнесла я. – Впрочем, мобильного и домашнего тоже. Давай подробности разговора. Он сразу назвал тебя по имени?

– Да-а-а. – Наташкин голос был, пожалуй, еще убитее. – Назвал, поздоровался и сразу представился – Ельцов. Михаил. Я ему: «Привет!» и все такое. Ну, что рада слышать его не с того света. Мне показалось, что это наш Мишурик. Ир, ты думаешь?... Господи, ну точно! Когда я звонила в кабинет врача, телефон там был с определителем! Ах, продажный эскулап! Коновал хренов! Урод с медицинским уклоном!..

– Стоп! Раньше времени израсходуешь свой словарный запас. Врачу ты представилась...

– Как сестра Наталья. В смысле, ельцовская сестра. А этот интенсивный терапевт тут же сообщил о моем звонке бандитам. Интересно, за сколько сребреников проданся?! И что мне теперь делать? С работы увольняться.

– Это не поможет. Да Полинка даст твои домашние позывные кому угодно, и всем «под большим секретом».

– Тогда на время Бориной командировки вообще переселюсь на работу. Там надежнее. Все же охрана. Вот только пугают слова знаменитой песенки «Ох, рано встает охрана». Будем надеяться, что наша по ночам не спит.

Я представила Наташку в рабочем кабинете по окончании рабочего времени. Не могу сказать, что она в своем домашнем прикиде явилась его главным украшением. Может, мешала новая сковорода с тефлоновым покрытием, которую она не знала, куда пристроить? Ей надлежало быть под руками. Как предмету с двойным дном. Оба можно использовать дополнительно в качестве средства обороны. Зря я довела подругу до такого отчаянного поступка. Пусть даже и мысленно.

– Давай не будем паниковать. Забыла, что нас двое? А две головы, надеюсь, не пустые, – это уже коллектив.

– Мне не нравятся опасные для моей макушки ситуации даже в присутствии коллектива. Не та обстановка, чтобы утверждать – «вместе веселее!».

– Сейчас нам ничего не грозит. Сидим себе и сидим. Попробуй рассказать все подробнее, так, чтобы связать с направлением нашей сегодняшней поездки. Вдруг тебе и на самом деле Мишурик звонил? Сейчас все разложим по полочкам, тогда и решим, что делать.

– Да тут и решать нечего. Надо ехать к Листратову. Есть такое понятие, как непреодолимая сила? Что-то у меня с памятью.

– Есть. Она связана с форс-мажорными обстоятельствами, на которые обычно ссылаются в договорах, когда предусматривают основания для освобождения от ответственности в выполнении обязательств.

– Прекрати! Я сейчас не в состоянии выслушивать всякую галиматью про форс-ажурные обстоятельства. Меня просто-напросто со всей этой непреодолимой силой влечет в кабинет к Листратову. Прямо чувствую, как за спиной у моей машины растут крылья. Но можно заменить друга Листратова на другого друга – нашего частного сыщика с рыжим уклоном, Антона. Кажется, меня к нему тоже влечет. Я не привередливая. Кстати, мне под утро другой Антон приснился, ну тот, небритый самозванец в парике. Так нагло себя вел! Меня сразу и осенило: он не кто иной, как

Кочнев. Да ты и сама наверняка уже догадалась.

Я тут же согласилась. Еще не хватало перепалки. И посоветовала подруге вернуться к деталям телефонного разговора с Мишуриком. Наташка уперла умный лоб в пальцы левой ладони и сосредоточилась. Наверное, по моей просьбе ударилась в воспоминания. Нос едва не касался руля.

Минут пять я ждала спокойно. Еще через пять минут начала нервничать. В том плане, что вдруг Наташкина голова и на самом деле пустая? Все мысли испуганно разлетелись в разных направлениях, а память отшибло чуть раньше этого печального момента. Только тогда, когда умный лоб подруги вышел из-под контроля ручной опоры и с глухим «бумс!» состыковался с рулем, поняла: Наташка от страха задремала. Внутренняя защитная реакция организма на внешние раздражители. Кроме того, помнится, подруга с утра жаловалась, что ночью плохо спала.

– О блин! Задумалась! – потирая лоб и одновременно изучая себя в зеркале переднего вида, пробормотала она. – Надо же! Почти не изменилась. Нам никто не звонил? Ах да! Я бы услышала.

Рядом лихо притормозила иномарка. Мне с трудом удалось взглянуть на нее с показным равнодушием. Скорее всего, оно у меня плохо получилось, поскольку вылезший из машины водитель довольно плотного телосложения, мельком взглянув на мое лицо, взвизывая на него из открытого окна вроде как равнодушно, замер. Потом улыбнулся, вежливо поздоровался и, сделав пару вкрадчивых шагов в мою сторону, спросил: «Мы знакомы?» Я с трудом выдавила из себя отрицательный ответ. Если бы Наташка не отъехала подальше, он бы еще долго приставал с вопросами, а может быть, даже и предложениями. Судя по реакции, подруга окончательно проснулась. Мужчина опять замер, укоризненно покачал головой и отправился в магазин.

– Козел! Принял тебя за путану на выданье! А дома наверняка жена и семеро козлят. Посмотри, красное пятно на лбу не очень семафорит? Мешает сосредоточиться.

– Да оно совсем не красное. Скорее розовое. Тебе идет.

– Спасибо. Мне все цвета идут. Значит так: сейчас я почти уверена, что звонил мне именно Мишурик. Надеюсь, не под патронажем бандитов. Просил срочно к нему приехать, уверял, что это вопрос жизни и смерти многих людей. Адрес я записала. Сейчас. – Подруга полезла в боковой карман пиджака и, вытащив записку, сунула ее мне в руки. На ней значилось: «Любер». – Продолжение следует. Держу его в голове. Как назло, в ручке паста кончилась, а карандаш от волнения сломался. Так!

Момент легкой паники прошел. Наступил момент истины. Что будем делать?

Я усиленно думала. Вслух. Не исключено, что Наталье звонил именно Мишурик. В таком случае, номер ее рабочего телефона мог попасть к нему только от лечащего врача.

– Но он же на бандитском выпасе! – возразила мне подруга.

– Не факт! – возразила ей я. – Если проанализировать твои вчерашние впечатления от встречи с предполагаемым Альфонсом...

– Альбертом!

– Не суть важно!

– Это смотря откуда смотреть. Альфонс – не имя, а образ жизни. Ты меня в какой-то мере компрометируешь.

– Не отвлекай!

– Слова нельзя сказать! – вздохнула подруга. – Ладно, считай, что я временно онемела.

Я с недоверием взглянула на Наташку. В подтверждение своих слов она зажала рот ладонью.

– Так вот про твой вчерашний отчет о визите в больничную палату. – Не удержавшись, опять взглянула на подругу. Она сидела без движения, как каменное изваяние, и я почувствовала себя увереннее. – Мишурик лежал на кровати весь из себя обмотанный бинтами, а кое-где и загипсованный, так?

Наташка ответила согласием, пару раз хлопнув накрашенными ресницами.

– Лечащий врач должен быть лучше всех осведомлен о состоянии здоровья своего пациента, так?

Не отнимая ладони, Наташка закатила глаза вверх и неопределенно пожала плечами.

– Все сомнения толкуем в пользу здоровья пациента, – продолжала я и снова покосилась на подругу. Она не выразила никаких эмоций, оставляя правильность решения на моей совести. – Думаю, что именно врач, сочувствуя положению Мишурика, посоветовал ему избрать полную недвижимость и бессознательность как тактику поведения. Не исключено, что именно он же помог Мишурику покинуть больницу. У нас с тобой два выхода. Первый – перезвонить лечащему врачу и попытаться что-нибудь выяснить дополнительно. И, исходя из результатов, решить вопрос о продолжении нашей поездки к конечной цели. Второй – махнуть на все рукой и напрямик ехать к этой цели – Мишурику. Только окольными путями.

Наташка выдавила из-под ладони что-то невразумительное. Я сочла ее

мычание одобрением и принялась развивать свой план следования по «окольным путям»:

– Подъезжаем не точнехонько к логову Мишурика, а оставляем машину где-нибудь в переулке, дальше идем пешком. Затем выясняем у самых осведомленных людей на свете, соседей по дому, видели либо слышали ли они что-нибудь необычное. Например, приезд чьего-то замотанного в бинты родственника – инвалида на носилках, время от времени стонущего от боли...

– Ну хватит! – решительно оборвала меня подруга. – А то лопну от невысказанных замечаний. Твой «первый» выход забетонирован. И чтобы его пробить, необходимо восстановить номер телефона ординаторской, а он остался на моем календаре. Идиотка... Можно же позвонить Полинке! Ладно, с этим твоим выходом согласна. А что касается второго, ты несешь сущий бред. Какие соседи? Нам надлежит заехать за неким Юрием Алексеевичем, который сядет с нами в машину и будет играть роль проводника, указывая путь в садоводческое товарищество «Сокол». Там где-то на отшибе и залег Мишурик. Двести второй участок. А что если это подстава? Нет, давай все-таки вернемся и прозвонимся в больницу. Можно даже пойти на риск и напрямую заявиться к врачу.

4

Дальнейшего я уже не слышала. Моя интуиция не всегда выбирает подходящие моменты для того, чтобы напомнить о своей уникальности. Меня вдруг осенило, почему все гоняются за курткой Кочнева, перекочевавшей к Мишурику. Точнее, не за курткой, а за неиспользованным железнодорожным билетом. Я от души поблагодарила Димку. Собственно, он, сам того не ведая, подсказал мне верный путь к поиску ответа на один из основных вопросов. Разумеется, мой вариант решения всей задачи мог быть ошибочным, но проверить его все-таки стоило, а для этого необходимо...

– ...сначала хорошенько отбить молотком до состояния тоненькой лепешки. – Раскрасневшаяся подруга в ажиотаже лупила кулаком по лежащему на ее коленях объемистому рекламному путеводителю в мире строительных материалов и цен на них.

– Зачем?!

Память с трудом возвращала меня в конечную точку разговора с Натальей, от которой я со своими размышлениями шарахнулась в сторону. Кажется, она планировала скорую встречу с лечащим врачом Мишурика. Только зачем применять к нему столь радикальные действия?

– Затем! – отрезала подруга. – Так легче его скрутить в бараний рог. Главное, дырок не наделать, а то все содержание выскочит.

– Какое содержание? – осторожно поинтересовалась я, начиная понимать, что Наташка не сбрендилась. Уж слишком уверенно планирует страшные вещи, которые совершить не способна. А раз так, лечащий врач Мишурика может спать спокойно.

Подруга многообещающе заявила «Ща!», ловко подхватила с заднего сиденья машины черный пластиковый пакет и, сунувшись в него, удовлетворенно потянула носом:

– А запах! Давай-ка его съедим, пусть Бороде икается. Не надо было ему из больницы смываться. Хотя, с другой стороны, у него дома маленький внучок оставалась, вернее, оставался, и он явно не рассчитывал отдохнуть на больничной койке.

Очевидно, Бороде икнулось достаточно сильно и не один раз. Не успел кусок мясного рулета с грибами на белой бумажной салфетке перекочевать в мои не очень уверенные руки, как запел Наташкин мобильник. Очень уверенные руки подруги дрогнули, и «подачка» шлепнулась в район рычага

коробки передач.

– Ничего, пусть пока там повалывается, потом съедим. Тебе половина и мне половина, – взволнованно отрапортовала Наташка, кидая мне черный пакет и снова перегибаясь к заднему сиденью за своей сумкой. Та тоже перекочевала ко мне, предварительно вытеснив к моим ногам пакет, предназначенный Арсению. Я никогда не была дружна с физкультурой и спортом.

– Алло! Я слушаю вас! – заорала подруга в мобильник. – Арсений?! – Обернувшись ко мне, победоносно скосила глаза в сторону переломившегося пополам рулета. – Надо же, как удачно поделился! – еле слышно шепнула она мне, закрыв трубку рукой. Затем «дадакнув» пару раз в ответ, включила динамик.

– ...ребенок маленький. Я не мог оставаться в больнице. Приятель помог до дома добраться. Я, собственно, вот о чем: сегодня звонил врачу Михаила, пытался прояснить ситуацию, но он сообщил только то, что Миша непонятным образом исчез из больницы.

– Правильно! Мы как раз к вашему Мише и собираемся.

– Не понял. То есть вы хотите сказать... Где он? Как вы его нашли?

– Ну, это долгая история. Ваш Мишурик отдыхает на двести втором участке в садоводческом товариществе «Сокол» или «Сокол»? С ударением на втором слог. – В ожидании ответа подруга развернулась ко мне. – «Гол, как сокол» – это как раз про Мишурика, стыдливо прикрытого только бинтами.

– Оставайтесь на месте, я сейчас подъеду. Секунду, возьму ручку.

Наташка вопросительно взглянула на меня:

– Что будем делать? С одной стороны, мы уже почти на месте, но присутствие Арсения не помешает. Если в пункте «Б» и получим по полной программе, так на троих.

Меньше достанется. При условии, что Борода от волнения не рассыпется на запчасти. С другой стороны, Мишурик просил держать эту поездку в тайне.

– Давай ориентиры дома Юрия Алексеевича, только не называй квартиру и его имя-отчество, а мы отъедем, спрячемся в укромном уголке и проследим за соратником.

– Что-то тебя так и тянет в кусты! Ты что, перестала ему доверять?

– А если за ним следят? Как раз те, кому доверять не стоит. Ты не успела до конца передать свой разговор с Мишуриком.

– Как я могла это сделать, когда мне все время рот затыкают? Да и разговора как такового не было. Он попросил срочно заехать за... Да-да,

Арсений, я жду. За ваш счет это не очень обременительно. Значит, записывайте: город Люберцы. Он вам на фиг не нужен. Вы его почти проезжаете. По главной дороге. У моста сворачиваете налево. Словом, чтобы не запутаться, у этого моста и встретимся. Оттуда до садоводческого товарищества рукой подать. Мы будем на маленькой белой иномарке. Вы ее помните. Впрочем, встанете на обочине, мы к вам сами подойдем.

Наташка продолжала мирно тратить деньги со счета Арсения, а я глубоко вздохнула, надув щеки, и замерла. Навалившееся беспокойство вызвало приступ тошноты.

– Эх тебя разнесло! – удивилась подруга, срочно сворачивая разговор. – Ну, что на сей раз? – и ткнула меня указательным пальцем в щеку. Раздалось легкое «пух-х-х», и я разом «похудела». – Звук как от аккуратно открытой умелой рукой бутылки шампанского, – хохотнула Наташка.

– Мне надо срочно позвонить, – резко оборвала я ее веселье, роясь в своей сумке и вытаскивая мобильник. – Из телефона-автомата. По номеру, который дал Листратов. Жди меня здесь. Я быстро.

Купить в «Супермаркете» карточку для таксофона было секундным делом. Набрав требуемый номер, а заодно и достаточную порцию воздуха в нос, дождалась ответа и выдохнула его в трубку вместе с набором цифр и связанной с ними скупой, но очень емкой по своей значимости информацией. Затем, не мешкая, вернулась к Наталье.

– Быстро за Юрием Алексеевичем! Потом к Мишурику. Зря ты выболтала Арсению название садоводческого товарищества. Да еще номер участка доложила. Сплошное безумие!

Наталья не обиделась. Задорная улыбка на лице подруги мгновенно переросла в ироническую. Она громко фыркнула и проорала:

– «Безумству храбрых поем мы песню!» Это я про себя. Ты у нас хоть и трусиха, но в своем уме. Где уж нам уж.

– Да уж, боюсь, что ваша песенка спета, а нашу не сумею и начать, если будем тут торчать. Забыла про просьбу Мишурика?

– Я всегда все помню! – разозлилась Наташка. – Дверь закрой! – И тронулась с места, не дожидаясь пока я это сделаю.

Устыдившись хозяйских манер, дверь сама услужливо подалась навстречу моим рукам, я ей старательно хлопнула, вызвав очередную порцию возмущения подруги в том плане, что машина хоть и не моя, но если бы дверь от такого наглого с ней обращения отскочила... И если на то пошло, именно Мишурик, еще будучи в больнице под капельницей, попросил нас связаться с Арсением. Значит, доверял ему.

На сей раз Наташкин монолог длился вплоть до момента полной

остановки, хотя я ей даже слова поперек не сказала. Все вдоль. Разные там «угу», «да», «ну, ясное дело!». Но выдохлась она не скоро.

Обыкновенный пятиэтажный дом с большим зеленым и на редкость почти пустым двором выглядел мирно и немного сонно. Наташка поставила машину у третьего подъезда и сухо доложила:

– Прибыли. Выкатывайся. Нам в четвертый подъезд. Одна не пойду.

– Ну ясное дело, – отметила я очередной раз и гордо вылезла из машины, порадовавшись тому, что каблук только слегка зацепился за порожек. Не унилась до состояния стыковки с асфальтовым покрытием. На нем и без этого хватало выбоин.

От следующего, четвертого, подъезда, помахивая замысловатой палкой, торопливо шел пожилой худощавый мужчина. Явно ко мне. Лицо у него было злое и сосредоточенное. Мигом захотелось сравняться с одной из выбоин на пешеходной дорожке. До нее было ближе, чем до сиденья машины, с которого я только что «выкатилась». Но тут Наталья пошла на перехват и удачно повисла на левом рукаве старого серенького пиджака целеустремленного дедули.

– Простите, вы случайно не Юрий Алексеевич? Дедуля повел себя странно.

– Почему так долго?! – рявкнул он зычно, переключив свое внимание на Наташку, и та испуганно от него отцепилась. – Юрка! – задрал голову вверх, заорал он еще громче.

– Иду! – ответила из открытого окна пятого этажа чья-то говорящая голова, и дед благосклонно кивнул. – Битых три часа тут на лавочке сиднем сижу! – не обращая на меня никакого внимания, сердито доложил он Наташке и поправил не замеченный мной ранее слуховой аппарат. – У всех полным полно питюкалок, а вот соображения договориться о времени встречи не хватает.

– Вы, наверное, всю жизнь в армии прослужили, – осторожно заметила Наташка, нетерпеливо поглядывая в сторону четвертого подъезда. – Голос у вас хорошо поставленный, командирский.

– Я, к вашему сведению, до пенсии и еще десять лет сверху отолярингологом в районной поликлинике отбарабанил. Юра! – помахал он палкой вылетевшему из подъезда мужчине лет сорока и не глядя сунул ее мне в руки. – Дарю! Возьмете с собой. Пригодится.

– Добрый день! Спиридонов Юрий Алексеевич, – представился нам на бегу такой же худощавый, похожий на дедулю мужчина, на которого мы с Наташкой разом уставились. – Спасибо, отец, извини за беспокойство, – расшаркался он с пожилым отолярингологом, наверняка потерявшим слух

на своей тяжелой работе. Наверняка полвека, не меньше, «наушничал».

– Будь здоров, Юра, – на прощанье пожимая ему руку, добродушно проворчал отоляринголог в запасе, равнодушно кивнул нам головой и зашагал обратно к подъезду.

– Не мешало бы поторопиться! – прервала я не очень нужный и, по моему мнению, затянувшийся процесс знакомства с Юрием Алексеевичем. Наташка рассказывала ему историю нашей с ней многолетней дружбы.

– Ну так забирайся назад, – легко согласилась подруга.

Юрий Алексеевич предусмотрительно распахнул передо мной дверь, откинул переднее сиденье, и я с упорством танка полезла в машину. Все бы ничего, вот только мешал переходящий костыль, первоначально и ошибочно принятый мной за хулиганскую палку в руках безумного ее носителя.

И Наташка, и Юрий Алексеевич с тупым интересом наблюдали за моими тщетными попытками впихнуться внутрь. Вид у них был ничуть не умнее моего. Мне надоела роль единственной актрисы в этом затянувшемся спектакле, я сунула костыль в руки бездельнику джентльмену и мигом юркнула на заднее сиденье. К великому моему удивлению, оба зрителя мгновенно, молча и без осложнений заняли свои места. Вместе с костылем.

– Боевое оружие? – покосившись на него, поинтересовалась Наташка.

– Да нет, боюсь, что Михаилу без него просто не обойтись. Надо же, никогда не воспринимал «Таврию» всерьез. Нам сейчас налево.

– Зря, – попеняла ему Наташка. – Зря не воспринимали. Смею заверить, за последние годы с ее помощью вершилось много серьезных дел. Надо же! Я вот тоже не думала, что здесь могут быть такие красивые места.

А случайно не знаете историю названия «Люберцы»? Дальше прямо?

– Минутку. Сейчас проверю свой план. Совершенно верно, у второго поворота еще раз налево и прямо. К сожалению, с историей города знаком плохо. Вот отец вам бы много порассказал. А мне, опять-таки от него, известно только, что Люберцы, считая с официального упоминания, старше Санкт-Петербурга чуть меньше, чем на столетие, а первоначальное их название – Либеицы и Назарово. Возникли, можно сказать, «из ничего» – без конца продаваемой небольшой деревушки, которая в конце концов закрепилась за единоличным хозяином, думным дьяком Иваном Грязевым. Как раз тот вариант, когда «из грязи в князи». Фамилия дьяка сама по себе говорит о ничтожности его происхождения. А вот сам он сумел пробить себе дорогу и выйти в люди. Неоднократно направлялся в составе русского посольства за границу, а в Смутное время вообще отличился особым

образом. Командировали его к ногайцам, так он не только ногайских мурз и улусных людей в повиновение царю привел, но и пятнадцать тысяч русских пленных освободил. Ну а между служебными поручениями и о себе не забывал, прикупал к своим владениям соседние деревеньки и пустующие земли. Кстати, о земле и ее дарах. Сорт картофеля «Лорх» слышали?

– А как же! – горделиво тряхнув головой, вежливо ответила Наташка. – На даче даже сажать доводилось. Фигня иностранная!

– Значит, вас с семенным материалом обманули. «Лорх» – отличный картофель, выведенный здесь, в Люберцах.

– Надо же! Какая досада, – выдавила из себя Наташка и смолкла.

– Вот теперь давайте познакомимся! – напомнила о себе я, стремясь заполнить неловкую паузу. – Вы, наверное, папа лечащего врача отделения интенсивной терапии, где лежал Миш... Михаил Ельцов?

– Здесь можно сократить дорогу, если проехать прямо по проселочной, – не отвечая на мой вопрос, заметил Юрий Алексеевич. И только потом, глядя прямо перед собой, глухо произнес: – Я во всей этой мешанине совершенно постороннее лицо и плохо понимаю общий замысел. Поэтому давайте не будем вдаваться в подробности.

– Ириша, это тебе не история славного города Люберцы! – заметила Наташка, меняя милость на гнев. – Кстати, Юрий Алексеевич, мы тоже в этой истории «совершенно посторонние лица». И, заметьте, бессребреницы! Как ни странно, очертя голову, едем с вами, третьим «совершенно посторонним лицом», совершенно не зная куда. Это, знаете ли, расстраивает. В общем, так: в вашу ловушку номер двести два мы не полезем. Остановимся у ворот товарищества «Сокол». Чтобы, в случае чего, вспорхнуть оттуда вольными птахами. Если хотите, несите Мишурика до машины на руках. Он нам не очень родной, если и брякнете его пару раз о землю, мы не почувствуем. Только прошу учесть, что это не тот сказочный вариант, когда добрый молодец, грянувшись о землю, обернется быстрым соколом.

Юрий Алексеевич ощутило занервничал. Наклонился вперед, затем откинулся назад и попытался сесть поудобнее. Я осторожно выудила у него костыль, отметив вслух некую парадоксальность ситуации. Три человека едут вершить благое дело по спасению четвертого и при этом настолько не доверяют друг другу, что готовы загубить это самое «благое дело» на корню.

– Ир, я тебе безгранично верю! – мигом отозвалась Наташка.

– Я тебе тоже! – с жаром ответила я.

– Видите ли, – начал тянучку Юрий Алексеевич.

– Не видим! – отрезала Наташка. – И видеть не хотим. Хотя не мешало бы знать, с кем идем на кражу личного имущества гражданина.

– Простите?... Что вы имеете в виду под кражей личного имущества? – голос Юрия Алексеевича опустился до низкого регистра.

– Тело Ельцова Михаила Петровича, иными словами, то, в чем его душа держится и что безраздельно принадлежит только ему одному. Мы, кажется, подъезжаем?

– Да. Только желательно бы доехать до конечной цели. Могу сказать одно: я не являюсь отцом лечащего врача Михаила. Но мне он известен как очень порядочный человек.

Сделав это заявление, Юрий Алексеевич выудил из кармана мобильник и через пару секунд доложил «Мариночке» о том, что мы подъезжаем. Скорее всего, он намеренно держал трубку подальше от уха. Было хорошо слышно, как обрадованная Мариночка возносила хвалу Господу, радовалась за Мишеньку и обещала накормить всех «не хлебом единым». Я невольно покосилась на два завалившихся куска Наташкиного рулета, ни за что ни про что пропадавших у рычага коробки передач.

Мишурик очень изменился. Я с сомнением смотрела на заросшего далеко не одноразовой щетиной человека, приветливо улыбающегося нам с кушетки, и терзалась сомнениями: а наш ли это бывший Шурик? Наташка тоже пыталась отыскать в нем знакомые черты, но, вздохнув, заявила, что перед нами нечто непонятное. Вот если бы лицо этого «нечто» забинтовать вместе с головой, оставив свободным только носогубный треугольник, она бы еще как-нибудь смогла завершить идентификацию.

– Трудно узнать, да? – извиняющимся тоном спросил Мишурик голосом знакомого нам Шурика.

– Да ну, что ты, – дружно промямли мы обе. При этом Наташка в доказательство наших слов бодро добавила: – Просто слишком экстравагантно выглядишь, у тебя лицо все еще немного ободранное и опухшее. Но мы не в претензии. Им, наверное, и тормозил, да еще эта экзотическая на нем поросль. А так все узнаваемо: легкая черепно-мозговая травма, прикрытая нашлапкой на лбу, правая нога в гипсе, осколочный перелом голени, правая рука на косынке, то ли трещина, то ли перелом в области правого предплечья, и три сломанных ребра. Последних, к счастью, не видно.

– И точно не похож на Альфонса-Альфреда! – тихо засмеялся Мишурик, но его смех тут же перешел в болезненный кашель, от чего нас с Наташкой перекосило точно так же, как и его самого.

– Хватит ржать! – строго приказала подруга. – Собирайся, лидер гонки на выживание, поедem к другим пенатам. К нам на дачу. Я так понимаю, ты за этим нас призвал? Времени в обрез. Скоро темнеть начнет. Надо отсюда сматываться.

Справившийся с приступом кашля Шурик смотрел на нас и улыбался:

– Спасибо вам. Только зачем так торопиться? Марина обед приготовила. Мы здесь пока в полной безопасности. Пообедаете и поедem. Надеюсь, никому об этой поездке не рассказывали?

Мы с Наташкой переглянулись, и Шурик не мог не заметить сомнения и беспокойность, прочно осевшие на наших физиономиях. Он терпеливо ждал ответа.

– Арсению, – расстроено призналась Наташка. – Ты же сам просил с ним связаться. Минувшей ночью мы с ним собирались выкрасть тебя из больницы, но тебя уже успешно украли.

Улыбка медленно сползала с лица Мишурика. Такое впечатление, что он не совсем доверял тому, что слышал.

– Но мы с Арсением недавно договорились встретиться совсем в другом месте! – осенило подругу. – Он, наверное, там нас и ждет. – И окончательно полинявшим голосом добавила: – Я назвала ему номер участка и название товарищества.

– Так, дружок, давай-ка собирайся, – вскочил Юрий Алексеевич. – Я тебе помогу.

– Это куда все так быстро намылились? – весело поинтересовалась прибывшая из кухни Марина, руки которой были заняты большим блюдом с рассыпчатой отварной картошкой, необходимым дополнением к дарам лета, украшавшим стол на веранде. Я невольно повела носом, умопомрачительный запах свежего укропчика невольно отвлекал от неприятных мыслей. По краям блюда виднелись желтенькие следы холестерина. Масла девушка не пожалела. В сочетании с зеленым ковровым покрытием из укропа красота необыкновенная. А еще этот замечательный парок.

– Ты тоже собирайся, – не ответив на вопрос, заявил Юрий Алексеевич.

Хорошенькое лицо девушки вмиг стало расстроенным и обиженным. Ну до чего же знакомое лицо! Эти большие выразительные глаза, пухлые губы. Похожа на ребенка. Бывают же такие милые мордашки! Вот только волосы неудачного цвета – темно-каштановые. Крашенные, наверное. Со светлыми она была бы похожа на одуванчик. Несмотря на озабоченный тон Юрия Алексеевича, Марина продолжала топтаться с блюдом на месте, не решаясь поставить его на стол или вернуть обратно. На короткое время возникла напряженная пауза. Совершенно не хотелось срываться с места.

– Вы не поможете Мариночке убрать со стола?

Я с трудом оторвалась от картофельного великолепия и взглянула на Юрия Алексеевича. Ответила не сразу, копила силы для решительного «да!». И тут Наташка очередной раз выгодно оттенила свою сообразительность:

– Ну, что сидим? И стоим? Надо быстренько свернуть эту клеенку-самобранку, в машине ужиная и пообедаем. Ирина Санна усядется впереди с картошкой на коленях. Замечательный балласт. Кроме того, судя по ее решительному настрою, так просто она ее врагам не отдаст. Да я и сама не позволю. Марина, есть какая-нибудь коробка? И банки тащи. – Наташка принялась ловко собирать со стола. – Ир, тебе лучше заступить на дежурство у дороги. Заметишь любую подозрительную машину, в принципе сейчас они все подозрительные, сразу сюда. Хорошо, что участок

имеет выход в проулок, удирать будем по второй дороге.

Бурная деятельность подруги быстро активизировала остальных. Все засуетились. Нормально выйти в дозор я не сумела. В дверях застрял Юрий Алексеевич, страховавший скачкообразный выход Мишурика с привезенным ему костылем. Об него я и споткнулась. В смысле, о костыль. Он же наискось перекрыл дверь, в результате чего Мишурик, крутанувшись на здоровой левой ноге, здоровым левым боком нечаянно боднул Юрия Алексеевича и выказал намерение выпасть на крыльцо. Юрий Алексеевич его опередил и легко загремел вниз по ступенькам.

Заорали все. Кроме меня. Направленная твердой рукой подруги в сторону освобожденной Мишуриком кушетки, я, подумав о «принципе домино», проявила определенную строптивость и приколенилась на старом кресле, получив возможность окунуться лицом в зеленый покров укропчика. И на фига напросилась вынести картошку по пути на дежурство? Все равно блюдо следовало предварительно сунуть в пакет. Вот оно, очередное подтверждение наказуемости инициативы!

Эта мысль была первой, вторая – «что с Мишуриком?», заставила меня плотнее вжаться в содержимое блюда. Не надолго, всего на пару секунд. Картошка была все еще горячая, да и Марина подоспела. Наташка, как всегда, оказалась на высоте. Точнее, на подхвате. Крепко ухватив Мишурика за ворот светло-серой байковой рубашки с вкраплениями искусственного «холестерина», то бишь желтенькими квадратиками, подруга намертво прижала его здоровыми частями тела к дверному косяку и при этом отчаянно требовала стул. Откуда-то снизу, скорее всего, от истоков крыльца, доносились громкие обвинительные заключения Юрия Алексеевича. Но общего плана. Без упоминания конкретных личностей.

Я сразу поняла, что с ним все в порядке. Делить с Мишуриком костыль ему не придется.

– Дайте же, в конце концов, стул! – вела свою партию от двери Наташка. – И усадите на него Ирину Александровну. Не забудьте привязать ее к нему веревками!

– Да ладно, я пока здесь посижу, – отплевываясь от укропа, дрожащим голосом пообещала я и перебралась на кушетку. Дрожал не только голос, руки и ноги тоже ходили ходуном.

– Марина, помоги спустить господина Ельцова вниз. Он у меня совсем обмяк.

– Наталья Николаевна, вы его просто немного придушили. Давайте я подержу, а вы отпустите воротник.

– Две последние ступеньки сломаны! – донесся снизу рев Юрия

Алексеевича.

– О, блин! Да когда же этот бег кончится? – простонала Наташка, помахивая освобожденной и онемевшей от железного захвата рукой. – Причем, каждый раз с препятствиями. Ирка, не сдувай зелень с лица! Будешь играть роль биологического отпугивающего средства. Ну, что? Начинаем спуск летательного аппарата под кодовым названием «Мишурик». Мама дорогая! – подруга надсадно крикнула. – Мишурик, да что ж ты такой тяжелый-то?! Тебе от страха полагалось всю воду из организма спустить, а человек, как известно, в основном и состоит из воды.

– Наталья Николаевна, отпустите, пожалуйста, мою руку, вы меня вместе с Мишей поднимаете. Нет, так не пойдет. Миша, обхвати меня левой рукой за шею.

– Девочка, да разве ты со своим весом его удержишь? Вас потом у подножия лестницы действительно будет трудно разъединить, единым клубком скатитесь.

– Наталья Николаевна, я медик со стажем и знаю, что делаю.

– А я медсестра в интересном возрасте и с соответствующим ему опытом! Мишурик, обхватывай меня за шею. Ну ты уж совсем! Правая рука у тебя травмирована. Зачем ты здоровую-то в косынку сунул? Марина, спускайся вниз, вместе с Юрием... Блин, от волнения отчество забыла, будете страховать спуск внизу. Встанете стенкой, знаешь, как в хоккее или футболе при назначении штрафного удара. Не оглядывайся, Ирину Санну не забудем. Она потом сама скатится. Ей, главное, не мешать. Ир, слышишь меня? Господи, ужас какой. Такое впечатление, что мохом поросла!

С большим трудом подруга оторвала Мишурика от двери. Вместе с планкой обналички, которую он тут же пообещал прибить на место. Как только, так сразу, но при этом смотрел на деревяшку таким взглядом, словно прощался на всю жизнь.

Пока подруга обеспечивала безопасность возможного полета Мишурика, я собралась с силами и решила принести хоть какую-то пользу. Поднялась и окинула хозяйским глазом помещение веранды. И когда только Марина успела привести все в порядок? Заметив прислоненный к стенке костыль, подхватила его и, старательно глядя себе под ноги, вышла на крыльцо.

Посадка была уже успешно завершена. Марина попросила меня оставить костыль в покое и закрыть дом на замок, который надлежало взять со стола. Я довольно удачно закинула костыль в куст плетистой розы, обвивавшей треугольную решетку – опору, где он и застрял в требуемом от него состоянии покоя.

На столе замка не было. Я проявила смекалку и понеслась на кухню. И не моя вина, что ошиблась дверью. Влетев вместо кухни в комнату, хотела тут же вылететь, но взгляд невольно отметил висевшую на стене фотографию в деревянной рамочке. С нее мне задорно улыбалась девушка Ксения, двумя руками вцепившаяся в серьезного Мишурика, в свою очередь бережно ее обнимающего. Не знаю, что заставило меня снять рамку со стены, вытащить фотографию и сунуть ее в карман пиджака. Воровство не мое хобби. С веранды до меня донесся обеспокоенный голос Наташки, требующей немедленно отозваться. Даже если рухнула в подпол. Я выскочила из комнаты и немедленно отозвалась, заявив, что ищу на кухне замок.

– Я его уже нашла, на веранде, на стуле валялся, – сообщила подруга. – Остается только костыль с куста снять. Выматываемся отсюда. Еще неизвестно, куда ехать. Хотелось хотя бы к одиннадцати вернуться домой и выспаться. Надеюсь, Ефимов будет не очень громко скандалить и «бить по мозгам». Надо сочинить для него весомую причину твоего отсутствия.

– Надейся. «Надежда, мой компас земной», – пропела я, аккуратно перешагивая порог, отделяющий коридор от веранды. – Его красная стрелка указывает на север. Иными словами, на нынешнее место пребывания Димки. Он сегодня дежурит в больнице.

Я все-таки успела сорвать костыль с розового куста и без дополнительных для себя проблем закинуть его в машину. Проблемы пассажиров заднего сидения меня в горячке не очень волновали.

Наташка закрыла дом. Еще один замок, правда, не закрыв его по причине отсутствия ключей, она по просьбе Марины повесила на калитку. Забыв про свое решение выехать по дороге, проложенной с другой стороны участков, Наташка покатила к повороту на старую. Но я была начеку – пришло, наконец, мое время проявить себя с положительной стороны – заставила Наташку притормозить. Скинув туфли и пробежав с десятков метров до поворота босиком, осторожно выглянула из-за забора. Увиденное не обрадовало. По дороге, стремительно приближаясь, неслась знакомая, как мне показалась, иномарка. Черная, как замыслы тех, кто, по моему разумению, мог в ней сидеть. Следом пылила еще какая-то машина.

Я мигом отпрянула и, не обращая внимания на мелкие камешки, понеслась к нашей машине, отчаянно сигнализируя руками о необходимости срочного разворота. Но проулок для него был слишком узким. Поэтому, едва я запрыгнула в машину, Наташка включила заднюю передачу. Мы и ахнуть не успели, как очутились на параллельной дороге.

– Через пять участков будет еще один проулок. Там участок Репневых.

Их самих наверняка нет, ворота и гараж никогда не закрываются. Давайте переждем там, – торопливо сказал Мишурик, успев уложиться со своим предложением как раз в расстояние в пять участков.

Мы с Наташкой отсиживались в гараже недолго. Никакие уговоры Юрия Алексеевича, призывающего к благоразумию, не помогали. Мне надо было убедиться в своих подозрениях. Я заявила, что возьму валявшуюся у ворот лопату и отправлюсь с ней под видом дачницы к только что безвременно покинутому нами дому, где по моей вине забыли-таки блюдо с картошкой.

– Ну зеленую, заплесневелую морду твоего лица еще можно оправдать дачными мотивами, мало ли кто из чего косметические маски делает, – глубокомысленно заявила Наташка, вылезая из машины. – Но лопата никак не идет к твоему официальному рабочему костюму и туфлям на каблучищах. Просто извращение какое-то. Поэтому лопату возьму я и пойду следом.

– А твой наряд замечательно с ней гармонирует, да? Особенно фирменный пиджачок! – огрызнулась я, решив, что ни за что не пойду в разведку босиком. Мало того что колготки разодрала, так еще и ноги камнями повредила.

– Даром теряем время на препирательства! При чем тут мой пиджак? Лопата полностью соответствует моему складу характера. Тебе она нужна для неудачного камуфляжа, а мне как средство необходимой обороны. И вообще, наша задача – оставаться в тени. Тихо понаблюдаем из-за забора, повеселимся – и назад.

Семенить на тонких каблуках по засыпанной крупной щебенкой дороге еще то удовольствие! Каждый раз, когда они подворачивались, я жалела, что не прихватила костыль и от души завидовала Наташке, успевшей дома натянуть туфли без каблучков. В результате, к финишу, намеченному ранее углу забора, подруга добралась первая, прилепилась к нему, осторожно высунула голову и замерла. В следующий момент она выронила лопату и, повернув ко мне напряженную физиономию с отчаянно вытаращенными глазами, что-то пискнула. Затем ее взгляд странно заметался в разных направлениях и остановился на заборе, на котором она невольно повисла, уцепившись за него руками. Ненадолго. Подруга лихо подскочила на месте и, забыв про отвоеванное у меня «средство необходимой обороны», рванула назад, на бегу призывая меня немедленно сматываться.

«Смотались» мы только до ближайшей калитки, разумеется, закрытой на замок. Каблуки невольно гасили скорость. Наташка легко и отчаянно в нее ломанулась. Калитка не сумела противостоять такому напору,

распахнулась и предоставила подруге возможность шлепнуться на утоптанной тропинке, ведущей в глубь участка. Но Наташка даже не вякнула. Ни на секунду не задержавшись, на коленках отползла к лохматому кусту жимолости и разлеглась там, в тенечке, яростно призывая меня не тормозить. Повторного приглашения я ждать не стала, поскольку отчетливо донесся характерный звук приближающейся автомашины. Кое-как прилепив калитку с верным ей и так не открывшимся замком к забору, из которого вылетели петли, я мигом присоединилась к подруге, рассуждая о том, что в рабочем кабинете очень полезно иметь сменную обувь.

Мимо, поднимая пыль, одна за другой пронеслись целых две машины – темно-зеленая «пятерка» и черный «БМВ» с наполовину тонированными стеклами. Наташка на дорогу не смотрела, вжалась лицом в старательно прополотую под кустом землю. А когда оторвалась от нее, стало понятно, ее «маска» будет похуже моей, ибо заботливые хозяева участка успели присыпать приствольный круг навозом. На наше счастье, сухим. В коей-то мере я оказалась сопричастной, на рукавах пиджака достаточно налипло этого универсального удобрения.

Мы стали отмываться и отчищаться под струей холодной водопроводной воды, решив, что теперь уже торопиться не стоит. Неизвестно, где будет поджидать Арсений, прикативший за Мишуриком вместе с высоким блондином, с которым, как рассказала Наташка, он весьма бурно обсуждал сложившуюся ситуацию. Светловолосый мужчина определенно был тем самым человеком, на груди которого вчера рыдала Ксения. Со всей очевидностью, прибывших разбирала досада: то один, то другой беспомощно хлопали руками по бокам. На крыльце в бесплотной попытке вломиться в закрытую дверь садового домика прыгало какое-то существо, судя по фигуре, женского пола. Затем мужчины прекратили жестикуляцию и, перебросившись парой слов, быстро разбежались по машинам. Арсений сел в «БМВ». Существо женского пола, оказавшееся девушкой Ксенией, заслонившись ладонью от солнца, оглядело сверху соседние участки, признаков жизни на них не обнаружило и сигануло вниз чуть ли не с площадки крыльца. Вероятно, за компанию сломались и оставшиеся ступеньки. Носом почуяв опасность, Наташка бросила лопату и ударилась в бега, подав мне пример, достойный подражания.

– Жди звонка на мобильник, – машинально открыв кран и приложив к нему ладонь, предсказала я. Водяные брызги с силой ударили в разные стороны, и подруга, отскочив, взвизгнула. Да я и сама задохнулась от ледяной свежести, только не сразу сообразила закрыть кран. – Извини, хотела еще раз умыться.

– Нас уже и так достаточно «умыли», – шмыгнула носом подруга. – Не отличишь друзей от врагов, жертв от преступников, тебя – от почетной долгожительницы сумасшедшего дома, меня – от нормального человека. Быстро в машину! Надеюсь, ее еще не угнали. Вместе с мобильником и документами. Ирка, у тебя моська все еще в зеленую крапинку! Наверное, укроп укоренился.

Я снова потянулась к крану, но Наташкин окрик со ссылкой на то, что она пошутила, заставил опустить руки.

Возвращались медленно. С любопытством глазели на разноцветные пышные шапки флоксов, обсуждая предстоящие переговоры с Арсением и другими участниками нынешнего заезда. «Закрывая» за собой сорванную с петель калитку, я мучилась угрызениями совести. Наташка – нет.

– Мы хозяевам унавоженную землю под кустом разрыхлили и клумбу полили методом дождевания. И в туалете отметились, тоже своеобразный вклад в улучшение культуры земледелия. Кроме того, указали слабое место в системе охраны участка от внедрения воров и вандалов. В какой-то мере в расчете! Сдачи нам не надо.

6

Троица спасаемых нами беглецов так и сидела в «Ставриде». Все на своих местах – двое полубоком, Мишурик – вольготно в середине. Его правая, загипсованная нога стараниями Мариночки удобно покоилась на клетчатом пледе, уложенном на коробку передач.

– В тесноте, да не в обиде, – удовлетворенно отметила Наташка. – А здесь не на кого обижаться.

Все трое молча и напряженно смотрели на нас. На Наташкин вопрос, были ли звонки, мы синхронно помотали головой. И так же синхронно оповестили: «Звонок!», ибо в Наташкиной сумке раздалось «Прощание славянки».

– Дела-а-а, – протянула Наташка, срывая сумку с педали сцепления. – Как это она у меня здесь оказалась? И мелодия звонка сама по себе поменялась.

– С мобильником потом будешь разбираться. Отвечай, как договорились, – напомнила я подруге.

– Не бойсь! Память – единственное из моих лучших качеств, которые у меня всегда с собой. Ал-ле-е-е? – ласково пропела подруга, включила динамик и погрозила всем кулаком, призывая затаиться и не дышать. Я молниеносно нажала кнопку приемника. Салон наполнился родными напевами кавказских горцев. Наташкин кулак придвинулся ближе к моему носу, но я, сделав «страшные» глаза, пожала плечами, демонстрируя полную свою невиновность.

– Наташа, это Арсений. Что там у вас происходит? Где вы?

– В гостях у сказки! Случайно встретились с друзьями, сидим вот в гостях за столом. Такая сказочная атмосфера! Ребята, вы не можете петь потише?

– Можем! – подпела я горцам и выключила звук.

– Ничего не понимаю. Наташа, мы должны были встретиться, чтобы поехать к Михаилу!

– Увы, обстоятельства. И потом, мы с Ириной подумали, посоветовались с друзьями и решили не вмешиваться в ход ваших событий. Как инопланетяне с жителями земли. Ну чем мы можем вам помочь? Ничем! Даже пиджак Мише вернуть не в состоянии, поскольку передали его Ксении. А неприятностей и без того хватает. В конце концов, у нас почти правовое государство. Обратитесь в соответствующие органы. И

прошу вас больше не звонить. Если Михаил еще раз о себе напомнит, то же самое порекомендуем и ему.

Было хорошо слышно, как Арсений взывал к Наташкиной совести, а потом и жалости, но она демонстративно отключила телефон. Я вытащила свой. Буквально через минуту, как я и ожидала, позвонила Ксения:

– Ирина, как дела?

Включив звук приемника на полную катушку, с испуга я чуть не выронила мобильник. Захлебываясь от восторга, нам предлагали купить квартиры в разных районах Москвы по ценам, ориентируясь на которые, мы реально смогли бы приобрести только благоустроенный туалет. Но он в настоящее время нам как-то ни к чему – успели посетить чужой, неблагоустроенный.

– Уймите этого человека, – завопила я, опять выключая звук. – Да не нужна нам новая квартира! Кстати, Ксения, я подумала и решила, что ремонт в старой мне тоже не нужен. Если ты по поводу Кочневых, то они не объявлялись и не звонили. И вообще я меняю номер телефона. Хочется сохранить в душе хоть какие-то приятные воспоминания о заграничной поездке. Надеюсь, ты меня поняла.

– Тем хуже для тебя, – отрезала Ксения. – Не понимаешь, во что вляпалась!..

Ответить что-либо я не успела. Мобильник онемел. Кажется, рефлекторно отключилась. Ненавижу угрозы!

Осторожно поглаживая протянутую вперед загипсованную ногу Мишурика, я тяжело, со всхлипом, вздохнула и печальным голосом сообщила о нависшей над нами опасности. И предложила всем скопом немедленно ехать в прокуратуру.

Первой отозвалась Наташка: «У меня бензин почти на нуле», хотя в этой ситуации ей следовало, по крайней мере, онеметь. Вот что значит вывалиться в навозе! Совсем нюх потеряла. Не может понять, куда я клоню.

Вторым напомнил о себе Юрий Алексеевич. Скромно поперхнувшись и покашляв в кулачок, он попросил доставить их обратно к садовому домику, откуда он доберется пешком, и предложил возместить стоимость израсходованного нами в этой поездке бензина. Марина тихо заплакала, а Мишурик скрипнул зубами.

– Зубы надо беречь! – глубокомысленно заметила Наташка. – Кроме костыля, зубов и когтей нам нечем отбиваться от врагов. Господа, я так понимаю, в прокуратуру никто ехать не желает. В милицию, надо полагать, тоже. Молчание – знак согласия.

– Причем недобрый знак! – строго сказала я. – В таком случае, когда

мне без моего на то согласия будут обеспечивать внеплановый ремонт квартиры, умелыми руками превращая ее в окончательно и бесповоротно нежилое помещение, хотелось бы знать, за что? Мишурик! Тебе слово. Марины и Юрия Алексеевича стесняться нечего, они спасли тебя от верной гибели. Для истории. Зачем только мы в нее вляпались? Уверена, оба сумеют пожалеть и оправдать тебя, как плод своих совместных профессиональных и нравственных усилий. Я правильно поняла, что Юрий Алексеевич, лечащий врач Мишурика? А кто такая Мариночка?

Марина виновато взглянула на врача. Он пару раз кашлянул и беспокойно завопил в своем углу, усилив общее временное неудобство.

– Я – медсестра того же отделения, – голос Марины немного окреп. – Мы с Юрием Алексеевичем просто не могли поступить иначе. Если вы сообщите об этом в прокуратуру и об этом узнают...

– Вам тоже обеспечат внеплановый ремонт квартир! – догадалась Наташка. – А помимо этого.

– Мишурик! Время пошло! – резко оборвала я ее.

– Пошло, – еле слышно отозвался Мишурик, и его больная нога слегка дернулась. – И оно, к сожалению, работает не на нас. Я бы вернулся, но меня здесь обязательно будут искать и найдут. Очень прошу вас поверить мне на слово, я ничего плохого не совершал. Просто иногда абсолютно справедливые с точки зрения морали действия противоречат требованиям закона. Не за себя боюсь.

– В фирме, где работал настоящий Кочнев, чуть больше недели назад погиб заместитель генерального директора.

При этих словах нога Мишурика дернулась сильнее и он снова скрипнул зубами.

– Сам генеральный таинственным образом исчез до этого печального события. Ты имеешь к этому отношение?

– Тимур погиб? Я ничего не знал о его гибели. – Мишурик явно не врал. На его физиономии появилось выражение крайнего замешательства. Словно ему, обуреваемому жаждой, протянули стакан холодной родниковой воды, но тут же отобрали. И он еще не знает, как к этому относится – как к простому розыгрышу или пытке. – Я его не убивал! Как же он мог погибнуть, если...

Мишурик разволновался не на шутку. Вместе с ним разволновались и Юрий Алексеевич, и Марина: слишком активно он старался выбраться из машины.

– Сидеть! – рявкнула Наташка. Команда, как всегда, подействовала. Пассажиры заднего сидения застыли. Хуже всех пришлось лечащему врачу.

Больной полностью закрыл его своим телом, практически высвободив ранее занимаемое собой место. Закаменевшей Марине даже не пришло в голову воспользоваться этим обстоятельством и хоть на короткое время разместиться с удобствами.

«Кажется, „перегнули палку“, – подумала я и ласково сказала:

– Ну что ты, Мишурик. Тебя в убийстве этого Тимура никто и не обвиняет. Ты по техническим причинам просто не мог этого сделать. Только в безумных боевиках герои лупцуют друг друга так, что с каждым новым смертельным ударом у них появляются новые силы для ответного, тоже смертельного. Увы, ты не такой герой. Тебе хватило одного столкновения с простой автомашиной. Впрочем, не будем наступать на начинающие образовываться на месте переломов костные мозоли. В том числе в моей памяти. Все это произошло на моих глазах, потом я долго не могла успокоиться, столько триллеров пропустила без просмотра!

Сеанс психотерапии подействовал. На заднем сиденьи началось оживление. Марина оттаяла и села поудобнее, Мишурик с трудом слез со своего лечащего врача и перебрался к ней на колени. Но тут же извинился и поспешил вернуться на старое место. С ее помощью.

– Ну хватит издеваться над моим вздохом! – всколыхнулась Наташка. – Ир, вылезай и забирайся назад. Мишурик весь лечащий персонал обседел и разбередил старые раны. Пусть перебирается на твое место, откатим сиденье назад до упора.

– Упором, надо думать, буду я?

Мне не очень нравилась эта затея. Да и Мишурик невольно застонал от перспективы нового перемещения...

– Ничего. Побудешь «упором». Прижизненная реинкарнация! – отрезала подруга и более мягко добавила: – Вызванная производственной необходимостью. Машина ведь не резиновая. Если психованному больному не обеспечить надлежащие условия транспортировки, она развалится на запчасти. Уложим спинку переднего сиденья тебе на колени, старайся отслеживать Мишуриковы колебания. Если активизируются, немного придушишь больного. Он и успокоится.

– Вы знаете, как погиб Тимур? – покрехтывая, вернулся на старую стезю Мишурик, когда его аккуратно выволакивали из машины. Отвлекался таким образом от жуткого процесса пересадки.

– Только со слов Майки, – охотно поддержала я тему, тем более что в пересадке больного члена нашей компании не участвовала. Мне поручили держать костыль, с ним я и руководила операцией, корректируя ее ход: «правее, чуть левее, поднимите ногу чуть выше. Все! Бросайте!». – Майка

сказала, что примерно неделю назад он поехал на рыбалку и вроде бы утонул.

– Тело нашли?

– Наверное, нашли.

Я сдула с прислоненного к капоту Мишурика сухую травинку.

– Наталья, а зачем нам костыль? Мишурику он только мешает.

– Затем! Без него невозможно запихнуть тебя в машину. Видишь, все посадочные места сзади уже заняты. Кто не успел, тот опоздал. Не дуй на Мишурика. Сдуешь с капота, я его потом одна не загружу. Не буду возражать, если вручишь костыль ему.

– Я не верю! Он сделал это специально! Казалось, Мишурик Наташку не слышал.

– Разумеется. У него не было другого выхода. Когда о самоубийстве очень настоятельно просят, можно сказать, толкают на этот поступок. – Тут я осеклась, пораженная своим мыслям, затем выдала пару невразумительных слов и, завершив их внушительным: «Ни фиги себе фиги!», влезла в машину, приложившись головой о крышу. Боль заставила охнуть, отбросить костыль на землю. Я с остервенением принялась потирать место ушиба.

– Нет, двое больных на голову – это уже перебор! – услышала позади себя голос подруги, бесцеремонно продвинувшей меня назад коленом, где меня тут же принялся утешать Юрий Алексеевич. Со ссылкой на то, что до свадьбы, неважно чьей, все заживет. Плохое утешение. Вся эта история, собственно говоря, со свадьбы и началась.

С моим водворением на место дальнейшая погрузка прошла быстро и без осложнений. Шурик даже пикнуть не посмел, видя, как бесцеремонно Наталья Николаевна обращается с костылем.

Выехав на шоссе, Наташка притормозила и заявила, что проторенным путем не поедет. Лучше уж через Уральские горы. Юрий Алексеевич не возражал. Просто попросил высадить его где-нибудь в начале пути. Окончательно размякший Мишурик пообещал указать другой, более короткий маршрут. Он и в самом деле оказался таковым, всего на девяносто километров длиннее первоначальной дороги. Но с учетом того, что конечным пунктом прибытия явились наши с Наташкой дачные угодья.

Моя дорогая свекровь, слегка похудевшая, но в то же время и помолодевшая от слишком длительной встречи со своей молодостью, ярким напоминанием о которой являлась обремененная семьей лучшая подруга, нашего прибытия не испугалась. А уяснив, что из общего числа участников заезда наслаждаться подмосковными вечерами останутся

только двое – загипсованный Михаил Петрович с «сестрой» Мариной, да и то на Наташкиной даче, немного расстроилась: трудно жить на два дома.

Домой мы с Наташкой отправились только в девятом часу вечера, «закинув» по пути Юрия Алексеевича на станцию. Он уверял, что ему на электричке добираться до дома быстрее, и даже не заметил Наташкиной иронии насчет важности его персоны. Не всякому проложат рельсы прямо к подъезду. Расставались с ним, договорившись, что друг друга знать не знаем и в глаза никогда не видели. Впрочем, как и Марину. Чуть позднее девушка пояснила, что оформила на работе краткосрочный отпуск «по семейным обстоятельствам».

Следовало признать, что Мишурика по его просьбе они с Юрием Алексеевичем вывезли из больницы без всякой лишней суеты. Просто в начале одиннадцатого ночи, запланированной нами для похищения пострадавшего, украшенная одноразовой повязкой на лице процедурная медсестра отделения интенсивной терапии Марина зашла в палату Мишурика и на глазах у обалдевшего охранника (второй был отпущен домой) организовала спешный выезд пациента в реанимационное отделение. Сам Мишурик, успокоенный качественной инъекцией снотворного, ничего не слышал, имитировал затянувшуюся «клиническую смерть», иными словами, вносил посильное участие в дело своего спасения из лап бандитов. Охраннику было велено дожидаться визита дежурного врача, которого неизвестно, где черти носят. Как только он, уже объявленный в розыск, заглянет в палату, пусть немедленно бежит в реанимацию, там ему сейчас самое место.

Менее чем через пятнадцать минут полусонный Мишурик уже сидел в машине, за рулем которой находился его лечащий врач, неделю назад после провала на экзамене по вождению купивший права.

На свое счастье, Мишурик окончательно проснулся уже в Люберцах и очень обрадовался новой обстановке, достаточно скромной двухкомнатной квартире, в которой проживал отец Юрия Алексеевича. Малогабаритной, но уютной и значительно превышающей размерами больничную палату. Результат удачного обмена трехкомнатной московской квартиры. Благодаря этому же обмену, Юрий Алексеевич с семьей стал обладателем двухкомнатной квартиры улучшенной планировки практически рядом со своей больницей. Лечащий врач Мишурика, оправдываясь тем, что рано утром – на работу, укатил сразу же после окончания транспортировки своего пациента к отцу. Надо полагать, не очень надеялся на свой короткий опыт вождения. Удивлялся уже тому, что вообще прибыл в Люберцы, и в тайне рассчитывал часов за семь добраться назад. Если не до родного

семейного порога, так до родной больницы – хотя бы к моменту утреннего обхода.

У Спиридонова-старшего Шурик не залежался. В пять утра дедуля вывез их на принадлежащую Мишурику дачку, благо находилась она неподалеку.

Утром в кабинете Юрий Алексеевич выслушал много неприятных вещей от заведующего отделением, носящий характер жалобы простой пересказ точки зрения главного врача на ночной бордель в отделении. Заодно выяснилось, что главный врач больницы – совсем не подарок и хорош только своими связями в Минздраве, которые, кстати, того гляди, оборвутся. Именно с разрешения главного врача в палате Мишурика постоянно дежурили посторонние люди – личная охрана, на которую, как заметил Юрий Алексеевич, у больного от страха глаза не глядели. Боялся ее больше, чем повторного наезда машины.

Хуже Юрию Алексеевичу пришлось при общении по телефону с многочисленными родственниками Мишурика. О наличии такого их количества и ассортимента больной даже не подозревал. Еще хуже прошла личная встреча с охранниками. Ему много чего наобещали.

Что касается обстоятельств перевода Мишурика из клиники Склифосовского в простую городскую больницу, то о них ничего не известно даже самому пациенту. С ним вообще никто не советовался. Марина на этот счет тоже недоуменно пожимала плечами.

«Сестру Наталью», о звонке которой Юрий Алексеевич сообщил пациенту, а заодно и Марине, Мишурик признал сразу. Ключевым моментом послужила Наташкина фраза о кожаном пиджаке, возвращению которого он так и не успел порадоваться.

Посадив Юрия Алексеевича на электричку, мы с Наташкой не выдержали и вернулись назад. Ради скорейших перемен к лучшему можно было еще разок припоздниться и не выспаться. Подруга уже смирилась с тем, что взгрустнувшая в одиночестве Денька наверняка пролила в отчаянии не только слезы, но и пару луж. А я успела доложить мужу, что, пользуясь оказией, заехала к бабуле. Сей факт свекровь лично ему подтвердила. Затем поныла Димке на тему, «как скучно без него в родном доме». Почти то же самое выслушала от Аленки. Только ей было скучно еще и без меня, бабули, кошек и братика, унесшегося на очередное свидание с Зайчиком.

Битый час я пыталась вытряхнуть из Мишурика правду. Накормленный и напоенный, с ощущением чувства пусть временной, но полной безопасности он возлежал в шезлонге на Наташкиной

многофункциональной кухне и блаженно улыбался всей окружающей обстановке. Самое удивительное – наотрез отказался выпить.

Наташка, решившая развязать ему язык с помощью спиртного, достала из «мини-бара» под мойкой значенные полбутылки подарочного коньяка и, весело поболтав содержимым, заговорщически предложила Мишурику махнуть «по маленькой». Он сморщился и передернулся.

– Тогда по большой? – не отставала подруга и схватила второй рукой ковшик.

– Если можно, без меня.

Шурик сказал это так, что приставать с другими вариантами просто не было смысла.

– Эк ты башкой-то треснулся! – жалостливо протянула Наташка. Заметив, что остальным искусственная поддержка морального духа на фиг не нужна, развела передо мной руками, демонстрируя свое полное бессилие, и убрала бутылку на место.

– Ну тогда начну излагать правду! – пригрозила я Мишурику. – Извини, если что не так. Если Мариночка изменит о тебе свое мнение...

– Не изменю! – прозвучал звонкий голос Марины. – Вы не можете знать правды. Но я могу и удалиться. – Она демонстративно прошаркала большими тапочками Бориса к выходу и скрылась за дверью.

– Вернись, несчастная! Незнание всей правды не освобождает нас от ответственности! – резонно крикнула ей вслед Наташка. – Обидно, если угрозы Ксении в отношении меня и Ирины Санны будут реализованы. Еще обиднее получить их не по заслугам, не зная, за что. Главное, хочешь помочь человеку, а он, убогий, этого понимать не желает. Да еще в милицию не пускает. Наверняка ждет, пока мы с помощью некоторых заинтересованных лиц автоматически отфильтруемся и выпадем в осадок.

Мишурик уже не улыбался. Мельком отметил возвращение Марины и помрачнел. Сидел, мучаясь тяжелыми раздумьями. И тогда я заявила:

– Твои деньги, тысяча у.е. в ассортименте пятьсот долларов и пятьсот евро целы. Но тебя, как и всех в этом деле, наверняка больше всего интересует неиспользованный железнодорожный билет в Тамбов, приобретенный на твое имя.

Забыв о своем болезненном состоянии, Мишурик подался вперед и попытался вскочить, но рухнул обратно в кресло. Загипсованная нога глухо бумкнула об пол. Оскалившись, он мотал головой из стороны в сторону, хлопал ладонью здоровой руки по подлокотнику, стонал, рычал и то ли смеялся, то ли плакал. Во всяком случае, мы с Наташкой всерьез перепугались. Ему же наверняка было больно! И если бы не Марина, уж не

знаю чем угадавшая осложнения в состоянии больного и мигом пришедшая на помощь, мы бы с подругой не хуже Деньки отметились на полу лужами. Третий раз в жизни нам приходилось видеть подобные сцены с представителями мужского рода, но так к ним и не привыкли. Только лишний раз уверились в том, что Дарвин частично прав – вторая половина человечества точно произошла от обезьян.

Вкатив Мишурику дозу успокоительного, Марина ласково поглаживала его по лицу и голове, шепча что-то про весну, луговые цветочки и перспективу новых переломов, если он будет вести себя столь неподобающим образом. И чего, спрашивается, пристала к человеку? Как выяснилось, Мишурик таким своеобразным образом хохотал! Веселился, значит. А мы-то подумали...

– Немедленно прекратите все выяснения! Вы забываете, что у Михаила Петровича была травма головы! – грозно упрекнула нас Марина.

– Честно говоря, сначала подумали, что он вообще безбашенный, то есть безголовый. Да-а-а... Ему теперь вволю и посмеяться нельзя, – слегка заикаясь, прогудела Наташка. – Видали, как на него правда подействовала? С другой стороны, смех – тоже лекарство. Источник хорошего настроения и, как следствие, усиления обменных процессов в организме. А усиление... Мама дорогая! Ир, больше ни слова! Поехали-ка домой. Правда должна быть дозированной! Ляпнешь еще что-нибудь, больной будет ржать до утра с такой силой, что мой сборно-целевой коттедж не выдержит и сложится пирамидой Хеопса.

Мне и самой было нерадостно от такого поворота. Наташка еще не успела договорить о последствиях разорения дачного семейного гнезда, а я уже пятилась к выходу. Но Мишурик, пару раз всхлипнув, захлебнулся собственным хохотом, громко икнул, закашлялся, морщась от боли в ребрах, и поманил меня рукой, приглашая вернуться на место прежней стоянки у двухкомфорочной газовой плиты. Я не очень-то послушалась. Мне и на полпути, у дивана, было хорошо.

– Значит, билет у вас?

Надо же, какой сиплый голосок стал у Мишурика. Да и язык плохо сотрудничает с хозяином.

– Сейчас как начнет снова радоваться! – мрачно предсказала Наташка, и Марина усилила психотерапевтическое воздействие на больного и на всякий случай сделала больному еще одну инъекцию.

– У нас. – Я произнесла это быстро и сделала шаг назад. – Но мне бы не хотелось, чтобы все участники нынешней гонки знали об этом. Боюсь, не поздоровится за обман. Пусть уж лучше все они носятся за тобой, считая,

что ты их надул и фактически присвоил то, что тебе не принадлежит. Единственный человек, который еще знает правду – Майка. Если она объявится, сразу передам билет ей. Но она пропала.

Мишурик нахмурился и задумался. Смеяться ему уже не хотелось. Возможно, от действия лекарства.

– Как это пропала? А если я вас попрошу...

– Съездить на Павелецкий вокзал? – невольно вырвалось у меня. Следовало прикусить язык чуть раньше. Выражение лица Мишурика не изменилось. Более того, окаменело. Он в упор буравил меня глазами, силясь понять, кто перед ним в конце концов – друг или враг?

Ох, и обругала же я себя! Кому-то надо было это сделать? Ну что мне стоило, наивно хлопая глазами, молча дожидаться поручения! Решив, будь, что будет, с виноватым видом я залопотала, спотыкаясь об отдельные слова и фразы:

– Мишуренька, я понятия не имею, какую подложенную тебе «свинью» ты должен был получить в ячейке камеры хранения Павелецкого вокзала. Да!.. Нет! Точно, конечно, не знаю, но любому дураку понятно, что если все спрашивают про билет... Жаль, дураков среди нас нет, а то бы подтвердили. Да! А ты от всех прячешься. Мама дорогая! Тебя же хотели убить! Наталья, есть холодная вода? Мишурик, получив из ячейки «свинство», ты должен был сразу же сесть в поезд. Наталья! Ты с ума сошла! Зачем тычешь мне в нос чашкой? Так, мне срочно надо домой! У меня семья, дети.

Я нервно пригладила волосы и села на диван.

– Уж лучше бы она ржала, как Мишурик, – прошептала Наташка, зачем-то передавая чашку с водой Мариночке. – Хочу предупредить, что Ирина не ясновидящая. Просто ее словами глаголет интуиция. А ясновидящая на самом деле – я.

Глаза Марины вылезли из орбит. Мои собственные не отстали. Сама того не замечая, девушка поливала из чашки голову Мишурика. Живительная влага тоненькими ручейками стекала ему за шиворот. Вжав голову в плечи и сквасив физиономию до состояния печеного яблока, он стойко ждал окончания процедуры полива.

– А говорила, здесь нет дураков!

Размером Наташкины глаза лишь слегка уступали нашим. Она и опомнилась первая. А опомнившись, тут же отняла пустую чашку у Маринки.

– Банда сумасшедших! Держи полотенце. – Что-то голубое украсило голову девушки. – Нет, отдай назад. Не видишь, это футболка моего мужа!

Кстати, она чистая, можешь этот «фикус» в нее переодеть. Главное, сидит и молчит. Ждет, когда на выбритых местах верблюжьи колючки вырастут? Вот настоящее полотенце! А я пол подотру. Ир, ты все сказала? – Наташка вихрем носилась по дому. – Можно ставить точку? Честно говоря, я не поняла, зачем прятать свинью в камере хранения? Она же ухрюкает всю ячейку.

– Пожалуйста, – донесся из-под полотенца глухой голос Мишурика, – билет – никому. В его номере – кодовый ключ. И ни в коем случае не суйтесь на вокзал. Пока не поздно, спрячьте, – выдавил он с большим трудом и умолк, свесив голову на грудь.

Испугаться я не успела.

– Снотворное подействовало, – тихо пояснила Марина, – даже не переоделся.

– Ничего, так подсохнет. После водных процедур особенно крепко спится, – заметила Наташка. – Даже меня в сон клонит. Закутай его пледом и, если можешь, чувствуй себя, как на своей даче.

Через сорок минут мы были дома. Кажется, дочь на меня обиделась. Она о чем-то упорно спрашивала, а я отвечала невпопад. Еле добралась до кровати. Уже сквозь сон слышала голос Аленки, сообщавшей кому-то по телефону, что она круглая сирота при живых родителях, бабушке, придурке-братике и своре кошек. Все, проявляя редкий эгоизм, разбежались в разные стороны.

Ночь промелькнула так быстро, что я не поверила будильнику. Но мобильный телефон ласковым голосом настырно и мелодично уговаривал: «Солнышко мое, вставай». Наперекор здравому смыслу я позволила себе сомневаться в том, что это воззвание обращено именно ко мне. На протяжении целых десяти минут. Обычно просыпаюсь задолго до призыва будильника и отключаю, чтобы не нервировал.

За окном разлилась неуютная плотная серость. Доброго утра не получалось. Всего за одну ночь похолодало, сеял противный мелкий дождик, посланник неотвратимости осени. Стало понятно, что все хорошее и в самом деле когда-нибудь кончается. В такую погоду просто невозможно встать с нормальным настроением. Еще навалилось и чувство вины перед «сиротой»-дочерью, прилепившей к холодильнику записку: «Мы катастрофически теряем Славку. Не вздумай искать, спугнешь! Он ночует у Зайчика. Даст бог, сбегим в хорошие руки. Звонил па-пик, обозвал тебя, не скажу как. Утром меня не буди, ничего вразумительного не услышишь, целую, я».

Наташкин голос по телефону полностью соответствовал погоде – тусклый, безжизненный, перемежаемый зевотой. Подруге еще предстояло выгулять собаку. И это при такой погоде, когда хороший хозяин... Ну да лучше лужи на улице, нежели в квартире.

– Ир, – длинный и выразительный зевок смазал продолжение речи подруги: – я ее ожжеааню. С работы.

– Аа-шо, – зевнула я в ответ.

А как аукнется, так и откликнется. Попозже так попозже. Димке решила не звонить, обиделась. Кем-то он меня вчера обзывал... Не помню. Надо уточнить у Аленки. Странно, что нет звонка от преступников. А ведь должны беспокоиться. Мобильник выключен, но им известен номер домашнего.

Движения были вялыми и замедленными. После кофе слегка полегчало,

но общее состояние все равно сигнализировало о тупости. Давно пора было выскакивать из подъезда и нестись навстречу трудовым свершениям. Прикинула, что до пенсии еще далековато и окончательно сникла. В ближайшие годы выспаться не придется. А ведь какое замечательное состояние души и тела, когда знаешь, что ни сегодня, ни в последующие дни не надо через силу сползать с постели.

Но тут я вспомнила соседку Анну Григорьевну, с которой частенько сталкивалась по утрам у подъезда. К моменту моего не всегда торжественного выхода на работу женщина уже возвращалась из детской молочной кухни с ежедневной порцией питания для внучки. У заслуженной пенсионерки не было, как она говорила, «ни выходных, ни проходных», она на полном серьезе уверяла, что испытывает жуткую ностальгию по рабочим будням и была бы счастлива устроиться куда-нибудь на работу, чтобы хоть немного отдохнуть от непосильного домашнего труда. Пожалуй, не стоит торопиться на пенсию.

Этот вывод придал сил, я разблокировала мобильник и довольно шустро покинула квартиру. В лифте окончательно настроилась на рабочий лад, тем более что позвонил коллега Юрий Михайлович и, коротко попеняв на вчерашнюю мою недоступность, изложил суть затронутых на совещании вопросов. Ничего существенного, кроме того что я перед ним в неоплатном долгу. С процентами. Решила было схамить, но разговор прервался. Телефон запел снова, когда я уже выскочила на улицу и попыталась открыть зонт. Чертыхнувшись, открыла мобильник и заорала, что Юрику все зачтется.

– Аминь! – услышала в ответ. Голос, кажется, был женский, но какой-то капитально простуженный. Впрочем, он мог принадлежать и мужчине. Они тоже могут простужаться и вещать не своим голосом. Я даже не заметила, что мокну под дождем, так и не удосужившись открыть зонт. Оторвав трубку от уха, тупо взглянула на номер абонента только для того, чтобы увериться, что он неизвестен. Странное дело: была готова к звонку, но, несмотря на это, перепугалась. Наверное, оттого что позвонили не на домашний, как ожидала, а на мобильный телефон.

– Алло? – все еще надеясь на лучшее (могли же, например, допустить ошибку в наборе номера), я напряженно ждала продолжения.

– Слушай и запоминай: сейчас ты продиктуешь мне все данные железнодорожного билета, после чего их немедленно забудешь, сам билет уничтожишь.

– Послушайте... – Я спешно пыталась собраться с мыслями. – У меня нет никакого билета. Кто вы такая?

В ответ мне назвали мой домашний адрес, номер домашнего телефона и полный состав моей семьи. Отлично знакомые мне сведения, которые на сей раз жутко меня не порадовали. Скорее, наоборот, огорчили, а следом и разозлили. Одно дело, когда угроза направлена на мою безопасность, другое, когда грозят людям, ради которых я на этом свете живу, иными словами, которые смысл моей жизни.

– Слушай внимательно: у меня нет при себе билета. Ты перезвонишь мне завтра.

– Сегодня!

– Хорошо. Сегодня, но в семнадцать часов. Мне нужно время подумать, кому из вас его отдать. И заткнись, наконец! – истерично заорала я в трубку, из которой донеслись резкие возражения. – Твоя манера вести переговоры не лезет ни в какие ворота. Может, тебе стоит перепоручить их другому? Еще раз объясняю – для особо непонятливых, у меня нет при себе билета!!! А в качестве основного довода в пользу своего предложения напоминаю тебе твой собственный адрес и имена родных тебе людей. Мой рапорт был прерван на середине:

– Хрен с тобой, в пять! Если сообщишь, куда не следует...

Я со злостью захлопнула крышку мобильного, немного постояла под дождем, стараясь подавить неумную ярость, потом быстро пошла к метро, так и не раскрыв зонта. Не иначе как на крыльях ярости прилетела на работу почти на полчаса раньше.

Мой вид испугал даже охранников на проходной. Один вообще не поздоровался, вытянувшись в струнку, второй затормозил на первом слогe приветствия: «Здрасс»...

В половине десятого позвонила Наташке и порадовала подругу тем, что обеденного перерыва у нее не будет. Она послала меня к черту, я тут же сообщила, что недавно с ним общалась по телефону. Наташка сразу согласилась пожертвовать обедом – к моменту возвращения Бориса ей не мешает сбросить пару килограммов. Убойный аргумент, наглядно демонстрирующий тоску по засланному в командировку муженьку.

– Нужно радикально изменить внешность! – потребовала я.

– Запросто! Достаточно ткнуться мордой в грязь или вытереть ее об асфальт. У меня есть две минуты свободного времени, может, объяснишь, что случилось? Тебя по дороге на работу телегой с толку сбили?

Ох, как мне не хотелось возвращаться к неприятным воспоминаниям, но пришлось. Заодно добавила, что мне теперь окончательно все равно, уволят меня с работы или нет. Сама встану и уйду.

– Ты подожди уходить, – оборвала меня Наташка. – Я сейчас приеду к

тебе. Вернее, не прямо сейчас, но как только... Мне тут дают машину, нужно съездить домой к нашей Фифе. Ты ее не знаешь, зато должна быть знакома с детективами ее мужа. Известный писатель так вошел в образ своего героя, что у него сердце прихватило. Фифа считает, что ничего страшного, ведь герой в конце концов выжил, но все-таки.

С опозданием в полтора часа на работе появился шеф. Я нашла в себе силы унять раздражение и порадоваться этому обстоятельству. После вчерашнего мог бы и вообще не приехать. Такое впечатление, что прикатил на работу прямо в койке и проснулся только у проходной. В отличие от моего, настроение шефа было прекрасным.

– Как дела, Ефимова? Ты что такая набычившаяся? Можно сказать «всегда, как утро, весела», а тут...

– Окстись, начальник! Ты в окно-то смотрел? Утро сегодня пасмурное, – хмуро заметила я.

– «У природы нет плохой погоды», – промурлыкал в ответ Максим Максимович, но на этом его пение оборвалось. – Что это?! – вытаращил он глаза на облаченную в белый халат Наташку, резким рывком распахнувшую дверь в кабинет. В руках у нее была ярко-красная папка.

– Заноси, Рома, прибор сюда. Ставь на стол и включай в розетку. Она где-то тут должна быть, – как бы не слыша вопроса, сыпала командами Наташка, адресуя их молодому человеку в таком же халате.

Тот послушно кивнул и принялся возиться с техникой, тогда как подруга, нащупав на моей левой руке пульс и не отрывая глаз от своих подаренных Борисом часов, принялась шевелить губами, отсчитывая мне приговор.

– Девяносто умножить на два будет сто восемьдесят. О-фи-геть! Ну что, Максим Максимович, – Наташка поджала губы и смерила его уничтожающим взглядом, – угробили замшу, то есть заместительницу. Д.Н. Ефимов тебе этого никогда не простит. А я и подавно.

– А что случилось? – Макс явно пытался сохранить достоинство и даже попытался улыбнуться.

– Хорошо, если это результат переутомления или прединфарктное состояние, а если сам инфаркт? Утром мне Елена позвонила и сказала, что маме очень плохо, с трудом встала на работу. Сильные боли в области сердца. Я перезвонила Ирине и велела сидеть и не шевелиться. «Скорую» пока дождешься! Я вместо нее. Так, все отсюда вон, мне срочно надо сделать ЭКГ.

– Я помогу! – засуетился Макс.

– Ты что, наполовину раздетых сотрудниц не видел? – отрезала

Наташка. – И поставьте кого-нибудь у двери. С другой стороны, я сказала! С этой стороны кабинет закрою на ключ.

Все это время я с закрытыми глазами и прижатой к сердцу левой рукой провалялась, бессильно откинувшись в кресле. В полной уверенности, что именно так и должны вести себя при инфаркте.

– Ну хватит, – облегченно вздохнула подруга. – Ты и так слишком вошла в роль, побелела вся. Сейчас передохну, сообщу результат и повезу тебя вроде как в больницу. Ромик домчит до фирмы Горшкова, по дороге и сориентируемся. Похоже, в нашей истории начались осложнения.

Раздался осторожный стук в дверь.

– Нельзя!!! – гаркнула Наташка. – Ну люди! Ничего не хотят понимать.

– Наталья Николаевна, здесь у нас врач из нашей поликлиники. Галина Аркадьевна, Ирина ее знает.

– О блин! – Наташка быстро вскочила, сунулась в красную папку, которую притащила с собой, и небрежно швырнула ее на стол. – Сейчас закончу снимать показания, – крикнула она в ответ и сердито обратилась ко мне: – У вас что тут, проходной двор? Шляются все кому не лень.

– Поликлиника у нас по понедельникам заказы формирует. В четверг мы их к ним доставляем. Что мне делать-то? Опять укладываться в кресло?

– Можешь просто сесть и слегка прибалдеть. Веди себя тихо и мужественно. Как человек, который надеется на то, что все со временем проходит. Даже безденежье. Ща мы тебе ЭКГ известного писателя подарим. Хоть таким образом примажешься к чужой славе. – Наташка развернула шуршащую длинную полосу и удовлетворенно кивнула: – Можно сказать, ваши сердца бьются в унисон. У писателя – с большого бодуна, в воскресенье продолжал обмывать свой юбилей, у тебя – от невольной сопричастности к этому событию. Жуткая тахикардия, аритмия. Слава богу, без нарушения сердечного ритма. Где-то у меня был собственный валокордин. Ромка отвратно ездит, даже не ездит, а шныряет между машинами. – Наташка порылась по карманам, выудив маленький флакон, открыла пробку и слегка побрызгала на меня содержимым. В нос ударил специфический запах, но я даже не поморщилась. – Не допускай врача к себе ближе чем на два метра! Заодно сразу хочу предупредить, поедешь вроде как в больницу, но без особых удобств. Машина пережила третий капитальный ремонт, предназначена исключительно для хозяйственных нужд клиники. Нормальных всего два места. Одно водительское, другое пассажирское. Оба впереди. Тебе, сама понимаешь, не туда. Но Ромик специально закинул в грузовой отсек усеченный вариант списанного то ли гинекологического, то ли стоматологического креслица, я

не разобрала. Старайся не ездить на нем по свободному пространству. Тормози чем попало. Главное, чтобы вовремя.

Подруга метнулась к громоздкому кардиографу, схватила резиновые присоски на проводах и, окинув меня критическим взором, велела устало улыбаться. В конце концов все же обошлось. Просто нужен качественный отдых.

Я примерила на физиономию пару подходящих оскалов, один из которых Наташка одобрила. С ним я и застыла. Только левая щека время от времени подергивалась от напряжения.

За дверью оказалась небольшая толпа народа. Избранного. Гораздо больше людей толпилось на улице. Ясное дело, какое-никакое, а развлечение. Вот уж не думала, что стану героиней дня. «Шороху» наделала машина неотложной помощи, на которой Наташка додумалась въехать прямо на территорию предприятия к дверям административного корпуса. Лень было пройти пару шагов от проходной. Все равно аппарат тащил Ромик. Машина выгодно отличалась от грузового автотранспорта, которым был наводнен двор, и невольно привлекала внимание. Рома, занявший свое место за рулем, едва успевал комментировать событие. Комментарии, обрастая новыми ужасающими подробностями, быстро распространялись среди нашего большого дружного коллектива. Всем было важно не пропустить момент выноса тела «сгоревшей на работе от перенапряжения» Ирины Александровны.

Перепугалась я не на шутку. А посему вести себя устало и мужественно просто не могла, улыбка автоматически полиняла, трансформировавшись в гримасу ужаса. Мне и в самом деле похужело до потери сознания. Поэтому и не смогла сопротивляться атаке Галины Аркадьевны на расстоянии двух метров и, пока Наташка выталкивала любопытных из кабинета, пытаюсь закрыть дверь, тут же сдалась врачихе без боя.

– Жуткая тахикардия, милочка! – Галина Аркадьевна, решительный окулист лет пятидесяти с хвостиком, отпустила мою руку и окунулась в данные ЭКГ. – Честно говоря, я не могу расшифровать.

– Вот и не надо! Отдайте сюда документ, – с ключом в руке, зажатым, как кинжал, прибежала мне на помощь Наташка. – Все уже расшифровано. Жить будет, но в условиях исключительного покоя.

– Вечного, что ли? – донельзя испуганный Макс пытался шутить.

– Временной изоляции! – сурово ответила ему подруга, дав понять, что веселиться не собирается. – Заберу ее с собой в клинику, пусть еще специалисты посмотрят и вынесут окончательный приговор. Максим Максимович, освободите выход из кабинета.

– А она идти может?

Шеф говорил так, как будто я заработала «ужасную тахикардию» путем бартерного обмена на слух и способность к речи.

– Пожалуй, я поторопилась с распылением лекарственного препарата, – бросив на меня наметанный взгляд, проворчала Наташка. – Но ничего, как-нибудь... Да, если будет звонить Ефимов, лучше ему ничего не говорить. Озверееет. В отличие от... Словом, любимая женщина у него одна. Скажите, что Ирина Александровна уехала на совещание. Если к вечеру ей полегчает, мы отправим ее домой. Полежит – очухается.

– Наталья, я тебе очень благодарен! – Макс подскочил ко мне. Запах валерианы тут же разбавился запахом дорогого парфюма. Еле сдержалась, чтобы не поинтересоваться, каким именно. Вовремя сообразила – не стоит, чтобы от моего мужа несло шефом. Дурное поветрие и всякое-разное.

Галина Аркадьевна ласково потрепала его по плечу.

– Доктор, простите, не знаю вашего имени-отчества... – обратилась она к Наташке.

– Кузнецова, – буркнула та, слегка смущенная повышением в звании.

– Доктор Кузнецова права. Максим Максимович, вы бы дали команду расчистить проход.

Шеф сострадательно чмокнул меня в лоб, велел «держаться и отлеживаться хоть до завтрашнего утра» и быстро вылетел из кабинета.

Я всегда говорила, что он не только замечательный аналитик, но и хороший организатор. К моменту моей загрузки в машину неотложной помощи на улице никого не было. Все толпились у окон своих и чужих кабинетов. Несколько минут стыда переросли в муки совести, особенно когда вспомнила о ряде неподготовленных документов, за проектами которых должны были заглянуть сегодня клиенты. Что-то сродни неоконченной повести у знаменитого Наташкиного писателя.

Звонить Максиму Наталья мне не разрешила. Но я была ей искренне благодарна за то, что она сама, ничего не переврав, точно изложила ему мои просьбы и пожелания. В ответ он долго жаловался Наташке на сорванную трехдневную командировку в ближнее Подмосковье, где в дремучих лесопосадках располагался пансионат с романтическим названием «Перекресток».

– Налево пойдешь, семью потеряешь, направо пойдешь, в лоб получишь. От жены, – философствовала Наташка, сочувствуя Максиму. – Потому как ей все равно, в какую сторону ты гуляешь. Рванешь прямо, наперекор судьбе в конце концов заработаешь рога на голове. А как же! Долг платежом красен. Да твоя милая женушка столько дурного от тебя

нахваталась! Хочешь хороший совет? Твой путь лежит только назад, на дачу к жене и детям, которых ты никак не вывезешь в столицу. И то, если тебя не опередили. Что говоришь? Тоже в левом боку колет? Гм! Вот выхожу Ирину, приезжай, проверим тебя, сердешный. Извини, деньги кончаются!.. Терпение тоже, – проворчала Наташка, убирая мобильник в карман халата и доставая из него зеркальце.

Машина активно гремела, брэнчала и звякала всеми своими составляющими. Скорее всего, в процессе капитального ремонта были использованы запчасти, так сказать, «с чужого плеча», далеко не новые, а сам ремонт проходил по принципу «и так сойдет!». Наташка насторожилась:

– Рома, обращаю твое особое внимание, что мы едем на Абельмановскую, адрес ты знаешь. Отвлекаться на травмопункты, а тем более разные реанимационные отделения нам некогда. Слышишь меня? – Подруга попыталась взглянуть на себя со стороны и полюбоваться на свое отражение в зеркальце, но решила сначала закончить свою главную мысль: – О крайних вариантах вообще говорить не стоит. Поэтому едем не торопясь и исключительно по правилам. Блин!!!

Ромик резко вильнул влево, обходя вальяжную «Ауди», Наташкино зеркальце взмыло вверх, я айкнула и удачно его перехватила.

– Все нормально, командир, по левому ряду поедем, – весело объявил Ромик, ухитряясь вертеть головой в разные стороны не хуже филина. – А машину после капремонта надо хорошо обкатать, чтобы все дефекты повывезали. Вот как сейчас у вас глаза. О! Да они у вас синие!

Часть четвертая. КАК УКРАСТЬ СВОИ МИЛЛИОНЫ

1

Офис фирмы «Реверс» возник неожиданно. Почти как в детском стихотворении про метро: «Только что отъехали, а уже приехали». Переговорить на тему предстоящего визита в фирму по дороге нам с Натальей не удалось. Все внимание было приковано к обнаружению возможных дефектов капремонта, досрочно вылезавших из своих временных и ненадежных укрытий.

– Так, Ромка, – медленно приходя в себя, объявила Наташка. – Обрато я с тобой не поеду. И кардиограф с тобой не пуцу. Приятельницу – тем более. Она у меня три дня назад пакет молока занимала, долг еще не вернула. Встретимся с тобой у главврача.

– Да ладно, командир. Я же аккуратно, просто по машине соскучился. Ну что, тащим аппарат в эту фирму? – кивнул он головой в сторону парадных зеленых дверей «Реверса», стараясь увернуться от неприятной темы.

– Ир, определи мне мои задачи, – безжизненным голосом попросила подруга. – Что-то ничего кроме задач построения коммунизма в голову не лезет. Видишь, козел, как меня растрясло? Все архивные данные наружу повывезали. И это вместо твоих дефектов. Не знаешь, что лучше.

– Будем считать, что построение коммунизма – тоже своеобразный дефект, только нашего общего развития, – с трудом распрямляясь, попыталась я разрядить обстановку. – Тебе лучше прикрыть голову шапочкой.

– Тебе тоже.

– Меня в машине не видно. А ты все-таки идешь к людям. Честно говоря, не знаю, как будешь объясняться. Именно ты у нас мастерица экспромтов. Нам надо ухитриться выяснить общую обстановку в фирме и что думают сотрудники по поводу отсутствия на рабочем месте Горшкова, его заместителя, Кочневых, а также статус Ксении Горшковой. Ну и, разумеется, их краткие характеристики. Начну соображать как следует, позвоню. Если попадешься на глаза девушке Ксюше, не вздумай здороваться. В отличие от меня, она с тобой не очень знакома, но наверняка запомнила, как ты скакала перед плюшками, пирожками и просто булочками.

– Ясен пень, туманна перспектива, – вздохнула Наташка. – Давай, индивидуальный дефект развития нашего общества, вылезай из машины,

бери кардиограф и следуй за мной. Ромка, между прочим, к тебе обращаюсь! О! Смотри-ка, девушка Ксюша!

Вышедшая из фирмы Ксения, общалась с кем-то по мобильнику. Лицо было хмурое и сосредоточенное. Не прекращая разговора, она села в припаркованную рядом иномарку и быстро отъехала. Дождавшись, пока машина скроется за поворотом, Наташка с короткой командой «За мной!» выскочила из машины. Сгибаясь под тяжестью аппарата, за ней семенил Ромка. Я плотнее вжалась в спинку потрепанного сиденья и постаралась сосредоточиться на каждом участнике событий, пытаюсь определить роль каждого из них в этом запутанном деле. Общим для всех являлось одно – никто не хотел обращаться в правоохранительные органы.

Мои невеселые размышления прервала Наташка, на мой взгляд, слишком быстро выкатившаяся из офиса.

Как оказалось, не окончательно. Просто ей нужно было захватить прибор измерения артериального давления.

– Фирменная диспансеризация, блин! – наспех пояснила она. – Все идет по плану, уши вянут от услышанного. Здорового населения в стране нет. Обстановка в коллективе хреновая. Открываются новые горизонты грядущих неприятностей, – с этим пророчеством подруга и улетела обратно.

Не было их с Ромиком больше часа. За это время я успела удачно поменять роли нескольких далеко не последних героев затянувшегося спектакля с положительных на отрицательные и наоборот. Результат оказался настолько ошеломляющим, что я была готова нестись следом за подругой в офис и немедленно вытаскивать ее оттуда. Ксения могла вернуться в любой момент.

Я уже открыла дверь машины, когда меня осенила умная мысль – сначала надо позвонить Ксюше и узнать, где она находится. Если она вернется в офис и увидит меня, выталкивающую «доктора» в белом халате... Короче, охрана, а я не сомневаюсь в том, что она там есть, задержит нас обеих. Не спасет даже Ромка, вооруженный представителем старого поколения медтехники.

Дрожащими руками я включила мобильник, и он показал мне большую фигу, равнодушно предупредив, что неправильно набран пин-код. Новый его набор только осложнил ситуацию. Я опять допустила ошибку. Нависла реальная угроза блокировки телефона. Отшвырнув его в сторону, постаралась взять себя в руки. Но тут двери офиса открылись, вышел охранник и, придерживая их, выпустил сначала Ромика с громоздким аппаратом, а следом Наташку. Расслабиться я не успела – заметила

показавшуюся из-за поворота иномарку, за рулем которой, как подозревала, должна находиться Ксения. Несмотря на отсутствие транспорта на главной дороге, девушка притормозила – ждала разрешения светофора на поворот. «Дисциплинированная!» – с раздражением подумала я. Впрочем, раздражение относилось к Наташке, застрявшей в беседе с охранником прямо под вывеской с названием фирмы «Реверс». Большие синие буквы на зеленом фоне.

– Вот уж воистину настоящий «реверс»! А еще вернее – «тормоз»! – прошипела я, пытаюсь найти взаимопонимание у Ромика, старательно пристраивающего кардиограф рядом со мной. – Крикни Наталье, что ее срочно главврач к телефону вызывает.

Ромка послушно высунулся из машины и заорал:

– Командир! Вас срочно руководитель полетов требует!

Наташка милостиво кивнула головой, попрощалась с охранником и влезла в машину именно в тот момент, когда знакомая иномарка повернула налево и стала быстро приближаться. Я попросила Ромку попятиться задом, очередной раз нарушить правила и развернуться в обратную сторону в неположенном месте. Он проделал это с таким рвением, что я вместе с «креслицем» завалилась на аппарат.

– О! Смотри-ка, опять девушка Ксюша! – Наташка запоздало успела заметить припарковавшуюся на старое место Ксению. И умолкла. Слишком лихой был у Ромика разворот.

Подруга начала делиться впечатлением от своего визита в фирму не сразу. Долго воспитывала Ромку, пугая парня жуткими предсказаниями, самым безобидным из которых являлось то, что при повторении своих маневров он вполне может вылететь «из седла». Вместе с рулевым колесом, которое будет играть роль вечного памятника его трудовой деятельности в качестве водителя. Затем орала на меня, узрев во мне источник повышенной опасности, бездумно отпускающий дурные команды.

Мне было не до ее выступлений. Я пыталась хоть как-то справиться со своим очумевшим «креслицем». Оно окончательно потеряло равновесие и завалилось на кардиограф. Едва стащила его с прибора, кресло принялось шарахаться из стороны в сторону. С большим трудом удалось поймать резвую «мебель». Относительного равновесия добилась, пристроив кресло к стенке, и тут же шлепнулась на него, довольная результативностью действий, правда, сидеть пришлось к коллективу задом.

Именно моя временами казавшаяся неравной борьба за усидчивость повлияла на подругу. Она прекратила орать и принялась переживать за сохранность вверенного ей имущества – кардиографа, пока не обозвала его

анахронизмом и памятником истории медицины. Все это время Ромка тихонько пел. Однообразно и без слов: «ны-ны-ны, ныныны».

Наташка, гнев которой пошел на убыль, наконец, обратила внимание на это нытье:

– Слушай, каюр несчастный, прекрати зудеть над ухом. И спасибо тебе за поддержку. Совсем молодой, а такой талантливый «фершал»! Ир, представляешь? Предложил уборщице лечить радикулит у мужа, проглаживая ему спину трижды в день горячим утюгом. Шоковая терапия. Думаю «фершала» стесняться не будем, тем более что он присутствовал при том «аврале», который я устроила в офисе. Секьюрити, надо сказать, у них вежливые. В отличие от ваших. Я мимо них беспрепятственно прошла, пока они в себя приходили и гадали, кому потребовалась неотложная медицинская помощь. Кстати, платная. Тут Ромка меня немного подвел, его-то как раз и притормозили с аппаратом. Ну он, недолго думая, представил нашу организацию как фирму «Ритуал». Но я в приемной сразу внесла коррективы. Там народ торчал, служивый. Все что-то нервно обсуждали. Кто – сидя, кто – стоя. Я им с порога и брякнула:

– Фирма «Ритонал», скорая медпомощь, кардиолог Попова. Где больная?

Тут меня Ромка с прибором вперед потеснил, я и примолкла. Думаю о реакции «зала» тебе говорить не стоит. Обстановка и без того была напряженная, двум дамам в возрасте и в самом деле поплохело. Пришлось бежать за измерителем артериального давления. Не скоро выяснилось, что вызов оказался «ложным». Во всяком случае, мы с Ромиком настаивали на этом варианте. Главный бухгалтер и секретарша (официально – секретарь-референт), являвшаяся невесткой главного буха, придерживались иного мнения – ошибка в принятии заявки на вызов. В общем, кого-то мы подлечили, кому-то посоветовали больше гулять на свежем воздухе. Потом нас поили кофе, я рассказывала про свою замотанность и совершенно бескорыстно делилась некоторыми рецептами своих фирменных блюд, а Ромку так и тянуло на рекомендации альтернативной медицины. Собственного сочинения. Не буду на них отвлекаться. Чего, например, стоит только один его совет «перекладывать головную боль с больной головы на здоровую», подкрепленный соответствующими пассажами! Делал вид, что вырывает у себя на макушке клочок волос и пересаживает их невидимому противнику. «Трансхайер», блин!

В доверительной беседе с секретаршей, для членов семьи которой Наташка выразила готовность обеспечить бесплатную медицинскую консультацию в своей клинике, она узнала, что в фирме настали тяжелые

времена, и секретарша спешно ищет работу. Пришлось выразить сомнения – офис так и сверкает благополучием, а затем пообещать девушке определенное содействие в ее трудоустройстве. Это обещание оказалось решающим фактором. Девушка окончательно разговорилась, не давая Наташке вставить ни одного слова. Выяснилось, что хотя руководство приложило все силы к неразглашению коммерческой тайны, сотрудникам стало известно – фирма в один день разорилась, ибо с ее счетов в одночасье были сняты огромные суммы денег. А все по вине заместителя генерального директора, проявившего строптивость и несговорчивость. Вот бывший «генерал» был умница, так жаль, что он погиб.

Сообщив это, секретарша всплакнула и под большим секретом сообщила, что все неприятности начались еще полгода назад. Первое апреля стало памятным днем для всех сотрудников фирмы. Утром неожиданно обнаружили, что страничка в Интернете «зависла». Технический сбой как причину этой неприятности отметили сразу, ибо на сайте имелась пояснительная записка: «Ваш сайт атакован. Осада продлится до понедельника. Для решения проблемы вам необходимо перечислить пять тысяч долларов». Далее следовали банковские реквизиты. Послание завершалось угрозой повторения атак вплоть до окончательного разорения фирмы, если выдвинутое условие не будет принято к исполнению.

Два рабочих дня, в течение которых администрация тщетно пыталась справиться с хакером своими силами и средствами, принесли большие убытки. В конечном итоге господин Горшков выполнил требование вымогателя. Два месяца прошли относительно спокойно, однако двадцать восьмого июля история повторилась. И отнюдь не в виде фарса. Неизвестный злоумышленник потребовал перечислить уже десять тысяч долларов – на другой банковский счет и в другом городе. Вновь Горшкову из двух зол пришлось выбирать меньшее. Десять тысяч составляли лишь малую часть того, что пришлось бы потерять в результате срыва контрактов. А через несколько дней шеф, Родион Тимофеевич Горшков, пропал. Выехал вместе с женой из дома в субботу вечером вроде бы на дачу, а в понедельник на работу не вышел. Судьба его так и осталась неизвестной, хотя особо гадать не приходится. Просто так, ради собственного удовольствия, люди не пропадают. Его обязанности до последнего времени исполнял заместитель, Буйков Тимур Георгиевич. Надо сказать, что в отсутствие шефа он развернул довольно бурную деятельность, а пару недель назад во всеуслышание заявил, что никаких хакерских атак больше не потерпит, у него есть действенный метод

сопротивления. Компьютерный злоумышленник, словно услышав брошенный ему вызов, не замедлил о себе напомнить. И на сей раз за обеспечение стабильности финансового положения фирмы потребовал сорок тысяч долларов. Однако атака неожиданно захлебнулась. Уже на следующий день был восстановлен нормальный рабочий режим сайта. Тимур Георгиевич только многозначительно улыбался. Рейтинг его популярности среди сотрудников, достаточно низкий, мгновенно взлетел на недостижимую высоту. А потом случился облом. В позапрошлую среду усталый, но довольный результатами своего плодотворного труда Буйков уехал на пятидневный отдых в какую-то глухомань. Взяв у лесника палатку и надувную резиновую лодку, устроился на берегу небольшого озера и, отключив мобильный телефон, остался наедине с природой. В этот же день все счета фирмы были внезапно обнулены. А это огромные суммы, поступившие в обеспечение заключенных контрактов. Рассказывая об этом, секретарша красноречиво закатила глаза и опасно покачалась всем телом на своем кресле. А в воскресенье стала известна еще одна трагическая новость – Буйков утонул. Официальных похорон не было, поскольку тела его так и не нашли. Только перевернутая лодка медленно и монотонно кружилась на самой середине озера, считавшегося бездонным, а посему пользующегося дурной славой. И название озеру местные жители дали соответствующее – Бедовое. Правда, некоторым рыбакам везло, возвращались с хорошим уловом, однако с начала лета там бесследно сгинуло пять крепких мужиков. Трое из них в одной компании. По словам перепуганного лесника, он активно отговаривал Буйкова от рыбалки именно в этом месте, но парень оказался слишком упрямым и самонадеянным. Да еще повлияло хвастливое подстрекательство выжившего из ума тестя лесника, якобы таскавшего когда-то из этого озера пятикилограммовых лещей. Лесник предложил было вновь прибывшему рыбаку свои услуги, но Буйков категорически от них отказался, сославшись на то, что слишком устал от людей.

Я будто воочию видела события того утра – этакий просмотр материала, отснятого посторонним лицом на видеокамеру. Очередной результат живого воображения. Не совсем больного, но достаточно богатого. Судя по словам секретарши, конкретный день гибели Тимура Георгиевича установить не удалось. Воскресным утром лесник, не обращая внимания на красоту осеннего леса – примелькался, отправился за Буйковым. И не обнаружил на месте стоянки ни его самого, ни лодки, ни снастей. Запас провизии, хранившийся в сумке-холодильнике, оказался почти нетронутым, на пакете с надувным матрасом валялся теплый свитер. По нему

разгуливала лихая тройка муравьев. Муравьи были «отсебятиной», уж очень мне хотелось оживить обстановку в палатке. Рядом валялась початая бутылка коньяка. Наверное, лесника перекосило – на рыбалку положено приезжать с водкой.

Характерные следы на берегу и «вальсирующую» на озере перевернутую лодку лесник обнаружил позднее и пришел к неутешительному заключению: призывать Буйкова вернуться – «дохлый номер». Озеро само поймало его «на крючок».

Дальше все пошло своим чередом – звонок в милицию, осмотр места происшествия, дача объяснений. Версию самоубийства Буйкова исключили сразу. Чуть позднее отпала еще одна – убийство. У Тимура Георгиевича не было врагов и завистников. Тот факт, что его не любили в коллективе, не мог считаться достаточным поводом для сведения счетов радикальным способом. Рабочая обстановка значительно отличается от дрызг в коммунальной квартире, где простое нарушение очередности пользования ванной комнатой может привести к трагическим последствиям. Самым правильным и удобным для всех показался вывод о несчастном случае. В понедельник Ксения Львовна Горшкова, занимающая должность заместителя генерального директора фирмы по связям с общественностью, а посему навещавшая свой рабочий кабинет не очень часто и, как правило, исключительно после четырнадцати часов, заявила к девяти утра и тут же собрала общее собрание, на котором сухо доложила сотрудникам о гибели Буйкова. Обязанности генерального впредь до полного выяснения обстановки возложила на себя. Особое внимание обратила на недопустимость разглашения любых сведений о деятельности фирмы. Виновные будут незамедлительно уволены. Выглядела Ксения Львовна отвратительно, но держалась отлично, ничем не выдав того, что переживает личную драму.

Пользуясь отсутствием руководства и перемежая болтовню с ответами на частые телефонные звонки и вопросы сотрудников, секретарша с упоением делилась своими и чужими наблюдениями о том, как любимая племянница генерального, выдумавшего для нее необременительную, но денежную должность, «по уши» втрескалась в Буйкова. Тот, в свою очередь, втрескался в те перспективы, которые открывала перед ним выгодная женитьба на Ксении. На тридцатое сентября была назначена регистрация их брака.

Наташка позволила себе усомниться: а если это любовь к Горшковой? Чем вызвала приступ искреннего веселья девушки. Буйков был слишком рационален и эгоистичен. Он лишь позволял Ксении любить себя. Хотя

последнее время, после того как исчез сам генеральный, кстати, не жаловавший Тимура Георгиевича, в Буйкове отмечалось нечто человеческое. Именно стараниями Ксении, законной наследницы господина Горшкова, и вопреки мнению специалистов Буйков стал заместителем генерального директора. В настоящий момент весь груз ответственности за дела фирмы несет Ксения Львовна. А сотрудники ждут момента вручения им уведомления об увольнении, поскольку больше ждать нечего, в том числе и зарплаты. Некоторые уже предпочли уволиться по собственному желанию.

В этом месте своего рассказа секретарша сделала небольшой перерыв, чтобы допить остывший кофе, и Наташке удалось вклиниться с сомнениями по поводу вывода о случайности гибели Буйкова. Если он бахвалился тем, что пресечет хакерские атаки, значит, имел на вооружении какой-то действенный метод борьбы с вымогательством. Возможно, вычислил личность хакера, за что и пошел ко дну.

– Да ничего он не вычислил! – едко заметила девушка, осеклась и понизила голос: – Если бы не он, деньги со счетов нашей фирмы не накрылись бы корытом. Медного таза для них, точно, маловато. Буйкову следовало держать язык за зубами. Главный программист фирмы, Шурик Кочнев, заканчивал работу над новой системой защиты программы. Его сам Родион Тимофеевич привел. Вроде тоже какой-то родственник. Ясное дело, своя рука владыка. Так вот, Кочнев подозревал, что хакер кто-то из своих. Случайно услышала обрывки его разговора с Родионом Тимофеевичем. Буйков Шурика терпеть не мог. А Ксения вообще запретила сотрудникам упоминать тему хакерских нападков, тем более в разговоре с оперативными работниками. Я сама слышала, как Горшкова высказывала Тимуру возмущение по поводу подозрений Кочнева, заодно обвиняя Шурика во всех смертных грехах. Даже в том, что он обокрал ее и шефа. Чушь какая! Впрочем, Ксения Львовна Сашу всегда не очень жаловала. Зато все наши его любили. Умница, добрый и прикольный такой! Ему крупно повезло, что ту сумасшедшую неделю он находился в загранпоездке. А вернувшись, плюнул и сразу уволился. Даже не стал выходить на работу. Я звонила ему и домой, и на мобильник, чтобы приехал получить деньги – по указанию Ксении начислили, только он не отвечает.

На этом общение с секретаршей пришлось прервать. Ей позвонила Ксения и, выяснив, кто за период отсутствия интересовался госпожой Горшковой, сообщила, что через пять минут будет.

2

Заслушавшись Наташку, я и не заметила, что мы давно приехали к воротам ее клиники. Пользуясь свободной минуткой, Ромик мирно спал. Надвинутая на глаза бейсболка загоразивала от солнечного света, переплетенные на груди руки свидетельствовали о том, что на сегодня он свое уже отпахал.

– Значит, Буйков все-таки всплыл, – неуверенно рассудила я вслух.

– Ну да. На нем Ксения вчера с рыданиями и повисла. Тот самый парниша из «пятого элемента» жигулевского разлива. Только он о своем чудесном спасении никому кроме Ксюши не сообщил. Потому как боится опять утонуть, на сей раз – с концами. Ну точно, от Кочневых прячется. И почему-то не желает жаловаться на них в милицию.

– А что он, рыжий? Никто из всей этой компании туда не жалуется! Тебе не влетит за задержку?

– Скажу, что везде пробки, – решила подруга. – Сейчас уже торопиться нечего. Если только экстренный вызов... Основная работа по утрам.

– Я, пожалуй, поеду. – Прозвучало это у меня не очень решительно. Не хотелось тащиться домой в одиночестве. Да и до семнадцати часов далеко. Если Арсений или Кочневы не объявятся, придется звонить самой.

– Еще чего! Мы же добытые мною новости еще не перемололи. А вечером сделать это просто не дадут. Ничего. Посидишь часок на отшибе в нашем кабинете, подумаешь, а я тебя время от времени навещать буду. Рома, ты слышал мое заявление насчет пробок?

– Слышал, слышал. – Водитель зевнул, вернул бейсболку на место и с хрустом потянулся. – Только я любые пробки вышибу. Ну что, тащить эту бандуру в кабинет? Или сразу на помойку? – кивком головы он указал на кардиограф.

– Какая тебе помойка! – возмутилась Наташка. – Прошу уважительно относиться к свидетелю памяти о моей юности. Я, бывало, спала, облокотившись на этот агрегат. Кофточку подстелю... В часы обеденного перерыва! – покосилась она на Ромика. – Ир, вылезай и жди меня внизу, я быстро.

Подруга заспешила в сторону лифта, а я удачно прозвонилась сыну и поручила ему очень ответственное дело. В качестве поощрения разрешила прогулять две последние пары, лекции, которые он уже и без моего разрешения прогуливал.

Подниматься на второй этаж Наташке не пришлось. Фифа, она же «правая рука» главного врача клиники, подвернулась прямо у грузового лифта и сразу отвела ее в сторону. Внимательно изучив данные ЭКГ, с торжеством заметила: «Я так и знала!» – и попросила Наталью не распространяться о результатах поездки. Благодарность фифы не знала границ, Наташка была освобождена от работы до конца рабочего дня, мало того, Ромику было поручено подвезти Наталью Николаевну до ближайшей станции метро. Разумеется, мы пошли пешком.

Я неспешно рассказывала о «чертовом» утреннем звонке с угрозами, она постоянно останавливалась, хаотично хватала меня за рукава пиджака и без конца предлагала оформить явку с повинной. В конце концов, устав служить искусственным препятствием на пути массового движения граждан по своим делам, я предложила зайти в кафе. Подруга наотрез отказалась. В результате забрели в какой-то двор и уселись на полосатую красно-желтую лавочку, где обе и примолкли. В думах о своем, наболевшем.

Я порадовалась запасу времени. Было только два часа, соискательница билета раньше пяти не объявится, а вот то, что Арсений не торопится со своим ультиматумом, странно. Неужели ошиблась? Нет, не может быть.

Как бы в подтверждение этих мыслей запел мой мобильник. Наташка взвизгнула и взвилась вверх, вызвав истерический смех у проходивших мимо девчонок. Садиться не стала, на всякий случай готовилась спастись бегством. Не важно, куда и отчего. Все не бездействие.

Арсений начал разговор довольно бодро в полной уверенности, что мы не захотим с ним встречаться, а поэтому просто продиктуем цифровые данные железнодорожного билета по телефону. Он готов их записать. В случае затруднения может приехать сам. Ко мне домой.

Я немного подумала и решила, что прямой угрозы мне и моей семье в голосе Арсения не было. Человек умеет держать себя в руках.

– У меня нет при себе билета. Дома его тоже нет. И потом, слишком много на него желающих. Просто отбоя нет.

Тяжелый вздох, донесшийся в ответ, немного умерил мой гонор. Дальнейшие слова дались Арсению нелегко:

– Ирина, буду банален, никакие деньги не стоят человеческой жизни. Вы обязаны передать мне билет или сообщить цифровые данные. Иначе...

– В четыре часа...

Я метнула вопросительный взгляд на Наташку, которая выделяла передо мной нечто напоминающее ритуальный танец дикарей, собирающихся таким нехитрым способом обеспечить удачу в предстоящей

охоте на... Не знаю, на кого они теперь охотятся. Крокодилов, наверное, не едят. Может, на жуков, пауков? Пожалуй, от таких активных движений, как у Наташки, всю дикарскую «дичь» заочно парализует.

– Минутку, – не отрывая от подруги восхищенного взгляда, бросила я в трубку и мягко поинтересовалась у нее: – Где? Где мы встречаемся с Арсением в четыре часа?

– В морге! – завопила Наташка так, что мне невольно пришлось зарыть мобильник под лацкан пиджака. – Видала я всю эту компанию в белых тапочках! Готова лично напутствовать любого из них, предназначенного «на вынос».

– Мы встречаемся в привычной обстановке, где нас каждая собака знает, включая обслуживающий персонал, – торопливо проговорила я в трубку под дробный перестук Наташкиных каблуков. – Кафе «Топотушки», слева от телеги, косящей под «шведский стол».

Арсений спросил адрес, так что запутать его в направлении поисков мне не удалось. Как правило, мои подробные объяснения маршрута следования уводят людей далеко от намеченной цели.

С окончанием разговора прекратилась и Наташкина безумная пляска.

– По тебе смирительная рубашка плачет, – обреченно заявила она. – Я не вижу другого выхода, как позвонить Ефимову. Пусть привезет ее прямо в кафе вместе с оперативниками.

– У тебя на каблуке набойка болтается.

Наташка мигом уселась, стянула с себя туфли и, расстроено бормоча, принялась их инспектировать.

– Чё болтаешь?

– Значит, показалось, – спокойно пояснила я. – Вот как тебе сейчас приступ моего сумасшествия. Если пару минут помолчишь, объясню, насколько глубоко ты заблуждаешься.

– Я уже давно молчу. Разговор с каблуками не считается. И за дуру меня держать не стоит. Между прочим, ты не только себя, но и меня подставляешь.

– Помолчи!

– Сказала же, что молчу!

Две минуты прошли в полном обоюдном молчании, я ждала, что Наташка нарушит мое условие, а она ждала момента их истечения. В результате заговорили вместе, перебивая друг друга. Пришлось напомнить, что до четырех часов остается не так много времени. Следовательно, для вразумительных объяснений – тоже.

– На билет много охотников! – мне удалось взять лидерство в

перепалке. – И каждая сторона будет крайне недовольна, если он окажется у противника. Наша задача сбить всю эту разрозненную команду в одну стаю и швырнуть ей в середину этот билет. Пусть передерутся, но исключительно в междусобойчике. Тогда нас с тобой точно оставят в покое. И волки целы, и овцы сыты.

Правду, навеянную мне интуицией, поведать Наташке я просто не могла. Ее бы кондрашка хватила.

– Ты думаешь собрать всю необилеченную свору в «Топотушках»? – недоверчиво спросила Наташка и сама себе ответила: – Ну, в принципе довольно присутственное место. Куча народа, знакомые повара, официантки, фирменные блюда.

– Главное, что всем участникам встречи не выгодно выносить сор из собственной избы. Постараются обойтись без лишнего шума и пыли.

– Неужели всю сегодняшнюю ночь я смогу спать спокойно?

– Ну-у-у, – покраснев, выдавила я достаточно неопределенно, но Наташка эту неопределенность не заметила, предпочла верить в лучшее. Мечтательно запрокинула улыбающееся лицо к солнцу, зажмурилась и гостеприимно раскинула в стороны руки, стремясь объять необъятное. Помешал гуляющий мимо вместе с миниатюрной собачкой болезненно-полный пенсионер, в живот которого уперлась Наташкина левая рука. Благодушное выражение мигом сошло с физиономии подруги, тем не менее она благосклонно выслушала претензии в свой адрес и отделалась единственным замечанием: «Дедуля, у вашей собаки набойка на лапе отлетела!» Затем взглянула на свои часы и вскочила, заметив, что рассиживаться нам некогда. Пенсионер, с трудом подхватив собачку, которую из-за необъятного живота никак не мог разглядеть под ногами, плюхнулся на освобожденную нами лавочку.

Время как-то незаметно вышло из-под контроля. Дважды проехав туда и обратно свою остановку – за разговорами часов не замечаешь, – мы появились в «Топотушках» без четверти четыре. Арсения я заприметила еще снаружи. Он стойко маскировался под рядового пассажира на автобусной остановке, отслеживая момент нашего прибытия. Не надеялся, что явимся без «хвоста». Наивный человек! Да какой уважающий себя «хвост» будет болтаться на виду?!

Наш, можно сказать, именной столик слева от «шведской» телеги был занят. Садиться по правую от нее руку не хотелось. В свое время моя дочь проехала всем телом по емкостям с салатами, красиво уложенными в телеге. «Шведский стол» на колесах дал резкий крен как раз вправо. Виной всему послужила дождливая погода и слишком скользкие кафельные

плитки. Этот случай сроднил нас с администрацией и обслуживающим персоналом кафе.

Тепло поприветствовав знакомых официанток, мы выразили желание подождать и успешно протрепались за пустым столиком все свободное до встречи время. Дозвонившийся до меня сын носом учуял неформальную обстановку. Поэтому его отчет о проделанной работе носил несколько сумбурный характер и граничил с шантажом. Пришлось пообещать рог изобилия. В ближайшие выходные.

Арсений появился с небольшим опозданием и поразил нас с Наташкой своим измученным видом. Тем не менее он достаточно искренне улыбнулся и первым поздоровался.

– Здравствуйте... Родион Тимофеевич, – я немного помедлила с приветствием и поздоровалась уже после Наташки. Господин Горшков только слегка вздрогнул. Гораздо сильнее вздрогнула Наташка. – А где другие участники драмы? Или комедии. Не знаю даже, как и сказать. В нашем распоряжении один час.

– Сейчас будут, – покорно кивнул головой Родион Тимофеевич и полез за мобильником.

– Что закажете? – раздался веселый голос официантки Танечки. – Ориентир на хороший повод или...

– «Или»... А вообще, еще точно не знаем, – доверчиво доложила Наташка. – Давай для начала вариант «пятьдесят на пятьдесят».

Танюша добродушно улыбнулась и исчезла. Мы с Наташкой уставились на Родиона Тимофеевича. Похоже, подруга взяла себя в руки и избрала правильную тактику поведения – ничему не удивляться. Голос у «Арсения» полностью соответствовал его виду – такой же тусклый, безжизненный.

– Мне очень нужен этот билет, девоньки. – Он поочередно посмотрел на каждую из нас, хотел еще что-то добавить, но только тяжело вздохнул.

– Мы понимаем, нелегко расставаться с такими деньгами, Родион Тимофеевич. – Я говорила также тихо, как и он. – Это означает банкротство со всеми вытекающими отсюда страшными последствиями. Включая преследования кредиторов. Ваша жизнь...

– Она уже ничего не стоит. – Горшков слабо отмахнулся. – Речь идет о жизнях других людей.

– Майка?

– И ее тоже. Если я не внесу деньги, Майя погибнет. Есть еще один человек, – Родион Тимофеевич помедлил с продолжением, с трудом проглотив комок в горле, – ее, так сказать, муж. Оставшаяся сумма пойдет в качестве выкупа за его жизнь.

– Первый или второй? – быстро спросила Наташка. Горшков сделал вид, что не расслышал вопроса.

– Кочнев действительно ваш сын? – засомневалась я.

Горшкову уже было неудобно притворяться глухим, но он не ответил. Просто взглянул на меня вопрошающе.

– Мы знаем о вашем завещании. Неважно откуда.

– Понимаете, все очень сложно, да и зачем вам это надо? Тем более что завещание никакого значения не имеет. И квартиру, и дачу мне придется продать. Это единственный источник, за счет остатков которого моя жена сможет сносно существовать.

– А вы?

– Скорее всего, мне в этой жизни существовать не придется...

Эту фразу можно было расценить как шутку, но уж очень неприятную. Меня так и перекосило. С перекошенными губами я процедила:

– Значит, Шурик – Александр не ваш сын. Не перебивайте меня, пожалуйста! – заявила я «Арсению», заметив его попытку что-то сказать. И выразительно посмотрела на Наташку, рассчитывая на ее поддержку. Только она моего выразительного взгляда не поняла и запальчиво воскликнула:

– Ко мне-то какие претензии? Уже давно заткнулась.

Пользуясь моментом, Родион Тимофеевич успел пояснить, что Кочнев Саша – сын давнего друга, перед которым он и без того в неоплатном долгу. Наташка тут же ехидно заметила, что прежде чем клепать новые долги, неплохо бы расплатиться за старые.

Разговор катастрофически начал уходить в сторону. Я бесцеремонно потянула Наташку за руку, взглянула на ее часы и поняла, что выражение «время – деньги» в данный момент самое актуальное. И то и другое запросто можно потерять. А посему варварским способом прервала разгоревшуюся между подругой и «Арсением» дискуссию на тему неоплаченных долгов, взяла да и разделила между ними содержание солонки. Сурдоперевод к словам «это вам на старые раны!». Благодарности, разумеется, не дождалась. Оба в полном молчании изучали кучковавшиеся на столе солевые запасы.

– Я говорю, остальные молчат! У нас осталось сорок две минуты для того, чтобы принять совместное мудрое решение. Значит так, господин Горшков, некоторое время назад нормальный рабочий ритм вашей фирмы был нарушен хакерской атакой. Разбираться было некогда, да и, что называется, себе дороже! Вы просто выполнили требование вымогателей. Случившимся поделились со старым другом.

– Он скончался три года назад.

– Я сказала, не перебивать! Умер так умер!.. Ах, у-у-мер?... Жалость какая.

– Но я действительно советовался с его сыном, Сашей. И он мне сказал...

Я не имела права выпускать из рук инициативу:

– Он вам предрек, что одной хакерской атакой дело не ограничится. И оказался прав. Именно Александр предложил вам свою помощь, потому как тоже хакер. Вы приняли его на работу в качестве... Да не все ли равно, в каком качестве? Главное, донельзя удивили этим свою племянницу Ксению. Ей было трудно понять, зачем увеличивать штат бездельников, неспособных обеспечить надлежащую защиту программы. Впрочем, она и сама не перетрудилась на своем рабочем месте. Скорее всего, принятое решение вы оправдали просьбой каких-нибудь знакомых. С некоторых пор у вас с племянницей начались определенные разногласия. У Ксении уже был один неудачный брак, с неким Ельцовым Михаилом Петровичем. И она, на ваш взгляд, весьма неосмотрительно, то бишь напролом, лезла в новую брачную ловушку. Не припомните, когда в вашей фирме появился Тимур Георгиевич Буйков?

– В апреле. Имею в виду апрель этого года. Принят на работу менеджером по просьбе Ксении, но без моего искреннего на то желания. Парень знал только азы пользования компьютерной техникой, на уровне игрушек. – Родион Тимофеевич с интересом смотрел на меня. Я тоже попыталась посмотреть на себя со стороны. Увиденное вызвало восхищение. Только пришлось сесть поудобнее.

– Ваша племянница активно принялась устраивать Буйкову быстрый карьерный рост. Но тут вы оказались на своем месте как генеральный директор. Не помог и главный довод племянницы – решение выйти за Буйкова замуж и ее намеки на то, что вы не вечны, единственная наследница она, Ксения, следовательно, надо заранее подготовить будущего родственника к руководящему посту. Из-за отсутствия времени не будем уточнять причины вашей неприязни к Буйкову.

– А что их уточнять? – встряла подруга. В глазах у нее плясали мелкие бесенята. – Причины теперь похоронены на дне Бедового озера вместе с их носителем – Буйковым. И зачем вы его утопили? До того как занять ваше потертое генеральное кресло, Ксения успела бы сто раз с ним расплеваться. Сказала же – молчу! – улыбнулась мне Наташка, довольная тем, что и ей удалось кое-что вставить в разговор. – Ой, господа! У нас рекламная пауза.

Я даже рывкнуть не успела. Подоспевшая Танечка ловко метала с

подноса на стол тарелки с салатами. Заметив кучки соли, на пару секунд озадачилась, затем ловко сгребла ее салфеткой на поднос и, одарив всех еще одной доброй улыбкой, пожелала приятного аппетита. Дождавшись, когда она упорхнет, я продолжила:

– К моменту второй хакерской атаки Кочнев успел кое в чем разобраться. В частности, в том, что знания Буйкова выходят далеко за рамки примитивного пользователя компьютером. Вы попробовали подробнее расспросить Ксению о личности и окружении Буйкова. Думаю, ничего вразумительного племянница сообщить не могла. Беседа окончилась очередной ссорой. Ваши предупреждения о нечистоплотности жениха Ксению оскорбили.

Через пару дней вы убедились в том, что племянница окончательно потеряла способность к здравомыслию – они с Буйковым подали заявление о регистрации брака. Данное обстоятельство и не подумали скрывать. Этот факт вас еще больше насторожил. Не хотелось стать жертвой «несчастливого случая». В ответ вы с Кочневым выработали определенный план, по которому вам вместе с женой следовало временно исчезнуть, оставив предварительно оформленное завещание на все принадлежащее движимое и недвижимое имущество, а равно и фирму в пользу новоиспеченного родного сына. Предполагалось, что это предотвратит женитьбу меркантильного Буйкова на Ксении как наследнице своего богатенького дяди. А вас уберезет от «несчастливого случая». Сами вы тем временем прекрасно отдохнете. Горшков брезгливо поморщился.

– Александр сам слышал разговор Тимура с женщиной, которая, как он понял, является его сожительницей. Тимур обещал, что все скоро кончится, и уговаривал ее не плакать. Она, мол, у него одна-единственная. Была, есть и будет. Дальше шел полный набор нежной шелухи. Тьфу!

– Почему же сразу «тьфу!». Каждый любит, как умеет! Ну молчу же я! – Наташка прижала ладонь ко рту, но тут же ее отняла. – Вот так и проживешь всю жизнь с кляпом во рту, – проворчала она и принялась за салат.

Я покосилась на свою нетронутую тарелку, затем на Наташкины часы и торопливо продолжила:

– Перед запланированным исчезновением Родиону Тимофеевичу пришлось пережить еще один хакерский налет. Все правильно, Буйкову надо было готовиться к свадьбе, а это более крупные расходы, нежели простое ухаживание. Не хотелось играть роль бедного жениха. Ставка повысилась. На такое дело, сулящее блестящие перспективы, денег не жалко. А уж чужих-то тем более.

По совету Кочнева вы, Родион Тимофеевич, выполняете требование вымогателя. Тем временем подозрения Александра обрастают кое-какими подтверждениями. Вы «пасли» Буйкова. Сейчас полно всяких мелкокалиберных «жучков». Можно было бы прижать негодяя с помощью официальных мер, но вы не хотите гласности, возможно, щадите племянницу. Александр предлагает свой вариант возмездия. Так сказать, «свадебный подарок» Буйкову. Кроме того, для полного разоблачения жениха необходимо пообщаться с его персональным компьютером, находящимся у него дома. Разумеется, в отсутствие самого хозяина да так, чтобы на Александра не пала тень за этот несанкционированный визит. Едва ли Буйков проявил бы гостеприимство. Дальше все идет по плану: вы, Арсений, ах ты, боже мой, все время вас псевдонимом обзываю.

– Пожалуйста, пожалуйста. И можно на «ты». Мы ведь уже общались в этой манере.

– С тех пор у вас имидж сменился, – резонно заметила Наташка. – Тогда вы нам были роднее. Танечка, повремни с горячим. Тут и без того жарко. Ир, я возьму твой салатик? А то он заветривается.

Я согласно кивнула, сейчас любой листик поперек горла встанет.

– Что я там говорила насчет кочневского плана? Ах да! Ты, Родион Тимофеевич, вместе с женой, как и задумано, в плановом порядке исчезаешь. С убежденностью, что после крушения надежд на должность мужа очень богатой наследницы своего дяди, которому пора завершать свои личные дела на этой земле, Буйков отступится от Ксении. Потом с ним можно и не церемониться. Вот только я пока до конца не разобралась с последним «приветом» Буйкова. Этот билет на поезд в Тамбов... Вы знали, что Буйков готовится снять все денежки со счетов вашей фирмы. Тут-то его и должен был поджидать сюрприз. Кочнев, в свою очередь, выразил готовность умыкнуть данную сумму у Буйкова, перевести на другой счет, получить наличными и положить на хранение в ячейку камеры хранения. Кодовым номером служили цифры железнодорожного билета, который Мишурик, он же самозванный муж Майки, он же господин Ельцов, приобрел для поездки в Тамбов. И предварительно арендовал ячейку, положив в нее все необходимое, чтобы сэкономить время. После прибытия из Хельсинки, не заезжая домой, сразу рвануть в Тамбов. А я-то думала, что Майка свихнулась, когда, отвечая на звонок «подруги», а фактически, Александра, даже прыгала от радости и «чушь прекрасную» несла. Наталья, ты все кусочки сыра и оливки из моего салата вытаскала! Уж лопала бы все подряд.

– Тебе нельзя отвлекаться! А я просто улучшила внешний вид

греческого салатика. Теперь он перестал отдавать иностранщиной.

Я негодуяще фыркнула и передвинула к ней тарелку Родиона, который в данный момент был мне несравненно ближе подруги. Пусть она облопается! И, сосредоточившись, даже лоб нахмурила и глаза прикрыла, поведала Родиону:

– Четыре часа гуляли, всего один час. Решили купить девять сигарет с начинкой из пяти баобабов. Дали двести тридцать кругов по центру. Код – сорок один девяносто пять. Ячейка двести тридцать.

– Ясно, – опять вздохнул Родион Тимофеевич. – Вы поняли, что в поезде Саша с Михаилом поменялись ролями. Саша действительно устроился в другом вагоне, вышел в Твери и вернулся в Москву электричкой. Следовало исключить возможность подозрений, могущих возникнуть в отношении его в ходе задуманной операции. В среду Буйков перекинул денежные средства со счетов моей фирмы на конкретный счет в... Впрочем, это не важно. Доверенное лицо этого проходимца должно было их получить и за вознаграждение переотправить в указанное им место. Он все время пользовался разными банками в разных городах. Александр деньги перехватил и перевел их на... Об этом, пожалуй, тоже не стоит рассказывать. Вам ведь просто интересен механизм?

Мы вежливо поддакнули, и Горшков удовлетворенно кивнул головой:

– Словом, вся эта задумка с обеих сторон была незаконна. Но с нашей стороны, безусловно, справедлива. Да и не хотелось, чтобы в финансовые вопросы фирмы вмешивались официальные лица. Уже имелся печальный опыт такого общения. Потом пришлось... Ну об этом говорить тем более не стоит. Сейчас дела как никогда плохи. Майю и Михаила похитили.

– И за их освобождение вы готовы выложить всю сумму, упакованную в банковскую ячейку?

Столик содрогнулся и подпрыгнул от прямого попадания Наташкиной ноги. Подозреваю, что пинок предназначался мне. Не дотянулась подруга! Пустячок, а приятно. Такие вот мелкие радости, включая физиономию, перекошенную и красную от досады и легкой боли (туфельки-то под столом наверняка, как и я, скинула), поддерживают хорошее настроение. Но стоило мне перевести взгляд с Наташкиной физиономии на физиономию Родиона Тимофеевича, как мне похужело еще больше, чем Наташке. Остановившийся на ком-то позади меня взгляд, маска сосредоточенности и готовности. Даже не знаю, к чему он готовился. Короче, выражение его лица заставило меня замереть с самой радостной и, следовательно, идиотской в этих обстоятельствах улыбкой удовольствия. Не успела поменять на жалкую и испуганную. Мелькавшие в голове сцены

убойной силы мешали сосредоточиться. Да и не нравился мне ни один вариант. В любом случае не хотелось расставаться с прожеками, расписанными до глубокой старости. В конце концов минимальную пенсию я наверняка уже заслужила, а вместе с ней бесплатный проезд на городском общественном транспорте. У меня обязательно должны быть внуки. И я, наконец, получу возможность дрыхнуть по утрам в свое удовольствие. Впрочем, с внуками этот номер едва ли пройдет. Но все равно – не будет необходимости.

Кто-то потрепал меня по плечу. И этот «кто-то» уверенно стоял за моей спиной...

3

– Это ваши знакомые? – сквозь плотный туман отрешенности долетел до меня дежурно-приветливый голос Танечки. – Тогда вам лучше пересестись за крайний столик. Он на шестерых. Ой, а что это случилось с салатами?!

– Просто я их не успела доесть, – в Наташкином пояснении гулял сквозняк жалости.

«А я не успела даже попробовать!» – пробилась у меня рациональная мысль, и, плохо соображая, я принялась сгребать в руку вылетевший при подскоке из тарелок греческий салат. Хотела было отправить добычу в рот, да вовремя вспомнила о необходимости выразить свое возмущение вмешательством в плановый распорядок моей будущей жизни, а посему со злостью метнула полную пригоршню «греческого ассорти» прямо через плечо. И не промахнулась, о чем свидетельствовал отчаянный женский визг, а следом и порция отменных ругательств, два из которых я точно решила запомнить. Уж очень понравились. Особенно «дурында на приколе». Можно использовать в повседневной практике. А то, что она у меня обязательно будет, поняла мгновенно, поскольку сразу узнала чарующий голосок заместителя Родиона Тимофеевича по связям с общественностью.

– Дура набитая, – смакуя каждое слово, с удовольствием ответила я, старательно вытирая руки фирменной бумажной салфеткой. – Только зря на тебя салат перевела. – Голос мой звучал свободно, мелодично и весело, как ручеек, сумевший преодолеть мусорный затор. – В будущем никогда не смей подкрадываться ко мне сзади. Хуже будет! Поумнела с опозданием, да не на сто процентов! – Я ругалась не хуже Наташки, вызывая искренний интерес окружающих. Без эксцессов. Никто даже не подавился.

– Пойдемте со мной, попробуем отчистить ваш наряд. Правда, за масло не ручаюсь, оливковое, знаете ли, – защебетала Танечка, обращаясь к Ксении, продолжавшей ругаться и сбрасывать с себя ошметки ингредиентов.

– Да ладно лапшу на уши вешать! – деловито вмешалась Наташка. – Оливковым маслом в вашем салате и не пахнет. Его запах ощутимо присутствует только в цене. На самом деле используете подсолнечное рафинированное.

– Один черт! – ругнулась Ксения и обернулась к своему приятному спутнику, тому самому, который в свое время преследовал ее на «Жигулях»

пятой модели. Именно у него на плече она плакала, находясь рядом с клиникой Склифосовского.

– Привет утопленникам! – отсалютовала молодому человеку Наташка. – Прекрасно выглядишь. Отмылся?

Пришлось вносить коррективы, пока Ксюшин спутник глупостей не наделал:

– Здравствуйте, Шурик! Был момент, когда мы с Натальей Николаевной ошибочно приняли вас за Буйкова. Роковая ошибка! На тот момент нам уже было известно, что возлюбленный Ксении вроде как утонул. Отсюда и вывод – девушка так быстро не будет вешаться на шею абы кому. Какое-то время должна хранить верность памяти любимого. Заодно подумали, что она связана с ним преступными намерениями. Впрочем, это не единственная роковая ошибка с нашей стороны. Ксюша ловко задуррила мне голову просьбой вытащить вас или Майку на свидание, если вы соизволите позвонить. Я не сразу поняла, что эта просьба фактически относилась к лицам, которые могли выдавать себя за вас, Кочневых. Девушка охотилась на Буйкова.

– Ну, долго ты еще тут топтаться будешь, «родственничек»? И почему тебя Майка Шуриком зовет? Впрочем, ты на него совершенно не похож. Вылитый Саша! – Наталья и глазом не моргнула, чтобы показать свое удивление моим пояснениям. – Будешь лидером гонки за лучшее место. Оно там, где тебя не сможет достать эта...

– Дурында на приколе! – радостно подсказала я. – Господин Кочнев, можете не волноваться, больше кусками швыряться не буду. Уж очень кушать хочется. – Я снова взглянула на Наташкины часы. – Еще десять минут в нашем распоряжении. Быстро все на целину, осваивать новый столик!

На новом месте у подруги неожиданно пропал аппетит. А все оттого, что Родион еще раз напомнил о необходимости внесения выкупа за жизнь и здоровье Майки и Мишурика. Я позволила себе возразить. Ведь Мишурик находился в полной безопасности. Проследила за реакцией, она была умеренно-недоверчивой, и особо подчеркнула: в безопасности полной и исключительной! Обосновывать свое заверение не стала. Зачем лишний раз обращать внимание на очередную нашу ошибку. По сути, мы с подругой помогли Мишурику скрыться от благодетелей. Тем не менее сейчас он в надежном укрытии.

– В пять часов мне будет звонить сообщница Буйкова. – Я выразительно посмотрела на насупленную Ксению. – Я должна сообщить ей цифровые данные билета.

– В пять часов мне будет звонить сам Буйков, – потирая виски ладонями, хмуро заявил Родион. – По тому же поводу.

– Ну и замечательно! – обрадовалась я. – Значит, звонок тебе поступит на пару минут позже. Будем «дудеть в одну дуду». А сейчас – «главная тема». Начнем с того, что денег в вокзальной ячейке нет!

– Как это нет?!

В хоровом исполнении этот вопрос выглядел страшновато. И только Наташка не вскочила со стула.

– Сядьте, пожалуйста, – скромно и застенчиво улыбнулась я, но меня не послушали. Что ж, не применять же силу.

– Их по моей просьбе украли. И, как Мишурика, спрятали в надежном месте. Но ведь злоумышленники этого не знают!

Вот теперь уже все трое одновременно заняли свои места. Боюсь, не по доброй воле. Просто ноги не выдержали полученной головой информации.

– Ваш Буйков – человек достаточно умный, но инфицированный смертельным вирусом наживы. В такой ситуации ум становится изощренным. А посему молодой человек не отправится получать свои, но все еще пока ваши, денежки лично. И сообщницу не пустит. То, что они оба собираются в одно и то же время звонить и мне, и Родиону, рассматриваю как следствие некой существующей между ними договоренности. Расчет на то, чтобы, запугав каждого из нас, заполучить и необходимые сведения, и деньги. Последние – руками господина Горшкова. Уверяю вас, что первой позвонят мне. Меня, например, стали брать на испуг точными данными о месте проживания и составе семьи. Ясное дело, жизнь Майки здесь не на первом месте. А Родиона Тимофеевича шантажировали исключительно Майкой и Мишуриком. Патриотизм в моем случае исключен, поэтому я все свалю на Родиона.

В том плане, что данные билета продиктовала ему. Пусть с него их и спрашивают. Это нормальное поведение нормального постороннего человека.

– Ненормальная, – прошептала девушка Ксюша, неслышно вернувшаяся после санобработки. Собиралась сказать мне еще какую-нибудь гадость, но была вовремя одернута Кочневым. Иначе я бы окончательно отвлеклась и в ответ наговорила ей лишнего.

Но не выдержала Наташка:

– От ненормальной слышим! Да тебя к широкой общественности и близко нельзя подпускать. Родя, ты подумай хорошо на тему ее связи с этой общественностью. Как губка впитывает все подряд. Причем хорошее самопроизвольно стекает, не задерживаясь, а всякая дрянь остается. Не

фига этой дрянью порядочных людей мазать!

– Ира, так что вы предлагаете? – не выдержал Родион Тимофеевич.

Я демонстративно отвернулась от скрипнувшей зубами Ксюши и миролюбиво спросила:

– Родиончик, у кого имеются ключи от твоей московской квартиры?

– Ты думаешь?... У-у-у Ксении, – он явно не ожидал такого вопроса и взглянул на племянницу в ожидании подтверждения. – Я свои за ненадобностью не захватил.

Ксения кивнула, чуть не с головой нырнула в сумочку, затем вытряхнула все ее содержимое на стол. Глаза разбежались от многочисленного разнообразия посторонних для него предметов. Впрочем, из моей сумки можно и больше вытряхнуть.

– Не-ету, – растерянно протянула девица, поочередно с пристрастием вглядываясь в каждую вещицу, перед тем как закинуть ее обратно. Искала сходство с пропавшими ключами.

– Ну и не ищи, – махнула я рукой, искренне радуясь этому обстоятельству. – Все равно замок менять. Твои ключи у Буйкова. Пусть он ими и подавится. Вот только теперь даже и не знаю, как...

– У меня с собой дубликат ключей Родиона Тимофеевича! – вскинулся Кочнев. Надо же, какой выдержанный молодой человек.

– Дубликат – это замечательно! – обрадовалась я. – Дубликатов можно много наделать. Сейчас вы вместе с Ксенией едете по адресу Родиона Тимофеевича и с максимальной осторожностью проникаете в квартиру. Так, чтобы соседи не услышали. Лишний шум ни к чему. Да! Танечка! – окликнула я вежливо забывшую про нас официантку, – можно упаковать весь наш заказ в отдельную продовольственную корзину, на вынос?

– Да хоть всю телегу упакуем! – откликнулась отзывчивая Танечка.

– С ней долго скакать! Да и ломовой лошадью поработать никто не захочет, – возразила Наташка и уставилась на меня: – Нам обязательно есть эту корзину на кухне у Родиона?

– Нет, – я успокоительно похлопала Наташку по часам. – Боюсь, что до нас с тобой очередь не дойдет. Она предназначена Майке.

На этот раз даже Наташка вскочила. Я не на шутку испугалась. Сейчас как начнут наперебой меня благодарить!

Кажется, мне не верили. Пришлось дать совет поторопиться. Могу ведь и ошибаться. Последнее утверждение оказалось самым удачным толчком к действиям. Александр и Ксения сорвались с места и ринулись вон из кафе, не дожидаясь упакованной продовольственной корзины. Родион Тимофеевич на глазах ожил и нервно сжевал пластиковую травинку из

букетика живых бархатцев, служивших украшением стола. В тот момент, когда на моем мобильнике заиграла мелодия вызова, Наташка потеряла ориентировку и села господину Горшкову на колени. От неожиданности он поперхнулся пластиком и закашлялся. Подруга вскочила, не долго думая, огрела его по спине кулаком и обвинила в том, что он сидит не на своем месте. Чем закончилась разборка, я не видела, пришлось выскочить на улицу, где отвлеклась на телефонный разговор.

– Пять часов! – требовательно доложил мне противный женский голос.

– Без двух минут! – поправила я. – Но, в принципе, я слушаю!

– Цифры на билете!

– Да не помню я их. Продиктовала Родиону Тимофеевичу и по его требованию разорвала билет. Разговаривайте с ним. А я моментально забыла всю эту историю. Не в ваших интересах мне ее напоминать. Так что оставьте меня в покое. Оба!

– Что значит «оба»?

Мне все-таки удалось внести сумятицу в ряды неприятеля! Противный голос потерял браваду.

– Привет Буйкову! Хотя едва ли он теперь сможет пользоваться этой фамилией.

Я скороговоркой обосновала свое высказывание – дала краткий перечень приключений сладкой парочки.

– Тебя не обременяет лишний груз знаний?

– Ая его удачно перенесла на диски. Целых пять штук в разных местах ждут не дождутся, когда со мной произойдет несчастный случай. Так что усердно помолитесь о моем здравии. Ибо оно залог и вашего.

– Извини, я не хотела тебя пугать. Просто нам с Тимуром очень нужны были деньги. Никто из нас не пошел бы на крайние меры.

– Тогда как объяснить случившееся с Мишуриком? Ответ прозвучал не сразу.

– Не знаю, это не наша вина. В момент происшествия Тимур находился со мной.

– Обеспечивая себе алиби. И все-таки, именно вы организовали наезд. У Буйкова не было другого выхода. Ксения Львовна наверняка делилась с ним теми «смехотворными» подозрениями, которые роились в дядиной голове. Истинная причина, по которой господин Горшков принял на работу Кочнева, быстро перестала быть неразгаданной тайной. Твой Тимур пошел ва-банк, рассчитывая сразу после получения крупной суммы обрубить все концы. Боюсь, что в общее их количество входила и связь с тобой. Но Кочнев его перехитрил. В отличие от господина Горшкова, Буйков не смог

стойко перенести крупную потерю уже почти своих денег. Кроме того, боялся разоблачения. Вот и решился на крайнюю меру. Только поручил ее кому-то. Иначе не ошибся бы в объекте наезда.

Я так и не знаю, что мне пытались сказать в ответ. Связь прервалась. Скорее всего, Буйков контролировал ход разговора. А я слишком разболталась. Не телефонный разговор! Пришлось опрометью нестись в кафе.

Его мобильник заверещал в самый неудобный момент. Горшков вместе с продовольственной корзиной и Наташкой как раз выходил из кафе, а я на бегу не успела оценить проявленную обо мне заботу. Можно сказать, не дал сделать лишнего шага. Да и сам не сделал. Врезалась я в него капитально. Даже в голове загудело. А вот Наташка шагнула. Прямиком в продовольственную корзину (она же – внушительная картонная коробка), выпавшую из рук Родиона. Пластиковая тара противно хрястнула. Наташка со словами: «Блин! Это же не мой размер!» ловко стряхнула с ноги коробку вместе с бренными останками ее содержимого и повисла на мне. Ощутимо запахло жареным.

Возразить я не сумела, в рот лезла борода Родиона, согнувшегося в попытке ответить на телефонный звонок, телефон у него был в правой руке, на которой, в свою очередь, висела я. С большими трудностями он выдавил из себя «Алло?», и я вынужденно замерла, затаив дыхание, в надежде, что Наташка вот-вот отцепится. Но Родион выбрал более простой вариант – перекинул мобильник в левую руку, слегка выпрямился и продолжил внимать словам собеседника, предоставив нам с Наташкой возможность по собственному усмотрению распасться на отдельные звенья.

– Тимур, я на это не пойду! – сурово заявил Горшков. – Мне нужны гарантии полной безопасности обоих. Багаж уже получил. Ты привозишь Майю и Михаила, я передаю тебе обещанное.

Родион вопросительно взглянул на меня, я одобрительно кивнула. Приятно сознавать, что не одна такая умная.

– Предлагаю следующий вариант: ты доставляешь ребят в определенное место, снабжаешь их мобильным телефоном и уезжаешь на встречу со мной, где-нибудь неподалеку. В условленное время мы с тобой встречаемся, но только вдвоем. Багаж передам после Майиного звонка мне. От нее требуется всего одно слово, она знает какое. Если назовет именно его, я пойму, что у них с Мишей все в порядке. Если нет, применяю свой план «Перехват». Ты не сможешь выехать из страны. И вряд ли тебе вообще понадобятся деньги. Думай. Я не тороплюсь.

Господин Горшков вовсе не напоминал того растерянного человека, каким выступал в образе «Арсения». Я сразу поняла, что, несмотря на данное им обещание, теперь он ни за что не расстанется со своими деньгами. Соображал Горшков быстро, и главное, эти соображения приводили его к правильным выводам. А правильные выводы позволили увидеть свет в конце финансового тоннеля. Я и сама увидела этот воображаемый свет. Ненадолго, буквально на пару секунд. Звонок мужа сразу же заставил его померкнуть.

– Ирина, где ты находишься? Почему не отвечаешь на звонки по рабочему телефону? Я заеду за тобой к шести.

Что-то мне подсказывало: ссылаться на очередной забег по магазинам не стоит. Нельзя же злоупотреблять одними и теми же присутственными местами. Пауза грозила затянуться до опасного момента. Потому и ляпнула, что уже подъезжаю к дому. А дабы исключить лишние вопросы, поинтересовалась, купил ли Димочка масляный фильтр? Оказалось, не успел. Помешали утренние пробки на дороге. Ну я и послала его в магазин. Не все же мне бегать. Прикинув, что на обратном пути Дмитрий Николаевич наверняка попадет в очередную пробку, только вечернюю, немного успокоилась. Мы с Наташкой успеем его обскакать на метро.

– Быстро! Мы едем к вам в гости! Тихими сапами! – дернула я Родиона за лацкан пиджака, приглашая его скатиться со ступенек.

– А что делать с этим? – кивком головы он указал на «продовольственную корзину».

– Ну не мусорить же здесь! Берем с собой. Пригодится. Наташке особого приглашения не понадобилось. Мы с ней мелко трусили за Родионом к его «БМВ», поругивая за то, что поставил машину слишком далеко от кафе.

– А кто такая «тихая сапа»? – усевшись в машину, поинтересовалась Наташка, разочарованно наморщив нос: не нашла к чему прицепиться в «БМВ».

– Зачем это тебе?

– Затем! Сколько раз в жизни меня оскорбляли, сколько раз в ответ оскорбляла я, но исключительно понятными терминами, а кто – такая «сапа»? И почему она «тихая»?

– Кажется, есть такая змея. Или рыба. Так или иначе, обе перемещаются достаточно тихо.

– Скорее всего, это слово имеет другое происхождение, – вырвав на дороге, пояснил Родион. – Начиная с шестнадцатого века «сапой» назывались подземные траншеи, тайно проложенные к вражеским

укреплениям. Потом по ним тихо пробирались специалисты и эти укрепления взрывали. Попробуйте догадаться, как подрывников называли?

– Саперами! – радостно крикнула я, а Наташка задумалась:

– Даже не знаю, что более оскорбительно: змея подколотная, скользкая рыбина или... Нет, изображать из себя подземную траншею я вообще не намерена.

Далее ехали молча. Мне вдруг стало не по себе. Интуиция интуицией, а вдруг ошибаюсь? Что ж, в таком случае Родиону просто придется еще раз мобилизовать себя на денежные потери. В конце концов, половина требуемой вымогателем суммы у Горшкова все же останется. С нашей помощью.

4

Путь к центру был относительно свободен. Вскоре позвонил Александр и что-то сообщил Горшкову. Тот удовлетворенно кивнул и, обернувшись назад, весело подмигнул нам с Наташкой. Я с облегчением вздохнула.

Машину Родион Тимофеевич остановил у другого дома. Шел он уверенно задрал голову, совершенно не волнуясь из-за возможной встречи со знакомыми. Только потом, увидев его фотографию в квартире, я поняла, насколько борода изменила его внешность. Уже у подъезда он позвонил Кочневу по мобильнику и попросил открыть дверь. Так что в квартиру мы попали беспрепятственно, «тихими сапами», как и планировалось. Меня совершенно не волновала история происхождения этого выражения. Из-за соседской двери доносились звуки работающего телевизора и мягкий женский голос, разговаривающий с ребенком. Судя по своеобразной мелодии, ребенок смотрел диснеевский мультфильм, и его уговаривали убавить громкость. Родион Тимофеевич застрял на пороге собственной квартиры вместе с картонной коробкой. То ли отвык от привычной обстановки, то ли, наоборот, слишком привык к ней за прошедшие годы и теперь не мог нарадоваться возвращению. Мы стояли в коридоре и терпеливо ждали, когда он соизволит сделать решающий шаг вперед или хотя бы вспомнит о правилах приличия и гостеприимства.

О правилах он не вспомнил, но решающий шаг все же сделал. И когда мы с Наташкой вошли, стала понятна причина его торможения – прямо по курсу, в конце коридорного тоннеля, то бишь на кухне рядом с батареей сидел лучик света в образе Майки и тихонько всхлипывал. Девушка все еще была прикована наручниками к металлической трубе. Вот только всхлипывала она уже от счастья. На полу валялась куча разных инструментов, среди которых я опознала только отвертку и молоток. Целых полчаса Александр бесполезно пытался отвоевать жену у локального проводника центрального отопления. Великий хакер оказался бездарным взломщиком. О чем Наташка не преминула ему заявить и привести в пример хакера Буйкова, который на его месте наверняка бы не растерялся и выломал девушку вместе с батареей. Обещанная ему сумма того стоила.

– Он не хакер! – огрызнулся Кочнев, переключив свой острый взгляд на трубу. Все-таки задумался над упреками Наташки. – Прошу не оскорблять подобными сравнениями! Мы едва не застали здесь эту сволочь. Майя сказала, сорвался и укатил буквально перед нашим приездом. А у вас

типичное для обывателя заблуждение в отношении хакеров. Да. Основная задача хакера – вычислить слабые места в системе безопасности компьютерной программы. Зачем? А затем, чтобы информировать о них разработчиков и пользователей системы. Цель – устранение выявленных недостатков. А Буйков... – Саша задумчиво посмотрел на какую-то жуткую железяку, которую всеведущая Наташка обозвала безразмерным газовым ключом, затем на изящное запястье жены, украшенное наручниками, и с сомнением покачал головой.

– А Буйков – кракер! – Это прозвучало у Майки с прононсом, но очень убедительно. Да и кто бы посмел возражать несчастной девчонке, бледной, слегка похудевшей и слегка пьяненькой.

Ксения Львовна, более пьяненькая, выпала из ванной комнаты и с еще большим прононсом обозвала Кочнева безруким болваном. Потом пожаловалась дяде, что в его всегда гостеприимном доме теперь даже нечем коньяк закутить.

– Как это нечем? – возмутилась Наташка и, отняв у Горшкова смятую коробку, быстро принялась делить ее содержимое на «съедобное» и «несъедобное». Через пару минут на полу у Майкиных ног был сервирован «шведский стол». Наташка предложила девице расслабиться и окунуться в приятные воспоминания о туристической поездке.

– Спасибо, я не очень голодна, – заявила Майка, тронутая искренней о ней заботой. – Меня регулярно кормили. – И умолкла, запихав в рот половину пирожного.

Я нервно поинтересовалась временем. По моим подсчетам Родиону Тимофеевичу с минуты на минуту следовало ждать звонка от кракера Буйкова.

– Тимур сам предложит вам уменьшить сумму выкупа, – уверенно заявила я. – Шурика-то он не нашел! Время поджимает, а Буйкову надо слинять из столицы как можно быстрее. Я думаю, нам следует пойти вымогателю навстречу. Предложите состыковаться, например, у Даниловского рынка. Конкретное место пусть указывает сам. Лишь бы не под прилавком. Увидите, как он обрадуется.

– Нет, я всего этого просто не вынесу! – племянница своего дяди саданула кулаком по стене и, круто развернувшись, направилась в комнату, где и притихла. Горшков пошел следом за ней, скорее всего, утешать.

– А кто такой «кракер»? – поинтересовалась я у супругов Кочневых. – И чем отличается от хакера?

– Целью!!! – взвыл Александр, саданув себе по пальцу отверткой, которую с нулевым результатом пытался использовать в качестве ключа от

наручников.

– Если немного подождать, «оковы тяжкие падут» и без этих железяк. Через короткое время после того, как Родион Тимофеевич ответит на ожидаемый нами звонок. – Я сказала это почти шепотом.

– Я потерплю, – торопливо заявила Майка, открывая закрытые со страху глаза, не желавшие смотреть на отвертку. – Лучше расскажи девушкам про кракеров. – Она принялась осторожно растирать слегка припухшее от наручников запястье. – Хорошо, что рука тонкая, а то...

Отвертка тут же выпала из рук Кочнева. Он пнул ее ногой к кучке других инструментов, наклонился и, поцеловав жену, уселся на полу рядом с ней.

– Если коротко, кракер добивается несанкционированного доступа к чужой информации с преступными целями. Среди кракеров имеется несколько категорий, так сказать, по интересам. Есть «шутники». Взломают систему и запустят в нее визуальные, звуковые, а то и просто шумовые эффекты. Короче, всяко разно: хулиганские картинки там, музыку. Вторая категория – «вандалы». Эти прут напролом, озабоченные одной задачей – взломать и разрушить систему. Ну а к третьей категории «взломщиков» как раз относится Буйков. Система взламывается исключительно с целью наживы. Обеспечат перевод денег в определенный населенный пункт на определенный счет, где их получают дропы. Что вы на меня так смотрите? Не я это название придумал, это на языке хакеров. Обналичив деньги и получив причитающуюся долю вознаграждения, дропы пересылают их непосредственно кракеру. Слышали, наверное, как разорили ряд английских букмекерских контор? Между прочим, россияне.

– Мама дорогая, – проронила Наташка, – дропы, квакеры. Харекнуться можно! Квакернуть бы их всех!

Майка погладила свободной рукой Сашу по плечу и снисходительно пояснила:

– Да в Инете существует несколько сайтов, на которых эти спецы свободно общаются, делятся передовым опытом по ремеслу. «Накрыть» их невозможно. Еще та оперативность! Вот, например, ООН приняла резолюцию по вопросу направления миротворцев в Ливан, а через пару часов турецкие кракеры взломали ее официальные сайты. Или вот еще: в июле наша Госдума приняла закон «О персональных данных», в соответствии с которым личные сведения о наших гражданах можно собирать только с их веденья. Да кто этих граждан будет спрашивать? В продаже уже появились диски, содержащие данные о потребительских кредитах.

– М-да! Как легко прославиться, – заметила я. – Достаточно взять кредит и «слух обо мне пройдет по всей Руси Великой».

Из глубины квартиры донеслись нетерпеливые звонки мобильного телефона господина Горшкова, следом раздалось его резкое: «Да! Горшков».

– Блин! – Наташка снова шагнула одной ногой в коробку. Далась она ей! На сей раз пустая. Подруга выразительно хлопнула руками по бедрам. – Он что, не может нормальную мелодию вызова подключить?! – Наталья имела в виду Родиона Тимофеевича. – С таким звонком только в психическую атаку ходить. Ир, помнишь фильм про Чапаева времен нашего далекого детства? Против такого сигнала Анка-пулеметчица точно бы не устояла.

– Мы это потом обсудим, – заторопилась я, давясь пирожным и силовым методом освобождая коробку от Наташкиной ноги, рассчитывала сгрести в нее остатки «шведского стола». – Потом доедим. А пока что никаких следов нашего здесь пребывания. Саша, быстренько собирай инструменты и тащи их в комнату. Майку должны добровольно отключить от центрального отопления. Болтается на трубе, как брелок на цепочке.

Не долго думая, Кочнев подхватил инструменты и кинул их в освобожденную мной коробку. Можно было бы ее отвоевать, но подгоняла мысль о недостатке времени. А посему, вообще не задумываясь, я открыла духовку кухонной плиты и, не очень церемонясь, пошвыряла в нее все, что оставалось на полу. Включая газовый ключ. Ох, он и грохнул!

Саша потащил коробку с инструментами в комнату, где по моему желанию и застрял. Наташка схватилась было за веник, но я велела вернуть его в исходное положение. Едва ли Буйков снисходил до уборки помещения. Ограниченное пространство пола, занимаемое Майкой, содержалось в чистоте благодаря тому, что она на нем протирала свои штаны.

– Я даже спала, прислонившись к батарее. Если, конечно, это можно было назвать сном, – пожаловалась Майка. – Правда, Буйков снабжал подушкой и пледом. При этом очень извинялся, что вынужден держать меня в наручниках.

– Ив туалет на цепи водил? – ужаснулась Наташка.

– Да нет, отстегивал. Даже разрешал пользоваться душем, только сразу предупредил: пикну хоть раз, больше никогда ни мужа, ни сына не увижу.

– Сына зовут Стасиком?

– Откуда ты знаешь?

– Откровение от интуиции. Ну чтоб ей чуть раньше проснуться!

– Мы твоего сынулю вот как сейчас тебя видели, – горделиво заявила Наташка. – Только он был «на коротком поводке» у Родиона Тимофеевича.

Адрес домика в деревне, полагаю, вашего с Сашей, мне в больнице твой шведский «супруг» шепнул. Мишурик, значит. Ну Михаил! Неужели же непонятно?

– Теперь понятно. Вообще-то он племянник жены Родиона Тимофеевича, Анастасии Андреевны. Мишка, кстати, в день приезда должен был вместе с ней в Тамбов укатить. Родственников проведать.

– Случайно не выжившую из ума тетушку? – хмыкнула Наташка.

– Откуда вы знаете?

– Откровение от Натальи, – влезла я, одновременно прислушиваясь, не хлопнет ли общекоридорная дверь. – В свое время нам было необходимо обеспечить алиби на трехдневное отсутствие, вот подругу и осенило. Навязала мне поездку в славный город Тамбов к виртуальной сумасшедшей тетушке. Я потом долго переживала, что мы ее в живых не застали^[4].

– Дорогая Майя! Тебе не стоит наводить тень на плетень, – строго заявила Наташка. – Пока ты тут балдела под батареей, мы с Ириной Санной расшифровали весь механизм преступления квакера Буйкова.

– Кракера.

– Все равно подлец! А почему Анастасия Андреевна не взяла Стасика с собой?

– Он слишком обременительное приложение к деньгам из камеры хранения, – наставительно заметила я. – В случае чего, пришлось бы пустить деньги на ветер. Ребенок дороже. А остаться с ним одной в деревенском доме тоже страшновато. Кстати, Майя, меня все время мучает вопрос, почему вы своевременно не насторожились отсутствием звонка от Мишурика? Наверняка существовала договоренность сообщить вам о благополучной посадке в поезд и Анастасии Андреевны, и Мишурика.

– Надо же, как интересно вы его обозвали!.. Анастасия Андреевна еще на вокзале поторопилась сообщить Родиону Тимофеевичу, что у них все в порядке. В последние дни у Родиона Тимофеевича сердце пошаливало. И этим сообщением она все сглазила. Для начала у нее из кармана свистнули мобильник. Затем она оказалась в купе одна, Мишка на поезд не попал. Она немного поволновалась, но решила, что он просто опоздал. Родион Тимофеевич, со своей стороны, берег нервную систему жены, которой негласно была отведена роль моральной опоры Мишурика. Он любил поплакаться ей на коварство бывшей жены, Ксюхи. Не понимаю, зачем они вообще поженились? Просто классическая «не пара». Короче, то, что Мишурик пропал, Родиону Тимофеевичу стало известно только от вас. В понедельник Анастасия Андреевна, так и не дождавшись приезда Мишки, позвонила моему Шурику и попросила выяснить причины, по которым

Михаил отказался от поездки. Шурик сразу рванул к Родиону Тимофеевичу, уверенному в том, что все идет по плану. – Майка судорожно вздохнула. – Похоже, все мы только и делаем, что бережем друг друга от неприятных новостей. Шурик ни словом не обмолвился, сразу рванул к Родиону Тимофеевичу. А мне соврал, что тот приболел. Пару деньков, мол, надо побыть со Стасиком и помочь Родиону Тимофеевичу с компьютером. Я сама виновата. Следовало сразу рассказать про ваш звонок насчет пиджака. И тот несчастный случай у вокзала. Жаль, вовремя не придавала значения этому факту. Хотела с мужем поехать, но он велел остаться и ждать каких-нибудь новостей. Наверное, думал, что Мишурик может у нас объявиться. А ближе к ночи я забеспокоилась. Позвонила Шурику, ну он и раскололся. Я пыталась объяснить ему ситуацию с пиджаком, он не слушал, отмахивался. И обещал через пару дней вернуться. Мне же дал строгое наставление сидеть дома и быть на страже. А я подумала о Мишке, верите? Места себе не находила. Такое состояние, просто истерическое. И голова ужасно разболелась. Решила сбегать в дежурную аптеку – как назло таблетки от головной боли кончились. Надеялась, что прогуляюсь, и все пройдет. Увы, даже таблетку проглотить не успела, увидела впереди себя мужика в кожаном пиджаке – и бац! Как обухом по голове! Вспомнила про Шуриков пиджак, утерянный Мишкой. Сразу боль прошла. Клин клином вышибают. Хотела позвонить Ирине, сунулась в сумку, а мобильник-то тютю! Дома оставила. Попробовала дозвониться с таксофона по памяти, обломалась. Даже слезы от злости на себя навернулись. Срочно следовало выяснить, не попался ли вам случайно в пиджаке билет на поезд? Мишка вполне мог сунуть его в пиджак. Во всяком случае, сама видела, как он пихал деньги во внутренний карман. Но деньги меня не волновали. Только билет. После неудачного звонка сразу же понеслась домой, следовало срочно связаться с вами и Шуриком. – Майка пригорюнилась. Дальнейшие ее слова прозвучали совсем уныло: – По дороге меня и сцапали!

– Значит, тебя перехватили на улице, – задумчиво произнесла я.

– Ну да. Какая-то женщина высунулась из машины с просьбой подсказать, как проехать к универсаму. Мне было по пути. Она предложила подвезти. А так как я торопилась... Что было потом, плохо помню. Очнулась уже на цепи. Только зря они надеялись что-то от меня получить. Ни я, ни Шурик не помнили код.

Шурик, естественно, забеспокоился – на звонки же я не отвечала. Он понял, что со мной не все в порядке и восстановил в памяти мой лепет про пиджак. Затем приехал к Ксюхе и прямо объяснил ситуацию. Та ахнула. К тому времени хоть и в трауре была, но начала «прозреть». Буйков,

оказывается, знал, где мы живем. Как-то Ксению Львовну к нам подвозил. Словом, Ксения наведальась в квартиру, взяла мой мобильник. Вместе с Шуриком они нашли Иринин номер телефона и тут же послали сообщение насчет пиджака. Родиону Тимофеевичу о случившемся решили ничего не говорить, пока не вернут деньги.

– Замечательно! – восхитилась я. – В результате после нашего с Натальей визита к нему в деревню он позвонил жене, вытряхнул из нее сведения об отсутствии рядом с ней Мишурика и заподозрил вас с Сашей, а также любимую племянницу Ксюшу в предательстве и меркантильности. Ну и решил действовать самостоятельно.

– Не думали, что так получится. Хотели, как лучше. Надо было сразу ему правду сказать. Что было дальше, вы знаете.

– Тс-с-с, – прижала я палец к губам. – Сматываемся! – До ушей отчетливо донесся скрежет поворачиваемого в замке ключа. Вот что значит потеря бдительности! На сей раз это не просто проехать три раза подряд свою остановку на метро или другом общественном транспорте.

Мы с Наташкой буквально вспорхнули с места и через секунду уже бесшумно прикрыли за собой дверь в комнату, заставив потесниться подслушивающего Кочнева.

Входная дверь тихо закрылась, послышался звук шагов по направлению к кухне и звонкий голос вошедшей:

– Ну привет! А я к тебе с хорошей новостью. Сейчас освобожу от наручников. Но прежде хочу пояснить: я исчезну, а тебе придется пока остаться здесь. Если, конечно, хочешь, чтобы тебя без напряжения освободили. Дверь за собой я закрою на ключ. Минут через десять позвонит Горшков. Если скажешь ему какие-то правильные, известные только вам слова, еще через десять минут он явится сюда. Ну а если не скажешь или скажешь что-нибудь не то, останешься сидеть здесь взаперти. До лучших времен. Тебе все понятно?

– Да.

– Очень хорошо. А ты случайно не знаешь, где ключ от наручников?

– Не-ет, твой приятель всегда приходил с ними.

– Наверное, в комнате.

– Стой! – заорала Майка. – Я прекрасно себя чувствую в наручниках. Как-то, знаешь, привыкла.

– Мазохистка, что ли? Не говори глупостей. Я пошутила. Сейчас принесу ключ.

Из коридора донесся звук приближающихся шагов. Нас с Наташкой от двери как ветром сдуло. Зря ругают смежную планировку комнат. Иногда

она бывает очень удобна. Следом за нами в спальню скользнул Саша. Родион Тимофеевич из нее вообще не вылезал, откинувшись на спинку кресла, молчаливо сочувствовал племяннице, мирно дрыхнувшей на кровати.

Из спальни выходили в обратно пропорциональной последовательности. Первым вылетел Кочнев, за ним мы с Наташкой. Родион Тимофеевич так и не сдвинулся с места. Честно говоря, мы на него особо внимания не обратили. Скрывать свое присутствие в квартире уже не было смысла. Сорвавшаяся с цепи и громко ругающаяся Майка первым делом рванула в туалет. Наша троица рассыпалась в коридоре. Мы с Наташкой, не сговариваясь, оказались на посту у входной двери. Кочнев влетел на кухню. Этот момент был отмечен душераздирающим визгом. Наташка зажала уши руками и крепко зажмурилась, а я только поморщилась, руки были заняты. Я ими пыталась закрыть замок. Он в меру сил сопротивлялся, поскольку уже был закрыт.

Визг резко оборвался. Следом за ним донесся страшный рев Кочнева:

– Кто ты такая?! Ах ты!..

– Будь я на ее месте, ни за что бы не призналась! – доверительно шепнула я Наташке. – Так заорал! Собственное имя забудешь, зато согласишься с любым из предлагаемых вариантов или со всеми сразу. Без разницы. Даже здесь, на своем месте, готова обозваться хоть Дурындой Александровной, хоть Александром Дурындовичем. Странная тишина. Такое впечатление, что в квартире ни души.

– Что ты прошипела?! Придушил? – Наташка, наконец, отняла ладони от ушей и с испугом посмотрела в конец коридора, куда я заглянуть не решилась. – Мама дорогая! – Испуг сменился удивлением, высокая степень концентрации которого требовала времени на осмысление. – О! Все живы.

Мне было хорошо известно имя той, что визжала на кухне, но объяснить это Александру я не успела. Из спальни вылетела разъяренная Ксюха и потребовала прекратить разборки – дяде плохо. На мой взгляд, просто замечательно, что она не заглянула на кухню. Достаточно и одного нервного дяди.

В суматохе никто не понял, что надрывается чей-то мобильник. Я вовремя сообразила, что мое участие в общей неразберихе только осложнит обстановку. Веселенькая мелодия удачно подходила к всеобщей беготне в поисках сердечного средства, оказавшегося у Родиона Тимофеевича прямо под боком, иными словами, в боковом кармане пиджака. Затем сразу три человека – Наташка, Александр и Майка, успевшая вылететь из туалета и удачно вписаться в суету, носились за водой. Никто не обращал внимания

на «смену караула» – прикованную наручниками к трубе женщину. Тем более что она сгруппировалась в нечто непонятное. Женщина-змея. Живая сапа.

Честно говоря, я уверовала в то, что всему этому марафону конца и края не будет. Гонцы сталкивались друг с другом на разных точках маршрута, расплескивали воду и, чертыхаясь, неслись обратно. Мне это изрядно надоело – никак не могла пробраться к мобильнику. Пожалуй, ему тоже надоело трезвонить, как в пустыне, ибо он смолк. Как по команде участники гонки сошли с беговой дорожки.

– Это у дяди на нервной почве. Здоров как бык! Только на днях его в больницу таскали, ЭКГ делали, – рассудительно заметила Наташка, на всякий случай удерживая за рукав Майку. А может, просто сама за нее держалась. – Родиону Тимофеевичу надо просто прилечь и отдохнуть. Тем более что племянница кровать освободила. Сердечные боли на нервной почве сходны с сердечными болями, вызванными патологией.

Подруга оставила Майкин рукав в покое, подтолкнула ее к мужу, заявив, что в наше время надо держаться поближе друг к другу, и, таким образом освободив себе дорогу, направилась на помощь Ксении. Уже из спальни до нас донесся ее уверенный голос, которым она призывала Родиона не маяться дурью. Наталья в зародыше подавила попытку племянницы встать на защиту самочувствия дяди. Единственный аргумент «А ну, дуй отсюда!» подействовал безотказно.

Растрепанная Ксения Львовна выскочила из спальни как раз в тот момент, когда на кухне снова запел мобильник. Пока остальные прислушивались к мелодии и осознавали сам факт звонка, я сбегала за телефоном. Сунув его в руку Майке, ловко отразила попытку Александра перехватить аппарат. Майка ответила на звонок, вопросительно уставившись на меня.

– Да, привет, я уже почти на свободе. Сижу вот здесь на старом месте. Почему не подходила к телефону?... А почему я не подходила?

Девушка тарасилась на меня, ожидая подсказки. Пришлось указать ей на дверь туалета. Реакция Майки была неожиданной. Она забыла про собеседника и доложила мне, что ей туда не надо. В отчаянии я покрутила пальцем у виска, призывая Майку включить соображение. И тут ее прорвало!

– Слушай, ты, козел!.. – заорала она в трубку.

Я мигом выхватила у Майки мобильник и отключила. Разговор грозил пойти в ненужном направлении.

– Расслабься! Все, что ты хотела ему пообещать, он уже знает. Надо

немедленно приводить Родиона Тимофеевича в рабочее состояние. Следующий звонок будет ему.

Почему-то все сочли своим долгом обскакать меня на пути в спальню и, столпившись у окна, организовать небольшую междоусобную войну за первенство в деле постановки Родиона Тимофеевича на ноги. Рекомендациям не было конца. Я вошла последняя и, пока присутствующие препирались, под патронажем Наташки успела шепнуть Горшкову пару слов, от которых он буквально ожил. Заодно в последний раз уточнила, не желает ли он привлечь Буйкова к уголовной ответственности. Так, на всякий случай. Разумеется, он сказал, что не желает. В наше смутное время трудно найти фирму, не пытающуюся одурачить государство. В большей или меньшей степени. Тем более что оно само не раз порядком дурачило собственных граждан. При социализме воровали, будучи уверенными, что от государства не убудет. Сейчас в финансовые закрома родины просто не добавляют требуемое: жалко отрывать от себя то, что ближе к собственному телу. Да и запросы у него, мягко говоря... Была охота в старости жить на грошовую пенсию! Так или иначе, но господин Горшков не желал, чтобы производственная и финансовая деятельность фирмы получила нежелательную огласку. Проще договориться с Буйковым о невмешательстве во внешнюю и внутреннюю политику каждого из них. Но была и еще одна причина.

Когда прозвучал безумный звонок мобильного Родиона Тимофеевича, все привычно встрепенулись и примолкли. Сам Горшков, забыв о плохом самочувствии, мигом мобилизовался.

– Я не запаздываю, – сухо сообщил он Буйкову. – Просто передумал ехать. Не вижу необходимости выполнять твои требования, поскольку ты не выполнил моих. Где Михаил и Майя?

Какое-то время Родион Тимофеевич внимательно слушал. Затем решительно прервал объяснения Буйкова:

– Майя на звонки не отвечает. И что значит «Михаил сбежал»? Со сломанной ногой и на костылях далеко не убежишь. Ах, вот почему половина оговоренной суммы!.. Так, может, и Майя «сбежала»? Значит, так, привозишь Майю к рынку, передаешь ее мне из рук в руки...

– Я не собираюсь отправляться в чужие руки! – возмутилась Майка, и ее безоговорочно вытолкнули вон.

Горшков закончил диктовать Буйкову свои условия и укоризненно покачал головой, не одобряя решительных действий коллектива по прореживанию рядов.

Чтобы немного облегчить положение несчастной, следом за Майкой

вышвырнули ее супруга.

– Это что же получается?! – повысила голос Ксюха. – Теперь следует ожидать визита Тимура сюда?!

Возражать ей никто не стал.

– Я не хочу его видеть! – яростно зашипела девушка. – Не о себе забочусь! Мне-то что? Придушу, отсижу свое и снова выйду замуж за дурака Ельцова.

– Да он уже благополучно выбрался из дурацкого сословия, – хохотнула Наташка. – Поумнел, пережив еще одну безответную любовь. Ту самую, что сидит себе спокойненько на цепочке у батареи и молчит. В отличие от тебя.

– А что, у нас опять кто-то приковался? – смешалась Ксения Львовна. – Пока я спала? Разрешите-ка!

Она решительно шагнула на выход из спальни, бесцеремонно разбив супружескую пару Кочневых. И не успела я обменяться с Натальей понимающими взглядами, как она завопила из кухни:

– В чем дело?! Как ты тут оказалась? Боже мой!

– Ну вот и хорошо, – порадовалась Наташка. – Девушка сама нашла ответ на все свои вопросы. В том числе и на незаданные. Ей-богу, уже весь язык обболтали!

Как бы не так! Ксения мигом вернулась за ответами к нам. При этом беспорядочно размахивала руками и повторяла только одно слово: «Там, там, там».

– Ну и что? – вежливо поинтересовалась я. – «Там» на временном приколе твоя подруга детства Юленька Ишаченко, одновременно выступающая в нескольких ипостасях: «медсестры» Мариночки, затем подруги жизни твоего бывшего жениха Буйкова и, наконец, матери совместно нажитого с ним имущества. Хотя и вне законного брака, но самого ценного – дочери Машеньки.

Ксения с размаху села на дядю в кресле. Подсиживали бедолагу при каждом удобном случае! Это заметили все, кроме племянницы. Особенно сам дядя. Ох, не зря Наташка настаивала на его передислокации. Лежал бы спокойно в кровати, не пришлось бы сейчас кряхтеть от натуги в попытках скинуть на пол лишившуюся разума племянницу.

– Ты представляешь, какая стерва?! – растерянно поинтересовалась Ксения у Родиона Тимофеевича. Похоже, ее совсем не волновали временные дядины трудности. В данный момент она очень нуждалась в сочувствии, а он в нашей компании был ей самым близким человеком. Ближе никого не было. И мы с Наташкой, и Кочневы заранее отступили на

задний план.

– Пойти выдрать ей волосы? – на сей раз Ксения обратилась сама к себе. Дядя слабо угукнул в знак согласия. Можно понять человека, какое ему в конце концов дело до чужих волос? – Тогда поднимайся. Мы идем вместе!

Пришлось выступить на передний план, потянув за собой Наташку. Та, в свою очередь, прихватила Кочневых. Мы изо всех сил старались перегородить дорогу мстительным намерениям девушки. Мне не нравилась воображаемая картина осыпавшейся головы Юльки и клочки волос, вносящие сомнительное разнообразие в кухонный интерьер. На сей раз подруга Ксюшиного детства была без парика и ей было что терять. Кроме того, с минуты на минуту ожидалось прибытие Буйкова. Так что одними волосами с головы подруги детства Ксения едва ли утешиться. Не к месту я вспомнила еще одно обстоятельство: Юлия была поразительно похожа на свою дочь. Просто как две капли воды. Те же огромные глаза, пухлые губы, нежный овал лица. И пышные вьющиеся волосы. То-то ее физиономия с первого взгляда показалась знакомой. Не сразу догадалась, кого она мне напоминает.

В следующий момент я поняла, что должность заместителя генерального директора по связям с общественностью Ксении Львовне действительно была дана зря. Вести с нами переговоры она не захотела, ей явно не хватало выдержки и терпения. Девушка просто пошла на таран. От ее решительного броска на нашу «стенку» Кочневы дрогнули и расступились. Ксюша легко, не касаясь пола, вылетела наружу.

– Штанга! – прокомментировал ее стыковку с дверной обналичкой и последующий грохот Александр. И оказался неправ. Штанга не может орать баритоном.

Не думала, что короткий перелет и последующее падение столь благотворно подействуют на Ксению Львовну. Она спокойно лежала на Буйкове, пригвоздив его к качественному дубовому паркету, и сосредоточенно о чем-то думала. Скорее всего, вносила изменения в свой план отмщения. Похоже, стонущий от боли Тимур Георгиевич был несказанно рад этому обстоятельству, ибо девушка Ксюша являлась для него своего рода щитом от любопытных глаз остальных участников драмы. Во всяком случае, когда Кочнев попытался стащить с него Ксению Львовну, он замычал и потянул ее назад. Но тут от кухонной батареи отчетливо прозвучало: «Подлец! Предатель! Немедленно прекрати ее хапать!» – и хватка Буйкова ослабла. Ксению не без труда поставили на ноги. Сначала на Майкины, потом на ее собственные. Обретя горизонтальное положение,

она вновь почувствовала себя человеком и обозвала Буйкова мразью.

Мы с Наташкой во все глаза смотрели на молодого человека, все еще отдыхавшего на полу. Пожалуй, на свою дочь он тоже похож, но меньше, чем Марина. В смысле Юля, подруга детства Ксении, в данный момент составляющая неотъемную часть оборудования центрального отопления.

– Ну и как теперь прикажете его называть? – поинтересовалась у меня Наташка. – Помимо подлеца, бабника и предателя он же еще и наркоман Антон! Только теперь у него окрас однотонный, блеклый. Но натуральный цвет волос – не очень. То ли дело у Александра! И в прошлый раз Антон неудачно подобрал парик. У него определенно нет вкуса. То ли дело Александр! – Наташка согнулась пополам и заглянула на кухню. – Несчастные! Нашли на чем экономить! Ир, у них с Юлькой был один парик на двоих, темно-каштановый. Он удивительным образом не подходил к его ощетинившейся светлой порослью физиономии. Ир, ты не забыла? Этот тип нам за пиво должен.

– Вставай! – Мы и не заметили, как в наши ряды влился господин Горшков. – Надо поговорить, Тимур.

– Прежде чем принимать какое-либо решение, – я упорно избегала взгляда Родиона Тимофеевича, прямой наводкой буравившего мой умный лоб, – хочу напомнить, что он – прямой виновник покушения на Михаила Петровича Ельцова.

Собравшийся было встать Буйков издал какой-то хрюкающий звук и снова улегся.

– Неправда! – Голос из кухни дрожал от возмущения. – Можете считать его подлецом, но он не наркоман и не убийца!

– Я знаю, – спокойно подтвердил Горшков. – Вчера нашли виновников наезда. Это пара подвыпивших недорослей, угнавших неисправную машину с целью покататься. Только они уверяют, что Михаил сам выпал на дорогу. Вставай, Дюк. Еще успеешь належаться.

Последние слова мне совсем не понравились. Впрочем, кликуха Дюк – тоже. Тимур мог бы придумать себе и получше. Как-то сразу захотелось домой. Там дети, муж.

Он тут же обо мне и вспомнил. Мысли, как известно, материальны. Мелодия звонка моего мобильного ворвалась в напряженную атмосферу коридора и внесла хаотичное оживление. Все, кроме Родиона Тимофеевича, принялись разыскивать свои телефоны. Даже Буйков.

Очередной раз поприветствовать Димочку не успела, у него просто поразительная способность вываливать на меня кучу гневных вопросов, не дожидаясь ответов в порядке очередности. Я стойко терпела это шоу «Что?

Где? Когда?». Не впервой! И только когда Димка пошел по второму кругу, повторяя вопросы, вынужденно отключилась.

Полминуты вполне хватило, чтобы подзарядиться терпением и отойти в сторонку. Незачем посвящать посторонних в семейные разборки. За это время Дмитрию Николаевичу удалось рассортировать вопросы по значимости и, перезвонив, остановиться на самом главном: почему в нашем доме лежит неизвестное покалеченное лицо мужского пола. Голос у меня даже не дрогнул.

– Наверное потому, что ему трудно сидеть, а стоять вообще невозможно. У «лица» сломана правая нога, треснуло правое предплечье и что-то там не срослось с ребрами, тебе лучше знать. Именно ты уточнял диагноз «лица» в клинике Склифосовского. А еще его желательно не кантовать. У лица в анамнезе сотрясение мозга.

В трубке что-то мягко шуршало. Кажется, у Димки вышло из строя физическое переговорное устройство. Я с тревогой принялась уговаривать его выпить воды. А еще лучше, зеленого чая. Наверное, он послушался, поскольку буркнул, что ничего не понимает, и выдал новый вопрос:

– Зачем ты притащила его сюда?

– Это не я! Это Славик. Мишурик не выжил бы на Наташкиной даче. – Не объяснять же Димке всю подоплеку.

– Кто?! Мишурик?!

Мне показалось, Дмитрий Николаевич возмутился тем, что мы таскаем домой все, что плохо лежит в других местах. Слышимость была не очень.

– Если тебе не нравится присутствие этого калеки в нашем доме, можешь отправить его в свою больницу. Собственно говоря, для тебя же и старались. Ты же классный специалист. Вячеслав тебе поможет.

– С моим появлением дома твой сын немедленно испарился. Правда, успел сообщить, что в комнате на диване лежит загипсованное послание «от маменьки».

– Дима, я скоро приеду и все объясню.

– Можешь не торопиться. – Муж отключился.

Это было очевидным намеком на то, что я Димке больше не нужна. Знала бы, заранее приготовила домашние пельмени. Но не впрок. С ними ему было бы гораздо труднее пережить потерю. Горечь приятных воспоминаний просто не позволила бы с ней смириться.

Следующий вызов прозвучал почти сразу. Мне, собственно, и говорить ничего не пришлось.

– Умница! – заявил мне Листратов и отключился. Скорее всего, боялся наговорить лишнего. И наговорил бы. Ни за что не призналась бы в звонке

по рекомендованному им через Димку номеру.

Тем временем обстановка в квартире Горшковых изменилась. Родиону Тимофеевичу удалось уговорить Буйкова оторваться от пола, и они вместе с Александром уединились в спальне. В кухне умывалась слезами Ксюшина подруга детства. Ее уже освободили от батареи, но она по-прежнему сидела на полу. В компании с Майкой. Сама Ксения Львовна с отрешенным лицом устроилась на табуретке в дверном проеме. Абсолютно спокойная Наташка грызла сухарь, запивая его непонятно чем из пивной кружки.

Юлька пыталась оправдаться. Уж кому-кому, а Ксюше хорошо известно, в какой обстановке она росла. Отец с маниакальным упорством и жадностью обрастал дензнаками, но при этом заставлял жену и дочь вести более чем скромный образ жизни. Боялся сменить домашнюю обстановку на тюремную. С другой стороны, его пугала возможность бандитских наездов. Правительственная тактика «шоковой терапии» вынудила скопидома частично рассекретиться. В срочном порядке был определен круг доверенных лиц, с помощью которых планировалось произвести обмен денежных купюр. Разумеется, за материальное вознаграждение. Небольшое. Каждому меняле старательно внушалось, что денежная сумма – все, что скопилось у семьи Ишаченко на лечение, а заодно и последующее погребение жены, соответственно, Юлькиной матери. Пока пенсионеры теряли в длиннющих очередях в сберкассы надежды на обеспеченную старость и последние запасы здоровья, оставшегося от военного и послевоенного лихолетья, господин Ишаченко мучительно страдал от затрат на взятки.

Несмотря на небольшие потери, семья по настоянию своего гегемона затянула поясок потуже. Ишаченко демонстрировал окружающим полное разорение. На третьем курсе института Юлька попробовала организовать бунт.

Девушке не хотелось спать на матрасе с деньгами в расползающейся от старости ночной сорочке, не говоря уже о чувстве постоянного унижения, которое ей каждый раз приходилось прятать за улыбкой благодарности, принимая наряды, подаренные женой Родиона Тимофеевича, Анастасией Андреевной. Та ухитрялась облагодетельствовать не только племянницу, но и ее подружку.

Юлькин бунт, больше похожий на истерику, захлебнулся в потоке красноречия папочки, за короткое время доказавшим полную никчемность

дочери – ничего из себя не представляет, сидит на отцовской шее, бездумно растрачивая получаемую стипендию на ненужную косметику.

Двух женихов, обративших серьезное внимание на миловидную умницу, способную забавно и застенчиво краснеть, смущаясь от комплиментов, папа Ишаченко подверг тщательному анализу. Не без помощи Ксении, острый язычок которой сослужил Юльке плохую службу, подвергнув обидному осмеянию каждого из женихов. Юлька понимала, что подруга вымещает на ней зло за собственное опрометчивое замужество.

Племянник Анастасии Андреевны – Михаил, обожавший Ксюху с детства, был готов тащиться за ней хоть на край света. Но через полгода совместной жизни девушке, зацикленной исключительно на своих собственных интересах, надоела роль вожака. Михаила же вполне устраивала роль ведомого. Он самоотверженно подавлял в себе вспышки самолюбия, не решаясь обидеть любимую. Оба старательно окучивали древо взаимного непонимания. В порядке благодарности оно не замедлило расцвести пышным цветом и вскоре принесло молодоженам первые ядовитые плоды.

Отношения между подругами испортились. До прямого конфликта дело не дошло. Ксюха упорно стояла на том, что желает Юльке только добра. Такую заботу не оценить было невозможно, и Юлька просто огородила свою личную жизнь от вмешательства Ксении высоким забором. Общение постепенно сошло на «нет».

Результаты собственного анализа женихов папу Ишаченко не устроили, и он лично и безжалостно отшил их от дочери. С помощью ссылки на плохую наследственность Юлии по линии матери. Ну не видел папа в женихах источника будущего материального благополучия дочери.

С Тимуром Буйковым Юлька познакомилась на дне рождения руководителя фармакологической фирмы, в которую ее после окончания института удачно пристроил не помнящий зла папочка. С дальним прицелом. Шеф, Василий Иванович Коркин, был уже достаточно староват, лысоват, но не это главное. Главное то, что он был хорошо упакованным вдовцом и выступал активным борцом за уничтожение крепких спиртных напитков. Последнее обстоятельство, значительно подточившее силы и здоровье руководителя, особенно устраивало господина Ишаченко. Ему вообще не нравилась мысль о том, что его дочь при живых родителях будет принадлежать совершенно чужому человеку. Ну если только временно, годик, другой. Не больше. Да и не хватит Юлькиного руководителя на большее. Но вот беда, новый претендент на звание ее жениха совсем не собирался жениться, да и дочь в вопросе замужества проявила

неожиданную строптивость. У Тимура с Юлькой начался бурный, но тайный и бесперспективный роман. Тимур Буйков был хоть и талантливым программистом, но дальним и бедным родственником фирменного вдовца. Жил на съемной квартире, получал от своего благодетеля мизерную заработную плату и в короткие часы досуга мечтал о наследстве.

Юлька оказалась довольно ценным работником для фирмы. За короткое время стала правой рукой Василия Ивановича, который в минуты трезвого откровения самому себе признавался в редкой проницательности. Девица явно сидит на своем месте. Можно переложить на ее хрупкие плечи еще кое-какие свои обязанности.

К беременности дочери супруги Ишаченко отнеслись достаточно спокойно. Сыграло роль заявление, к подготовке которого Юлька отнеслась со всей ответственностью – у нее непорочное зачатие, то бишь из пробирки. Замуж она вообще не собирается, поскольку через пару-тройку лет намерена организовать собственную фармакологическую фирму. Тогда уже ей будет не до ребенка, а у семьи Ишаченко должно быть достойное продолжение. Маленькой Машеньке было всего три месяца, когда Юлька снова вышла на работу, переложив все заботы о ребенке на родителей. Ишаченко постепенно сдавал дочери свои позиции главы семьи.

Несмотря на приличный заработок, отдельная квартира, а следовательно, и семейное счастье с Тимуром, о котором грезил Юлька, оставалась голубой мечтой. В свою очередь Тимуру надоело грезить о наследстве, замучила суровая действительность в облике злющей хозяйки квартиры, очередной раз повысившей арендную плату. Молодой человек прикинул, сколько денег уходит у богатого родственничка ежемесячно на причинение вреда здоровью путем злоупотребления хоть и качественным, но все-таки алкоголем, ужаснулся и с помощью кракерского приема попробовал изъять у богатого родственника сумму, адекватную своему годовому жалованью. Ему удалось сделать это дважды. В третий раз случился облом. Благодетель пропивал здоровье, но не ум. Он сопоставил кое-какие детали, а так же время кратковременных отпусков Тимура с фактами кракерских атак, пригласил его к себе и в теплой домашней обстановке миролюбиво посоветовал катиться ко всем чертям. В признании и покаянии молодого специалиста фирмач не нуждался. Возврата похищенных сумм не потребовал.

Буйков остался без работы. Юлька сначала пришла в ужас от проступка любимого, но, поразмыслив, его оправдала. Несчастный Тимур даже не имеет возможности нормально общаться с дочерью. Для девочки он просто «хороший дядя», о встречах с которым ей ни в коем случае не следует

говорить бабушке с дедушкой. А если учесть, что пару недель назад Тимур сделал Юльке чудесный подарок – кольцо, пусть с маленьким, но бриллиантом... Ему просто нужна хорошо оплачиваемая работа. И следует продумать вопрос ипотечного кредитования.

Вот тут-то Юлька и вспомнила о подруге, напористый характер которой позволял решить любую проблему. Они встретились в кафе. И долго болтали, наслаждаясь воспоминаниями детства, при этом невольно возвращались на тропинку взаимного дружеского расположения. Свою просьбу Юлька мотивировала чувством долга перед Буйковым, который выручил фирму из трудной рабочей ситуации, но попал в жуткую немилость к начальству. При этом девушка так умело разыграла полное равнодушие к Буйкову как к мужчине и семейной жизни вообще, что Ксения невольно вспомнила о допущенной в свое время зловредности. Так Тимур попал под ее покровительство в дядиной фирме. Тот факт, что Юлька больше не интересовалась его судьбой, только укрепил уверенность Ксении в отсутствии у подруги какого-либо интереса к Буйкову. На этом Юлька умолкла. Зато заговорила Ксения:

– Ну спасибо, подруга! Значит, ты заранее уготовила мне роль дойной коровы? А этому, – Ксюха мотнула головой в направлении спальни, – надлежало поработать челноком! Ч-черт! Значит, ты была готова терпеть его возвратно-поступательный образ жизни? Из моей кровати в твою. Вели-ко-леп-но!

– Ты сама потащила его в ЗАГС! Он и не собирался на тебе жениться! Тимур любит меня! И Маришку. Если бы ты не принялась нарезать вокруг него круги, постепенно суживая расстояние и затягивая в свои сети, он не пошел бы на вымогательство! Требовались деньги, и он вынужденно ускорил их получение. Лишние мы бы после отъезда вернули. Между прочим, твой дядя тоже не слишком чист на руку! И именно из-за тебя, из-за твоих домогательств, Тимуру пришлось «утонуть»!

– Ни хрена себе! Это я же еще и виновата!

– «Я на тебе никогда не женюсь, я лучше съем перед ЗАГСом свой паспорт, я убегу, улечу, утоплюсь...», – с набитым ртом невнятно пропела Наташка и, сделав внушительный глоток из бокала, рассудительно добавила: – Наверное, Укупник тоже прошел через схожую ситуацию. Песня очень актуальная, прямо за живое хватает.

Назревала большая ссора. Самое трудное в разделе имущества – поделить любимых. Не долго думая, я перевела разговор в другое русло. Оттуда было легче плыть по течению прошлых событий.

– Юль, а ведь это ты выполняла обязанности дропа!

– Чего?... – Девушка не сразу вникла в суть вопроса.

– Я имею в виду, что именно ты каталась в другие города получать деньги Горшкова. А родителям объясняла поездки рабочими командировками. Но они были слишком частыми. Не одну фирму атаковывали?

Юлька молчала, обдумывая ответ. Но заговорила совсем о другом:

– Когда пропали Родион Тимофеевич и Анастасия Андреевна, мы очень испугались, но, поразмыслив, решили, что это либо случайность, либо дело рук возможных вымогателей. Единственный человек, который счел происшествие подарком судьбы – мой отец. Он тут же надумал прибрать квартиру Горшковых к рукам. Для нас с Маришкой. Хотелось жить своей жизнью и как можно дальше от родителей, но я просила не делать этого.

– Да уж! – презрительно фыркнула Ксения Львовна. – Твой папочка по десять раз на дню названивал, приbedнялся, просил по дешевке уступить ему дядину квартиру. В память о детской дружбе с Юленькой, вынужденной день и ночь надрываться на работе, чтобы прокормить несчастную доченьку, растущую без отца. Кстати, где он, глава стяжательского клана? Не пригласить ли его сюда?

– Родителей нет дома, – вздохнула Юлька. – Они вместе с Маришкой в пансионате.

Я не стала ей возражать. Может, Юлькины родители и в пансионате, но Машенька!.. И все же, право слово, не стоит впутывать во всю эту историю ребенка. А Юлька, покосившись на Ксению, переметнулась к первой теме:

– Атак на другие фирмы не было. Что касается моих частых отлучек, то это время я просто жила у Тимура. После исчезновения Горшковых как-то решили встретиться с ним в их квартире, она все равно пустовала, но неожиданно приехала Ксения.

Ксюша расхохоталась. Очень весело, что называется, «от души».

– Идиотка! Ой, мамочки! Так это ты, подруга, в ночной рубашке по квартире ползала и что-то там мычала?! Да я со страху чуть диван не промочила!

– А что мне оставалось делать? Ты так неожиданно заявила, мы с Тимуром были вынуждены спрятаться. Потом я просто вылезла из-под кровати, надеясь, что ты спишь, выпустила Тимура. Сначала из шкафа, потом из квартиры. А сама весь остаток ночи так и провалялась под кроватью. Не могла же в таком виде показаться на улице. Все мои шмотки на балконе были, оптом выкинула. Тревожить тебя не хотелось. Хорошо, ты рано уехала, а то бы я на работу опоздала.

– Рано? Уехала? Да я от страха чуть с этого балкона вниз не сиганула. С

одеялом на голове. Одевалась уже в машине. Значит, Тимур сделал дубликат ключей, а потом и мои ключи свистнул. А я-то ему впаривала историю про привидение.

Юлька неуверенно хихикнула. Майка ее поддержала. Следом засмеялась Наташка, ну не отрываться же мне от коллектива. Это было похоже на всеобщее помешательство. Бывает такое смеховое недержание, когда просто нет сил остановиться. Вроде бы и повод не очень, чтоб уж очень, и нависает реальная угроза вывихнуть челюсть, и слезы из глаз градом, но сама себя уже не контролируешь. Трое лиц мужеска пола с удивлением наблюдали забавную картину. Согнувшись на табуретке в три погибели, бессильно повизгивая, содрогалась от смеха Ксения Львовна. Уткнувшись друг другу в плечо, на полу охали и рыдали Юлька с Майей. Наташка целенаправленно ржала в потолок. Я в меру сил подвывала у мойки, безуспешно пытаюсь наполнить чашку холодной водой.

Появление совсем не святой троицы с печатью явного замешательства на лицах только ухудшило ситуацию. Лично мне не помог даже образ разгневанного мужа, мысленно воссозданный мной для обуздания критического состояния. Я вполне уверовала в то, что от смеха можно и помереть. «Вы еще не в белом? Тогда мы идем к вам!» – эта фраза из рекламного ролика стирального порошка обрела новый смысл и мигом вытеснила из моей головы образ любимого. При первом же мимолетном взгляде на вновь прибывших. Я хотела было пригласить их «вливаться», но выговорить это слово не смогла. Так и застряла на «в-в-в-в». Страшно сказать, что за этим последовало.

Прошло достаточно много времени, но до сих пор вспоминать не хочется. Легче, чем у других, реабилитационный период прошел у Ксении Львовны. Она успела выскочить в туалет и хохотала там наедине с собой не очень долго. Зато потом очень долго редела. Из туалета ее выманили с большим трудом. К тому времени мы образовали у него своеобразную очередь. Стало как-то не до смеха.

Родион Тимофеевич снова удалился в спальню, прихватив с собой Буйкова. Рассерженный Кочнев торчал на кухне у окна, отрешенно глядя на улицу, и большими глотками уничтожал холодный кофе из Наташкиной кружки, ожидая момента, пока жена в ванной комнате приведет себя в порядок. После каждого глотка его физиономия кривилась, на пару-тройку секунд он замирал, а затем сквозь зубы чертыхался. Его голова при этом мелко-мелко кивала, соглашаясь с реакцией хозяина на рожденные ей соображения.

– Переживает! – поведала мне на ухо Наташка. – Успел попривыкнуть к

роли наследника Горшкова. Тяжело терять «отца». Пусть даже и временно нажитого. Тем более с материальными благами.

– Он от другого переживает, – выдохнула я в Наташ-кино ухо, и она недоверчиво приподняла брови. Взглянув на большой кожаный диван, я убедилась, бывшие подруги слишком заняты подведением итогов своего разностороннего развития в период взрослой жизни и сведением личных счетов, чтобы обращать внимание на окружающую действительность. А посему я осторожно потянула Наташку за собой на кухню.

Кочнев вздрогнул и резко обернулся, когда я осторожно пошлепала ладонью по его плечу. Глаза, симбиоз синего и серого цветов, вопросительно уставились сначала на меня, потом на Наташку, потом снова на меня. На сей раз вместе с Наташкиными. От такого пристального внимания я смешалась и, не задумываясь, ляпнула:

– «Мороз и солнце, день чудесный!»

– Да? – вежливо удивился Кочнев.

– Ну да, – не очень уверенно подтвердила Наташка, но тут же взяла себя в руки. – Ты мой кофе вылакал!

– Да? – Саша с сомнением заглянул в пустую кружку, недовольно скривился и пожал плечами: – Действительно. Извините.

Короткая передышка пошла мне на пользу. Я стала лучше соображать.

– Горшков просто сошел с ума! – авторитетно доложила обоим.

– Да-а-а? – удивился Кочнев. Ну до чего ж приятное у парня лицо!

– Да! – отрезала я. – Сейчас он диктует Буйкову условия – убеждает заняться тем, на что ты не дал согласия. Это в нем беспринципный капиталист заговорил. Боюсь, что у парня нет выхода: либо за решетку, либо кракерствовать в пользу Родиона Тимофеевича. Третьего не дано. Я-то по наивности по-другому думала.

– Вы ошибаетесь, – ровным голосом произнес Александр и оскалился в фальшивой улыбке, демонстрируя правильный выбор зубной пасты.

– «Бленд», – пробормотала я и умолкла. Не время отвлекаться на рекламную паузу.

– А «мед»? – тут же встряла Наташка. – «Мед» забыла?

– Уж лучше Буйкову пожить на нарах сейчас, чем накапливать отрицательный опыт кракера и оптом ответить за все сразу. Не тот вариант, когда оптом дешевле.

– Горшков не собирается воровать деньги со счетов других фирм. – Кочнев решительно поставил пустую кружку на стол, считая разговор оконченным. Она при этом грохнула. Но покидать кухню он не торопился.

– Воруют по-разному, – хмыкнула я. – Владея, например, определенной

информацией, можно устранять конкурентов по бизнесу, перехватывая выгодных клиентов.

– Не надо меня обучать прописным истинам, – Кочнев нервно взъерошил волосы, схватил со стола пустую кружку, внимательно изучая, повертел ее в руках и аккуратно вернул на место. – Он просто хочет расширить деятельность своей фирмы. Открыть отдел компьютерного программирования.

– Согласна. Но есть и другие варианты решения. – Я старательно рассматривала плитки пола, вода по ним мыском туфли. – Почему бы, например, не ссудить Буйкова большими деньгами в порядке вознаграждения за похищенную сумму, после чего с новой биографией, соответствующей новым документам, отправить его в новую жизнь. Вместе с женой и ребенком, если пожелает. А можно оставить старые документы, вернуться домой и обратиться в следственные органы с легендой о похищении вымогателями. В этом свете исчезновение денег со счетов фирмы удачно вписывается в общую картину. Хакеры-кракеры немного размялись атаками и, пользуясь безнаказанностью, окончательно обчистили Горшкова. При желании и «несчастный случай» с Буйковым можно представить, как попытку умышленного убийства. – Он же громогласно обещал коллегам по работе прекратить хакерские атаки. Но не рассекретил способа борьбы с ними. Вот и поплатился за самоуверенность. Таким образом, кража неустановленными преступниками больших денег, перечисленных фирме клиентами, налицо. Преступников так и не установят, денег не найдут. Горшков ни в чем не виноват. Его самого заблаговременно «украли». Такой поворот событий в этом кракерском поединке вполне мог иметь место. Иначе зачем Мишурику заранее покупать билет и арендовать ячейку.

Кочнев, мягко говоря, был удивлен. Потоптавшись на месте, несколько раз взъерошил волосы, потом хмыкнул и опять потоптался. А в завершение сцены даже развел руками:

– Интересная версия, но я вам могу подсказать и другую. Допустим, никто из нас не был осведомлен о том, что Буйков решился умыкнуть все деньги со счетов «Реверса». Мне удалось перехватить всю сумму, но мы не знали, что с ней делать дальше. Прежде следовало найти Буйкова. Когда у вас в кармане мелочь, вам не приходит в голову мысль о том, что этот карман ненадежен, в него могут залезть. А с большими деньгами ни одно место не покажется достаточно надежным. Вот и надумали воспользоваться кодовым замком Михаила, над изобретательностью которого перед этим посмеялись. Мишке и в самом деле предстояло ехать с

тетушкой в Тамбов. Прямо в день возвращения из турпоездки. Он даже вещи заранее отвез на вокзал и поместил их в ячейку камеры хранения. Чтобы не терять времени на дорогу домой. Номер и серия билета послужили прекрасным кодовым замком. Деньги Мишке брать с собой не следовало.

– В таком случае вы с Майкой были обязаны запомнить кодовый ключ! Если не на всю жизнь, то до момента изъятия денег из ячейки. И не полагаться на билет Мишурика.

– Я всегда говорил, что женщине ум ни к чему. – Родион Тимофеевич произнес эту фразу в лучших традициях триллера – за нашими спинами и вкрадчивым, а потому особенно жутким голосом. Наташкин ответ, несмотря на громкость, должного впечатления не произвел:

– Скажи эти слова утешения своей дуре-племяннице!

– Скажу, – охотно согласился Горшков. – Только после того, как Ирина сообщит, где деньги лежат.

– Сообщу, – не менее охотно заявила я. Уж очень не нравился тон господина Горшкова. – У следователя прокуратуры. Той самой, где пылятся материалы дела по факту исчезновения супругов Горшковых. Скорее всего, в сейфе.

Немая сцена длилась недолго, но тем не менее привлекла внимание двух соперниц, сидевших на диване в комнате. Надо же, как возбуждающе порой действует тишина! Обе подошли и попытались преодолеть торчащее в кухонном проеме препятствие в виде Горшкова, и выяснить, что случилось на сей раз.

– Ничего, – каменным тоном пояснил каменный истукан по фамилии Буйков так, что сразу стало понятно: произошло нечто ужасное.

– Не слушайте его, – я произнесла это достаточно оптимистично, – не стоит прислушиваться к мнению живого утопленника, хотя в какой-то мере он прав. Поверьте, все в полном ажуре! Иными словами, возникли форс-ажурные обстоятельства, над которыми вам всем следует подумать на досуге. Так получилось, что я хорошенько поразмыслила еще вчера и решила радикально купировать необузданные порывы алчности. Боялась, что обе стороны – и Горшковская, и Буйковская – дежурят на Павелецком вокзале, пытаясь отловить конкурента и... Словом, не хотелось жертв. А что все так испугались?

Я не стала выделять из общего числа слушателей Горшкова. Пожалуй, его физиономия лучилась, мягко говоря, недружелюбием. Надо же! И это после наших-то искренних забот о его здоровье!

– Родиону Тимофеевичу с женой лучше вернуться «из плена». Завтра же. С рассказом о том, как их похитили неизвестные, как требовали выкуп и как ловко им удалось бежать. Не помня, откуда. А по возвращении – новый удар: фирму обокрали! Кто, как и почему, ему неизвестно. Но можно предположить слаженное действие какой-то группы преступников. Они же наверняка разделались и Т. Г. Буйковым. Если, конечно, он в заросшем и почти беспмятном состоянии случайно не выйдет из дремучего леса. Его легенда еще романтичнее – прилег отдохнуть, проснулся с мешком на голове. Выпав из лодки, долго боролся за жизнь, детали продумаете сами. А можно вообще начать жизнь с чистого листа. Каким-нибудь Сидоровым. Не понимаю, что вам всем не нравится? В конце концов, каждый получает возможность выйти из кризисной ситуации, не пробив ощутимую брешь в собственной, не побоюсь этого слова, совести. Можно предположить, что даже неизвестный кракер свихнулся от ее угрызений и сдал награбленное следствию.

– Ты подставила Михаила! – сурово изрекла Ксения. –

Железнодорожный билет был приобретен на его имя. В нем шифр ячейки камеры хранения. В прокуратуре дураков нет.

– Не факт! Они везде есть! – запальчиво вступилась за меня Наташка. – Наш общий знакомый прокурор, дай боже ему сидеть на своем месте долгие годы, по жизни круглый дурак. В его возрасте мог бы уже озолотиться и открыть собственную частную лавочку по перековке прокурорского меча на орало, ан нет!..

– Честное слово, никому не говорила о билете, – подхватив подругу под руку и обретая при этом новые силы, я смело посмотрела на окружающих. – Во-первых, звонила из телефона-автомата инкогнито, вернее, как «доброжелательница» и просто продиктовала набор цифр, пояснив, что там лежит крупная сумма денег, похищенная у похищенного Горшкова и так далее.

– А как же конверты с полным собранием твоего сочинения на заданную нами тему? – съехидничала Юлька. – Помнится, ты так ими козыряла!

Не стоило ей так себя вести. Я рассердилась:

– Пять конвертов в надежных местах и ждут, когда кто-нибудь из вас решится, скажем так, на неправильные действия в отношении нас с Натальей и наших семей. Лучше поговорим на тему твоей порядочности. Лично я уверена в том, что именно ты наняла отморозков, мобилизовав их на ДТП с Мишуриком. Только рассчитывала, что на его месте будет Кочнев. Он явно мешал Тимуру в достижении целей. Наталья, помнишь момент нашего прибытия из «свадебного путешествия»? Майка с Мишуриком торчали с вещами у метро и что-то обсуждали. У меня тогда оторвались ручки пластикового пакета, и ты с ворчанием понеслась в киоск купить новый.

– И потеснила двух молодых придурков, увлеченно рассматривающих фотографию, – радостно откликнулась подруга. – Кажется, они сверялись с натурой, но мне некогда было уточнять, с какой именно, я их просто козлами обозвала, они меня тоже как-то обозвали.

– Вот именно! Пока мы паковались, Майка с Мишуриком, которого мы тогда справедливо считали Кочневым, исчезли. В очереди на такси Мишурик уже стоял один. Далее ты, Юленька, выяснила, что попавшего под машину человека доставили в клинику Склифосовского. И покатила туда. Тут ожидали две неприятности сразу: пострадавший оказался живучим, вторая – вместо Александра под машину угодил Михаил, бывший муж подруженьки. Михаила привезли в клинику с одной только сумкой, но без документов – а до кучи, и без сознания. Ты зарегистрировала его в

клинике на фамилию Лузгина. Скорее всего, представившись знакомой. Не хотела, чтобы Мишурика сразу же нашли. Не зная о твоей прямой заинтересованности в хищении денег, он пришел в себя и сдуру обратился к тебе с просьбой связаться с подругой Ксенией, дабы убедить ее в опасности – рядом с ней монстр и то, что его, Михаила, пытались убить, тому прямое свидетельство. Следующая просьба касалась супругов Кочневых и вещей. Особенно кожаного пиджака Александра, который непременно надо ему вернуть. Но его в сумке не оказалось. Наверное, от этого известия Ми-шурику совсем похужело. Да и тебе тоже. Нетрудно было догадаться, что в карманах пиджака хранилось что-то важное. Не зря же Мишурик временно влез в эту шмотку, а заодно и в шкуру Кочнева.

Юля стала как будто ниже ростом. Оказалось, что у нее просто подогнулись колени. Она стояла, привалившись к стенке, затравленно смотрела на каменного Буйкова и пыталась улыбаться. Но уголки губ предательски дрожали, не отставал и подбородок, вместо улыбки получались жуткие гримасы.

Я невольно прервалась, не зная, стоит ли продолжать. Но все, кроме Юльки и Буйкова, заорали: «Дальше!»

– А что дальше? – Злость у меня уже прошла. – Дальше, прозрев и объединившись с Кочневым, его отыскала Ксения Львовна и перевезла в другую больницу. Обеспечив «беспмятному» от сотрясения мозга Мишурику охрану, успокоилась. И зря. Юлька быстро вычислила, где он находится, и сочинила для лечащего врача трогательную историю о необходимости «спасения» пациента. Самому пациенту еще в клинике Склифосовского нарисовала картину ужаса: его упорно ищут – и Горшков, и Ксения, и Кочневы. Причем все объединены единой целью – найти и размазать по стенке за то, что похитил деньги. Оставалось только поддерживать в Мишурике огонек страха, не давая особо разгораться. И потихоньку подводить к мысли о сотрудничестве в деле реабилитации. Достаточно вспомнить, где деньги лежат. Но Мишурик упорно отмалчивался. К тому моменту Юльке было известно от отца о визите двух женщин и одного мужчины, пытавшихся отыскать какого-то соседа Кочнева, чтобы передать ему кожаный пиджак. Мишурик очередной раз разволновался и прямо заговорил о кодовом ключе – железнодорожном билете, который хранится в кармане пиджака.

Не в первый раз помянув родителя недобрым словом, Юлька попыталась выяснить, известен ли код Майке. И тут Мишурик признался: она наверняка успела забыть набор цифр, иначе ячейку давно бы вскрыли, а его, Мишурика, не обвинили в воровстве. Участь девушки была решена, с

вашей помощью она временно поменяла место регистрации.

– Это все неправда! – Юлька прекратила попытки улыбаться и, закрыв лицо ладонями, перешла на рыдания.

– Возможно, – легко согласилась я. – Опровергнуть мою версию может только следствие. Вам решать, стоит ли проверять детали. В одном я уверена, мы с Натальей вовремя перетащили Мишурика с его собственной дачи на Натальину. Вдруг Юльке надоело бы с ним таскаться? Правда, мне довелось пережить несколько крайне неприятных минут, когда я поняла, под чьим патронажем оставляем передвижного калеку. В ответ на мои откровения по поводу истинной ценности находящегося у нас неиспользованного железнодорожного билета Мишурик от радости чуть не выдал тайну. Юленька – квалифицированный и запасливый фармаколог тут же усыпила несчастного. Слава богу, не до смерти. А вскоре она мне позвонила и, разумеется, не называясь, дала понять, что ей известен не только мой адрес, но и состав семьи. Сведения, которые она намерена забыть в обмен на железнодорожный билет. Их нетрудно было получить от моей свекрови. Честно говоря, я ждала этого звонка, но все равно разозлилась. Ксюша тоже угрожала, но больше в том плане, что я кретинка, не думающая о последствиях своих действий для чужих мне людей.

– Она сама такая! Да какой кретин о них думает! – победоносно воскликнула Наташка. – По большому счету, каждый из нас время от времени впадает в такое состояние. Ир, как ты могла отправить собственного сына на мою дачу с заданием выкрасть Мишурика? Кстати, как он выкрал больного из лап фармаколога? Бедный Мишурик! Таскают несчастного из конца в конец все кому не лень.

Я вытянула из кармана мобильник и взглянула на время. Оно определенно шло вперед. Только слишком быстро.

– Я рассудила, что Юльке нет смысла караулить больного дальше. Никуда на сломанной ноге не ускачет. А наша бабуля о нем позаботится. Девушке надо было срочно возвращаться в столицу, чтобы заполучить у нас билет, а еще лучше – деньги. Пораздумав, они с Буйковым решили осуществить это более грамотно и менее опасно, через господина Горшкова.

Я сделала легкий поклон в сторону Родиона Тимофеевича. Он ответил мне тем же.

– В ход пошел шантаж: деньги в обмен на жизнь Майки и Мишурика. Расчет был на то, что Горшков не будет делиться подробностями и постарается стряхнуть нас с Наташкой, как дорожную пыль, на своем собственном пути к решению проблемы. Мы все же в этом деле

совершенно посторонние люди. Хотя и достаточно осведомленные – в том плане, что деньги в железном ящике принадлежат ему. Ему ими и жертвовать. Гласность не нужна.

Я бы и еще кое-чего сказала, да ожил Наташкин мобильник. В первый раз мне удалось увидеть, как подруга не может связать и двух слов. Несмотря на активную работу мысли, о чем сигнализировал нахмуренный лоб и сосредоточенное лицо, Наташка ограничивалась одним «яканием». Но с разными интонациями: «Я?!.. Я-а-а-а, я?... Я!!!» Судя по тому, как она бросала на меня жалостливые взгляды, моя семейная жизнь вступала в очередную черную полосу.

– Ир, тебя из дома выгнали, вместе с Мишуриком, – со вздохом промямлила подруга, убирая свой мобильник в Майкин карман. Девушка вышла из ванной и пыталась понять обстановку. Поэтому и не возразила. – Твой Ефимов совсем озверел. Обещал Мишурику сломанную ногу лично переломать. Если рентген покажет, что она неправильно срастается. Он, оказывается, тебе специально эсэмэской напоминал, чтобы ни на какие встречи не намыливалась. Это опасно. Ты почему-то не послушалась. Ир, не все так плохо. Это Димка таким образом тебя домой заманивает. Чтобы потом, значит, сразу и выгнать. Может, Максиму Максимовичу позвонить? Пусть попросит прощения за твои перегрузки. Не зря же я тебя на неотложке увезла.

– Ни в коем разе! Хуже будет! Кстати, Ксения Львовна, возьми свою фотографию. – Я порылась в сумке и, вытащив снимок, вручила его Ксюхе. – Нечаянно утащили с дачи, вместе с Мишуриком. Это тебе на память. Здесь он еще живой и здоровый. Как у него с этим делом сейчас, не знаю. Мой муж – человек безжалостный. Как и все хирурги. А заодно возьми и злополучный билет до Тамбова. Это Мишурику на память.

И сразу же забыла про окружающих. Они между собой сами разберутся, а мне теперь в собственном доме божевать придется. Но мысль тут же переключилась на беднягу Мишурика, вызвав у меня невольный стон. Лицо подруги, все еще напряженное, озарилось слабой улыбкой. Слегка хитренькой. Затем она расцвела в полную силу, демонстрируя торжество справедливости.

– Ксения Львовна! А ведь твой бывший муж попал в крайне неприятное положение исключительно из любви к тебе, дуре ненаглядной! Тебе его и надлежит спасать. Хотя бы из человеколюбия. Катись-ка ты в больницу к мужу Ирины Санны, куда его только что доставил ведущий хирург Ефимов, и постарайся...

– Выкрасть Михаила! – с готовностью отозвалась Ксюша.

– Зачем? – искренне удивилась Наташка. – Ему там будет хорошо. Может быть, твоя задача – сделать ему еще лучше. Просто поведаешь хирургу Ефимову историю ваших злоключений. На свое усмотрение, но с дальним прицелом вызвать у Дмитрия Николаевича, это мирское имя хирурга Ефимова, комплекс неполноценности. Не мне тебя учить. Важно, чтобы он понял, – ему исключительно повезло с женой, которую надо любить, а главное, жалеть. Той охраны, которую ты организовала у койки Мишурика, не нужно. Юлька ее в два счета объегорила. Да теперь охрана и ни к чему. А почетный караул Мишурику на фиг не нужен.

– Дядя... – слабо заикнулась Ксения Львовна и скулсила, как маленький ребенок.

– Хватит ныть! – прикрикнул Горшков. – Поедем вместе. Я сам объясню ситуацию. В принципе все хорошо. Ирина права, вмешались форс-ажурные обстоятельства. И их действие должно пойти всем на пользу.

Эпилог

Через полтора месяца мы получили официальное приглашение на свадьбу. Ксения озадачилась целью снова стать госпожой Ельцовой.

– Все-таки решила доконать страдальца! – мрачно изрекла Наташка, придирчиво изучая открытку с розовыми розами, торчащими из двух обручальных колец.

– «Как хороши, как свежи были розы!» – с чувством сострадания продекламировала я.

– Из венка на могилу, где захоронены честь и достоинство Мишурика. Я думаю, нам не стоит принимать приглашение. Снова видеть все эти лица. Позвоним, поздравим, сообщим, что приехать не можем, и простимся навсегда. Сама этим займусь. Сэкономим на подарке.

Спустя еще полтора месяца мы в полном семейном составе отмечали встречу Нового года и новой жизни супругов Ельцовых на даче у господина Горшкова, удивляясь тем переменам, которые произошли с Михаилом Петровичем и Ксенией Львовной. По нашему мнению, в семье Ельцовых будет патриархат. И еще: никогда бы не подумала, что Мишурик является владельцем туристической компании, занимающейся организацией речных круизов. Наше с Наташкой самое слабое место. При одном виде белоснежных лайнеров, будь они вблизи рядовым корытом, теряем разум и бдительность. Вот и наше присутствие на свадьбе Ельцовых было куплено за счет обещанного летнего речного круиза. Приятно жить надеждами на прекрасное будущее.

Торжественное мероприятие прекрасным не было. Простая регистрация брака без свадебных нарядов и шумной толпы гостей. И застолье, больше похожее на встречу старых друзей, которыми мы совсем не являлись.

К прошлому не возвращались. Единственное, что меня долгое время мучило, – ключевое слово, которое Майке надлежало назвать Горшкову по телефону. «Горшок!» При первой встрече Майка на полном серьезе обратилась к Родиону Тимофеевичу «господин Горшок», вызвав у него истерический хохот и намерение впредь представляться именно так. Лишь бы в печку не ставили. Потом она долго извинялась, ссылаясь на то, что плохо расслышала фамилию, тогда как истинным виновником «оговорки» был маленький Стасик. Хотя помимо добродушных хозяев Горшковых, четы молодоженов и супругов Кочневых с сыном больше никого не было, мне все время мерещилось присутствие Юлии и Буйкова.

Сам Буйков обитает где-то в заморских странах, а Юлька готовится в скором времени стать вдовой. Ее не очень вменяемый муж окончательно возложил на оборотистую супругу свои обязанности руководителя фармакологической фирмы, а сам мучается на больничной койке от цирроза печени.

Эти новости поведала нам Ксения Львовна Ельцова под большим секретом. Дядя не переносит, когда при нем произносится Юлькино имя. У нее было право выбора честного пути, продиктованное «форс-ажурными обстоятельствами». Она им не воспользовалась. Родион Тимофеевич считает ее хищницей в маскарадном костюме «тихой сапы».

Возможно, он прав. Что ж, каждый из нас идет по жизни своей дорогой.

Примечания

1

Имеется в виду роман В. Андреевой «Новый год со спецэффектами».

[n_1](#)

Роман В. Андреевой «По секрету с того света».

[n_2](#)

Роман В. Андреевой «Праздник покойной души».

[n_3](#)

4

Имеется в виду роман В. Андреевой «Ложь напрокат».

[n_4](#)

FB2 document info

Document ID: 2cce8500-ae2f-102b-b8f2-843476b21e7b

Document version: 1

Document creation date: 28.07.2008

Created using: FB Editor v2.0 software

OCR Source: Издательский текст

Document authors :

- shum29

Source URLs :

- <http://www.litres.ru>

Document history:

v 1.0 – создание fb2 – (shum29)

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon